

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

Russian Journal of Bakhtin Studies

2025

Том 7, № 2
Vol. 7, no. 2

Бахтинский вестник

Russian Journal of Bakhtin Studies

Научный журнал

Учредитель и издатель:

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования «Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
им. Н.П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика
Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Адрес редакции:

430005, Российская Федерация, Республика
Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

+7 8342 481424

Главный редактор Н. И. Воронина

Издаётся с 2019 года

Периодичность издания - 2 раза в год

Scholarly journal

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution
of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”

68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation

Editorial office address:

68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation

+7 8342 481424

Editor-in-Chief N. I. Voronina

Published since 2019

Twice 2 year Periodicity

e-mail: bakhtinskiy.vestnik@mail.ru

<https://www.bakhtiniada.ru>

При цитировании ссылка на журнал «Бахтинский вестник» обязательна

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная статья

- Воронина Н. И. МГУ – МГУ: содружество, проверенное временем 116

Теория и история культуры

- Шульц С. А. М. М. Бахтин и научное творчество Г. Д. Гачева 127

- Индриков А. А., Индриков М. А. Культурные импринты русской истории:
от символики прошлого к монументальным кодам будущего 138

- Щукин Д. С., Митина Я. С. В. А. Юрчёнков: многогранность творческой
деятельности (к 65-летию со дня рождения) 149

Теория и история искусства

- Лысова Н. Ю. Автопортрет как переживание «я-для-себя» и «я-для-другого»
в творчестве А. И. Киякина 159

- Радзецкая М. Д. Альтовая школа М. Н. Тэриана в Московской консерватории:
тенденции развития соторческого потенциала 176

Биографические и архивные исследования

- Клюева И. В., Лисунова Л. М. Родственники М. М. Бахтина Ситниковых:
неизвестные страницы семейной истории 195

Хроники. Рецензии

- Воронина Н. И., Клюева И. В. 130-летие со дня рождения М. М. Бахтина 218

- Дубровская С. А. Новая книга по теории литературы 230

CONTENTS

Editorial

- Voronina N. I.** MSU – MSU: A Time-Tested Collaboration (In Russ.) 116

Theory and History of Culture

- Shultz S. A.** M. M. Bakhtin and Scientific Creative Work of G. D. Gachev (In Russ.) 127

- Indrikov A. A., Indrikov M. A.** Cultural Imprints of Russian History: From the Symbolism of the Past to the Monumental Codes of the Future (In Russ.) 138

- Shchukin D. S., Mitina Ya. S. V. A.** Yurchyonkov: The Multifaceted Nature of Creative Activity (on the 65th Anniversary of His Birth) (In Russ.) 149

Theory and History of Art

- Lysova N. Yu.** Self-Portrait as an Experience of “I-for-Myself” and “I-for-Another” in the Work of A. I. Kiyaikin (In Russ.) 159

- Radzetskaya M. D.** The Alto School of M. N. Terian at the Moscow Conservatory: Trends in the Development of Creative Potential (In Russ.) 176

Biographical and Archival Research

- Klyueva I. V., Lisunova L. M.** The Sitnikovs – Relatives of M. M. Bakhtin: Unknown Pages in the Family History (In Russ.) 195

Chronicle. Reviews

- Voronina N. I., Klyueva I. V.** 130th Anniversary of Mikhail Bakhtin’s Birth 218

- Dubrovskaya S. A.** A New Book on Literary Theory 230

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ / EDITORIAL

<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.116-126>

EDN: <https://elibrary.ru/rkgqer>

УДК / UDC 001.8:378.1

МГУ – МГУ: содружество, проверенное временем

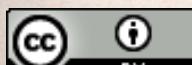
Н. И. Воронина

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация
kafkmgu@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается опыт сотрудничества двух российских вузов: факультета искусств Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, запросом российского и международного научного сообщества на целостное и системное компаративное исследование вузовской культуры, а с другой – значительным интересом к специфике конкретного творческого сообщества. Цель исследования – показать динамику взаимосвязей двух вузов в сфере культурологии и искусствоведения, представив эти взаимосвязи как в исторической ретроспективе, так и в реалиях сегодняшнего дня. Проблематика исследования обладает значительной научной широтой: сотрудничество двух университетов рассматривается как модель для анализа ключевых тем современного гуманитарного знания. Среди них – диалектика личности и времени, взаимосвязь медиасреды и искусства, феномен академического сообщества и створчества, а также корпус диссертационных исследований по истории и культуре двух вузов. Представленный опыт сохраняет свою актуальность, стимулируя дальнейшие научные изыскания, что дает плодотворные результаты. Взаимодействие двух коллективов основано на принципе «кооперирования» (по М. М. Бахтину), а не конкуренции. Данный подход обеспечивает эффективную реализацию совместных

© Воронина Н. И., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

проектов, выражающуюся в проведении исследований и подготовке публикаций, используя научные и творческие материалы, а также исторический, теоретический и логический методы, решаются проблемы обмена опытом в образовательной деятельности, в совместной публикационной и издательской работе, в защите докторских и кандидатских диссертаций. На базе обоих университетов проводятся научные конференции, посвященные смысловым реалиям культуры и искусства. При этом молодые исследователи активно вовлекаются в профессиональную научную дискуссию. Важной стороной сотрудничества является подготовка докторов и кандидатов наук для пополнения педагогических ресурсов вузов. В исследовании приводятся конкретные имена ученых и специалистов, чья работа направлена на приобщение молодежи к миру знаний.

Ключевые слова: МГУ им. М. В. Ломоносова, МГУ им. Н. П. Огарёва, научная школа, культурология, искусствоведение

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Воронина Н. И. МГУ – МГУ: содружество, проверенное временем // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 116–126. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.116-126>

MSU – MSU: A Time-Tested Collaboration

N. I. Voronina

National Research Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation

kafkmgu@mail.ru

Abstract

The article examines the collaboration between departments of two Russian universities: the Faculty of Arts at Lomonosov Moscow State University and the Institute of National Culture at National Research Mordovia State University. The relevance of the study stems from the need for a holistic, systemic study of contemporary university culture and its potential in overcoming the crisis in culture and education. The aim of the study is to demonstrate the dynamics of the relationship between the two universities in the fields of cultural studies and art history, presenting these relationships both in historical perspective and in the context of today's realities. This is the first study of its kind. The research material represents the experience of collaboration between the Faculty of Arts at Lomonosov Moscow State University and the Institute of National Culture at National Research Mordovia State University in the field of culturology and art history. The main method used in the study is the historical-logical method; the following general scientific methods were used as auxiliary ones: theoretical (analysis, synthesis), empirical (observation, document analysis). The article demonstrates that the collaboration between the two university teams is based on the principle of "cooperation" rather than competition (M. M. Bakhtin). The two teams successfully implement joint scientific and creative projects (research, publications, etc.). Both universities host scientific conferences to discuss the semantic realities of culture and art. Young scholars, graduate students, and undergraduates actively participate in these events. Creative laboratories and practical classes facilitate their acquisition of professional experience. An important aspect of this collaboration is the training of doctors and candidates of science to supplement the pedagogical resources of universities. The study cites specific names of scholars and specialists working at both universities and introducing young people to the world of beauty and knowledge through books, new educational programs, and modern technologies.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, National Research Mordovia State University, scientific school, culturology, art history

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Voronina N.I. MSU – MSU: A Time-Tested Collaboration. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(2):116–126. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.116-126>

В 2025 г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ) – юбиляр: исполнилось 270 лет со дня его основания. Мы, ученые Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (тоже МГУ) как партнеры не только поздравляем московских коллег, но и анализируем наше содружество. Много лет мы удерживаем наши позиции, сохраняя смысловое пространство сотрудничества, бережем и приумножаем его, пополняя новыми мыслями и делами, представляя партнерские достижения в науке и творчестве: проводим конференции и семинары, круглые столы и мастер-классы, обмениваемся лекторским опытом и главное – формируем молодых ученых в аспирантурах, готовим их исследования к защите в диссертационном совете нашего саранского МГУ.

Сегодня чрезвычайно актуально теоретическое осмысление проблем культуры. М. М. Бахтин писал, что «наука, искусство и жизнь ... обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству» [1, с. 5]. В числе важнейших проблем современности – проблема формирования личности, преодоления опасности ее «надвигающегося беспамятства» (Г. Л. Тульчинский) [2] в условиях реального разрыва между поколениями, в век цифровизации, которая стала определять современную картину мира, личную жизнь, правовые институты, социализацию личности. Эти проблемы требуют обращения к серьезному обсуждению единства ответственности личности в «трех областях человеческой культуры» [1].

Осмыслению этих проблем посвящаются не только конференции, но и дискуссии в коллективных монографиях, в разделах журналов «Теория и история искусства» (г. Москва), «Феникс» и «Бахтинский вестник» (г. Саранск). В коллективной монографии «Концептосфера современной культуры» констатируется, что «новая онтология культуры – это коммуникация, динамичные отношения между различными структурами в социокультурном пространстве. Их постоянное становление и обновление, изменение и развитие направлены на понимание значения многообразных форм культуры для общества в целом и для каждого человека» [3, с. 5]. Сотрудничество и соптврочество двух МГУ направлено на понимание современных задач в культуре, науке, искусстве, на их практическую реализацию.

Материалом исследования, прежде всего, стали понятия «культура», «наука», «искусство», «личность», «медиаэпоха», «содружество» и «соптврочество», «диссертация» как базовые для данного исследования. На их основании рассматриваются частные проблемы смыслового пространства сотрудничества. Актуальными становятся работы отечественных и зарубежных философов, культурологов и искусствоведов: Ж. Бодрийяр [4], Э. Кассирер [5], У. Эко [6]. У. Эко утверждает, что важно понимать культуру как целое, что «содержание понятия культуры неотделимо от основных форм и направлений духовного производства, здесь, как нигде, “бытие” постижимо только в “действии”» [6, с. 171]. Целостность мира культуры – в явлениях, символах и знаках искусства, которому посвящены наши образовательные программы. В искусстве весь круг вопросов концентрируется вокруг проблемы творчества. В работах

М. М. Бахтина [1], Н. И. Ворониной [7; 8], Т. С. Злотниковой [9], А. П. Лободанова¹ речь идет об «осмыслиении себя и своего места в мире», об «отражении содержательных пластов человеческой субъективности» каждым художником в живописи, хореографии, музыке, литературе, театральном искусстве. Работы философов И. Л. Сиротиной [12], Г. Л. Тульчинского [2], культурологов Г. В. Денисовой [11], Т. И. Ерохиной², Л. А. Шумихиной [10], Е. Н. Шапинской [13] открыли возможность междисциплинарной комплексной методологии, позволили очертить интеллектуальный и культурный контекст работы двух коллективов, связать наиболее значимые события, социальные проекты и культурные феномены, стимулировать исследовательский интерес к ним.

Тем не менее, несмотря на активный интерес к богатому опыту научного и творческого содружества двух интересных подразделений университетов в Москве и Саранске, подобное явление ни в культурфилософском, ни в искусствоведческом плане специально не исследовалось.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва расположен в Саранске, столице Республики Мордовия, и является крупнейшим в регионе вузом. В университете 7 институтов, 10 факультетов и 2 филиала, которые, помимо классических научных, готовят специалистов инженерно-технических, архитектурно-строительных, естественных, агрономических, юридических, экономических и других гуманитарных направлений.

Факультет национальной культуры, образованный в 1991 г., в 2006 г. получил статус института (ИНК). Направление его деятельности определилось временем – возрождение, сохранение и развитие в современном обществе духовных традиций народов России, самобытных явлений политической культуры Мордовии и народов финно-угорского мира, а также реализация новаторских программ в области образования³. При открытии института каждая кафедра занималась проблемами отдельных видов искусства (музыка, хореография, театр) и библиотечного дела. Позднее круг творческих направлений расширился, и сегодня здесь осуществляется прием на новые специальности (дизайн, реклама, медиакоммуникации).

В 1995 г. в состав института вошла общеуниверситетская теоретическая кафедра культурологии во главе с Н. И. Ворониной. Постепенно кафедра расширялась и меняла названия («культурологии и этнокультуры», «культурологии и театрального искусства» и др.), в настоящее время она называется «кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов», но ее ядром всегда оставалась культурология (рис. 1).

Научная школа Н. И. Ворониной по культурологии стала брендом института и всего университета. В ИНК на базе кафедры открылась специальность «Культурология», аспирантура, докторанттура и диссертационный совет (1997 г.) по трем направлениям (философия, культурология, искусствоведение).

Уникальный творческий коллектив кафедры подготовил учебники по теоретической и исторической культурологии, философии и онтологии искусства, научные монографии и книги о деятелях культуры республики, серии буклетов об исторических местах Мордовии, сборники, учебные пособия и справочники. Эти издания выходили большими тиражами, привлекая к себе внимание как студентов университета, так и самой широкой читательской аудитории.

¹ Лободанов А. П. Семиотика искусства: история и онтология : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 442. <https://elibrary.ru/xqasit>

² Ерохина Т. И. Личность в современной русской культуре: стратегии социокультурного изучения : учеб. пособие. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. 144 с.

³ Институт национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва : официальный сайт. URL: <https://mrsu.ru/ru/university/institute/inc/> (дата обращения: 21.02.2025).

Кафедра культурологии выпускала два научно-публицистических периодических издания: ежегодник «Феникс» (1999–2017) и аспирантский сборник «DISCURSUS» (2001–2011), главным редактором которых являлась руководитель научной школы. Исследования научной школы по проблемам провинциальной и столичной, национальной и этнической, массовой культуры имеют как теоретическое, так и прикладное значение, они известны во всей России.

Н. И. Воронина – автор более 30 монографий, четырех учебников, трех учебных пособий. Под ее руководством защищено 27 докторских и 90 кандидатских диссертаций в области философии, культурологии и искусствоведения, издано более 50 сборников научных трудов, разработаны проблемы моделирования пространства культуры и изучения его прикладных возможностей на материале русской культуры, творчества М. М. Бахтина, Н. П. Огарёва, Г. И. Масловского, И. Д. Воронина и др.

Были проведены Эрьзинские, Бахтинские, Яушевские чтения, в которых участвовали представители научной интеллигенции не только Мордовии, но и других регионов страны, ближнего и дальнего зарубежья, продемонстрировав плодотворность и эффективность научной коммуникации. Ученые кафедры активно сотрудничали с философами Ирландской школы культуры и искусства (г. Дублин), с Международной ассоциацией эстетиков (Швейцария), с российско-немецким центром «Город – Страна – Планета» (Дюссельдорф – Самара), с вузами Москвы, Пензы, Рязани, Ульяновска, Ярославля.

На кафедре культурологии решалась важная задача, актуальная и сегодня – формирование научного потенциала, подготовка молодых ученых. Разрабатывались философские, культурологические и искусствоведческие проблемы, многие из которых впервые поднимались в науке. Среди тем докторских диссертаций, подготовленных под руководством Н. И. Ворониной, следует, прежде всего, назвать следующие: «Мифология

Рис. 1. Юбилей кафедры культурологии института национальной культуры
МГУ им. Н. П. Огарёва. 2010 г.

Fig. 1. Anniversary of the Department of Culturology, Institute of National Culture,
National Research Mordovia State University. 2010.

Источник: здесь и далее в статье фото из личного архива Н. И. Ворониной.
Source: Photo from the personal archive.

в культурном сознании мордовского этноса» (Н. Г. Юрченкова, 2002); «Выразительность молчания в культуре XX века» (М. В. Логинова, 2003); «Универсализм культуры: Опыт культурологического анализа» (О. Г. Беломоева, 2005); «Возраст как ментальная универсалия: культурфилософские основания моделирования» (Ю. А. Елисеева, 2008); «Философский эго-текст: бытие в культуре» (С. И. Митина, 2010); «Система художественного языка танца: специфика, структура и функционирование» (Ю. А. Кондратенко, 2010); «Танцевально-пластическая культура мордвы (опыт искусствоведческого анализа)» (А. Г. Бурнаев, 2012), «Семантика картины мира в традиционном мордовском костюме» (Т. А Шигурова, 2012); «Книжность и российская ментальность: культурологический анализ мемуарного дискурса» (Г. М. Агеева, 2013); «Музыкальное искусство Мордовии как этнокультурный феномен» (О. В. Радзецкая, 2014) и др. Важным направлением становится изучение этнической культуры Мордовии: от мифологии до современного танца, песни, народных промыслов и т. д., от отдельных личностей до «культурных гнезд» на территории мордовского края. Сформировался мощный научный потенциал института, развернувший исследовательскую деятельность в подготовке кандидатов наук (руководителями стали Г. М. Агеева, О. Г. Беломоева, И. В. Клюева, М. В. Логинова, И. Л. Сиротина, а также приглашенные профессора других факультетов).

Факультет искусств в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, образованный в 2001 г., расположен в отдельном здании – «доме Якоби», памятнике русского классицизма (ул. Большая Никитская, д. 3, стр. 1). В нем одновременно были открыты несколько кафедр: семиотики и общей теории искусства, театрального искусства, музыкального искусства, словесных искусств, а также две лаборатории: художественная (учебная галерея факультета) и театральная (учебный театр факультета) (рис. 2).

Рис. 2. Выпускники факультета искусств МГУ им. М. В. Ломоносова
Fig. 2. Graduates of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University

Деканом факультета с 2001 г. бессменно является доктор филологических наук профессор А. П. Лободанов. На протяжении многих лет он работал переводчиком

(с французского и итальянского языков), был представителем России в других странах, стажировался в Париже и Риме: «Рим вошел в мое сердце сразу, так в нем и остался», – говорит он⁴.

Профессор А. П. Лободанов заведовал кафедрой французского языка в Дипломатической академии МИД СССР и кафедрой итальянского языка на факультете иностранных языков МГУ. Обе его диссертации связаны с итальянским Возрождением. Он увлеченно читал и читает лекции по семиотике и психологии искусства, по общей теории искусства. Его несомненной заслугой является создание коллектива факультета, обладающего большим научным и творческим потенциалом, способным выдвигать новые стратегии развития искусства. Коллектив постоянно организовывает конкурсы, выставки, спектакли, концерты в Москве и других городах России, в зарубежных странах. На факультете издаются монографии (у А. П. Лободанова их более 20), рецензируемый научный журнал, разрабатываются новые программы профессиональной подготовки в области искусства.

Договор о взаимном сотрудничестве между двумя МГУ был заключен в 2007 г., когда А. П. Лободанов впервые посетил Мордовский университет – он был приглашен в качестве председателя государственной экзаменационной комиссии по культурологии и театральному искусству.

Предметом нашего диалога стало культурно-историческое наследие городов проживания. А. П. Лободанов – патриот Москвы: «Москва – город, который я люблю, и живу в безумном современном ритме. Прогулки дают силы (живая, непреходящая красота), особо памятники М. В. Ломоносову, А. И. Герцену и Н. П. Огарёву, которые возвышаются около университета на Моховой – пять минут походить вокруг – это память, это чувство гордости и за город, и за университет»⁵. Такими экскурсиями встречал Лободанов и саранских преподавателей и студентов.

Саранск – город М. М. Бахтина и С. Д. Эрьзи. «Бахтинские тропы» и Музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи, Музей Н. П. Огарёва имели важное значение во время посещений Саранска московскими студентами и преподавателями. Под впечатлением от них закладывались прочные научные связи с Мордовским университетом, с кафедрой культурологии.

Связи выстраивались подобно музыке, в которой А. П. Лободанов сыграл роль не просто лидера факультета искусств, а, можно сказать, главного «композитора». Будучи лидером своего коллектива в области фундаментальных исследований, он относит семиотику и общую теорию искусства, теорию и историю искусств (по видам) к приоритетным научным направлениям⁶. Открывшаяся на факультете аспирантура стала главным звеном в научном сотрудничестве факультета искусства МГУ им. М. В. Ломоносова с кафедрой культурологии МГУ им. Н. П. Огарёва, которое продолжается уже 18 лет. Ведется подготовка кандидатов и докторов наук (которые защищают свои работы в диссертационном совете при МГУ им. Н. П. Огарёва), осуществляется взаимное консультирование и оппонирование на предзащитах и защитах диссертаций – как в Москве, так и в Саранске.

В последнее время значительно расширилось проблемное поле совместных исследований: от видов искусства к различным феноменам культуры (интертекст, коммуникативная реальность, современное поликультурное пространство России и Италии, медиаискусство в контексте новейших технологий, феномен бренда, динамика культурного хронотопа постмодерна, коллекционирование и др.). За последние десять лет выпускники московского факультета искусств защитили две докторские

⁴ Приветствие декана факультета искусств Александра Павловича Лободанова [Электронный ресурс]. URL: <https://openday.msu.ru/arts> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵ Там же.

⁶ Лободанов А. П. Семиотика искусства: история и онтология : учеб. пособие.

и 12 кандидатских диссертаций по культурологии и искусствоведению, руководителями которых были профессора обоих университетов. Среди них кандидатские диссертации китайских аспирантов, которые окончили факультет искусств, затем аспирантуру в Москве или в Саранске.

Следует отметить последние по времени защиты докторских диссертаций, подготовленных совместно двумя коллективами. Г. В. Денисова, заместитель декана по научной работе факультета искусств (г. Москва) выполняла работу при научном консультировании профессора Н. Л. Новиковой (г. Саранск). Ее диссертация посвящена исследованию интертекстуальности как культурного феномена, сквозь призму которого носители лингвокультуры интерпретируют действительность. На основе анализа конкретных переводов литературных произведений современных итальянских авторов на русский язык и русских авторов на итальянский язык Г. В. Денисовой построены модели интертекстуальных переводных эквиваленций, отражающие алгоритм перевода и способы компенсации смысловых потерь [11]. Исследователь во многом опирался на идеи М. М. Бахтина о важности «пограничных сфер... на границах... дисциплин, на их стыках и пересечениях» [14], подготовив работу на стыке философии, культурологии, литературоведения и лингвистики.

После защиты Г. В. Денисовой в содружестве была подготовлена и издана в г. Москве коллективная монография «Лики итальянского искусства», авторами которой стали ученые из г. Саранска (Н. И. Воронина, Ю. А. Кондратенко, И. Л. Сиротина), г. Москвы (Г. В. Денисова, А. В. Павловская, Д. А. Шевлякова), а также Италии (Т. Буэно): «...из множества частных локальных измерений итальянской культуры сложился общий контекст исследования многообразия культуры и искусства, в котором оказалось место и фундаментальным проблемам, и феноменам искусства, и этническим особенностям его проявлений, и творчеству конкретных художников» [8, с. 8]. Через три года выходит еще одна совместная монография об итальянской культуре – на английском языке [15].

Тема диссертации Т. Е. Фадеевой, выпускницы факультета искусств (г. Москва), докторанта МГУ им. Н. П. Огарёва (научный консультант профессор Н. И. Воронина) «Медиаискусство в контексте новейших технологий» актуальна тем, что способы формирования новых восприятий и мышления современного человека не могут быть связаны только с «исследованием новейших экспериментальных форм и стратегий медиаискусства с точки зрения изучения формальных новаций и задач» [16, с. 4]. Здесь же с сожалением констатирует, что многие люди, особенно молодые, становятся заложниками медиакультуры – этой новой ситуации, системы с коммуникативным усечением. Опираясь на слова известного исследователя данной проблемы, искусствоведа Т. С. Злотниковой – «Медиа – это вымыывание значимого и ценностного из нашей эпохи, – абсолютизация средств, с которыми теперь умеют работать многие; их значимость редуцировала тексты, заголовки, переименования, что приводит к редукции смысла... Откровенно идет унижение/уничтожение просветительских, образовательных программ, разделов...» [9, с. 333] – Фадеева резюмировала, что сегодня идет приращение средств, но гораздо реже наблюдается приращение смыслов.

Тем не менее многие художники работают в более широком социокультурном контексте, используя новые технологические достижения в образной ткани, которая, безусловно, меняет и мышление автора, и восприятие зрителя-слушателя. Диссертация предоставила возможность подискутировать о сегодняшних проблемах медиакультуры. На защите выступили профессора из Саранска (О. Г. Беломоева, О. Ю. Осьмухина, И. Л. Сиротина) и из Москвы (Г. В. Денисова, А. П. Лободанов, О. В. Радзецкая, Е. Н. Шапинская).

Н. А. Догорова, выпускница Мордовского университета, работающая сегодня на факультете искусств в Москве, подготовила искусствоведческую диссертацию

«Пластическое и этнопластическое мышление в хореографическом искусстве: становление и трансформации» при консультировании профессора Н. И. Ворониной. Диссиденткой проделана большая и емкая работа, собран значительный материал, лежащий в поле искусствоведения, театроведения и хореографии. Во-первых, подобная тема в искусствоведении рассматривалась впервые; во-вторых, практический материал диссертации имеет большое значение для современной хореографии; в-третьих, создана авторская модель, в которой новаторские поиски источников и форм танцевальности позволили выявить новые коды и др. В главе «Концепция мышления одного художника в музыкальном театре Мордовии» собран уникальный материал взаимовлияния театральности мордвы, эстетики региона, пластичности этносов в языке хореографа. Это открытие Н. А. Догоровой, сумевшей на практическом материале «Лаборатории танца» («Балетной лаборатории») мастера-балетмейстера Л. Н. Акининой сформировать смысловые характеристики, показать новизну современного хореографического театра мордвы, способов индивидуальных пластических решений, новаторского стиля и методов художественной работы, нетрадиционной драматургии: «... это такой "институт", где балетный танец впервые задает субъектный способ его трактовки» [17, с. 31].

Отметим также успешные защиты в Саранске кандидатских диссертаций китайских аспирантов, подготовленных в процессе взаимодействия двух МГУ. Выпускники Московского факультета искусств представили актуальные темы по музыковедению, затрагивающие творчество Э. Денисова (Ван Ю, руководитель Г. В. Заднепровская) традиционное и европейское в современном флейтовом искусстве Китая (Лянь Ицэнь, руководитель И. Л. Сиротина); феномен А. К. Глазунова, повлиявшего на рождение нового саксофонного движения в инструментальной музыке Китая (Ли Сию, руководитель А. П. Лободанов). Проблемы культурологии рассмотрены в диссертациях, посвященных взаимосвязи российского и китайского кино (Ляо Яньни, руководитель Г. В. Денисова), бренду в динамике культурного хронотопа постмодерна (Мань Минсин, руководитель И. Л. Сиротина).

«Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам... Падение, оскудение одной эпохи... только гримаса, на мгновение исказившая прекрасное лицо, если будущее сомнется с прошлым в живую цепь», – писал Г. П. Федотов [18, с. 8]. Забота о молодом поколении, которое приходит в стены университетов, формирование его творческого и научного потенциала – задача непростая, но, когда в работе соединяются сильные коллективы, она становится и научно обоснованной, и творческой, а главное – результативной. Особо отметим, что наше общее дело ни разу не вызвало взаимной неудовлетворенности или разочарования. Сегодня мы снова в пути, который, безусловно, связан с реализацией новых проектов в образовании, с поиском новых смысловых аспектов в научном мышлении, с исследованием новых технологий и их применением в искусстве.

Научная новизна представленной статьи заключается в презентации исторической ретроспективы и реалий сегодняшнего дня научного и творческого содружества коллективов двух МГУ в лице их подразделений: факультета искусств (г. Москва) и института национальной культуры (г. Саранск). Этот феномен заслуживает включения его в научный оборот как значимое явление в культуре начала XXI в., а материалы исследования – использования в образовательной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Искусство и ответственность // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг. М. : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. С. 5–6.

2. Тульчинский Г. Л. Современная культура. Деструкция или развитие? // Философские науки. 2008. № 10. С. 37–38. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/1345/1279> (дата обращения: 20.05.2025).
3. Воронина Н. И. Введение // Концептосфера современной культуры : моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. С. 5–6. <https://elibrary.ru/xkzjsx>
4. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. № 10. С. 60–62.
5. Кассирер Ж. Лекции по философии и культуре // Культурология. XX век: Антология. М. : Юрист, 1995. С. 104–162.
6. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб. : Symposium, 2006. 574 с.
7. Воронина Н. И. Идентичность и толерантность в многоукладности российской культуры // Толерантность в культуре и процесс глобализации : моногр. М. : Гуманитарий, 2010. С. 388–445. <https://elibrary.ru/qoltbd>
8. Воронина Н. И. Введение // Лики итальянского искусства ; под ред. Н. И. Ворониной, Г. В. Денисовой. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. С. 8–10.
9. Злотникова Т. С. Границы медиапространства // Философия творческой личности. М. : Согласие, 2017. С. 331–335.
10. Сиротина И. Л. Мемуарное философствование российской интеллигенции как опыт менタルного самопознания : автореф. дис. ... д-ра филос. н. Саранск, 2002. 36 с. <https://elibrary.ru/jpsppr>
11. Денисова Г. В. Интертекст в коммуникативной реальности современного поликультурного пространства России и Италии : автореф. дис. ... д-ра культурологии. Саранск, 2019. 39 с.
12. Шумихина Л. А. Генезис русской духовности : дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург : УрО РАН, 1998. 400 с. <https://elibrary.ru/qczguf>
13. Шапинская Е. Н. Избранные работы по философии культуры. М. : Согласие, 2014. 456 с.
14. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: опыт философского анализа // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. С. 306–328.
15. Local Cultures in the Context of Global World / Eds. G. V. Denissova, O. V. Smirnova. Moscow : BOS, 2023. 216 p. <https://elibrary.ru/poqood>
16. Фадеева Т. Е. Медиаискусство в контексте новейших технологий : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Саранск, 2023. 40 с.
17. Догорова Н. А. Пластическое и этнопластическое мышление в хореографическом искусстве : становление и трансформации : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Саратов, 2023. 39 с.
18. Федотов Г. П. Лицо России : Статьи 1918–1930 гг. Париж : YMCA-Press, 1988. 330 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. [Art and Responsibility]. In: Bakhtin. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s. Moscow: Russkiye Slovary, Yazyki Slavyanskoi Culutry; 2003. p. 5–6. (In Russ.)
2. Tulchinskii G. Culture Today. Destruction or Development. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2008;(10):37–38. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.phisci.info/jour/article/view/1345/1279> (accessed 20.05.2025).
3. Voronina N.I. [Introduction]. In: [Conceptosphere of Modern Culture]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta; 2019. p. 5–6. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xkzjsx>
4. Bodriyiar Zh. [The Evil Demon of Images]. Iskusstvo kino. 1992;(10):60–62. (In Russ.)
5. Kassirer Zh. [Lectures on Philosophy and Culture]. In: [Cultural Studies. The twentieth century: An Anthology]. Moscow : Yurist; 1995. p. 104–162. (In Russ.)
6. Eco U. [To Say almost the Same Thing]. St. Petersburg: Symposium; 2006. (In Russ.)
7. Voronina N.I. [Identity and Tolerance in the Diversity of Russian Culture]. In: [Tolerance in Culture and the Process of Globalization: Monograph]. Moscow: Gumanitariy; 2010. p. 388–445. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qoltbd>
8. Voronina N.I. [Introduction]. In: [Faces of Italian Art]. Moscow: Kanon+ROOI “Reabilitaciya”; 2020. p. 8–10. (In Russ.)
9. Zlotnikova T.S. [Frontiers of Media Space]. In: [Philosophy of Creative Personality]. Moscow: Soglakiye; 2017. p. 331–335. (In Russ.)

10. Sirotina I.L. [Memoir Philosophizing of the Russian Intelligentsia as an Experience of Mental Self-knowledge. Dr. Philos. Sci. Diss.]. Saransk; 2002. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jpsppy>
11. Denisova G.V. [Intertext in the Communicative Reality of the Modern Multicultural Space of Russia and Italy. Dr. Cult. Sci. Diss.]. Saransk; 2009. (In Russ.)
12. Shumikhina L.A. [The Genesis of Russian Spirituality]. Yekaterinburg: URO RAN; 1998. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qczguf>
13. Shapinskaya E.N. Selected Works on the Philosophy of Culture. Moscow: Soglakiye; 2014. (In Russ.)
14. Bakhtin M.M. [The Problem of Text in Linguistics, Philology and Other Humanities: The Experience of Philosophical Analysis]. In: [Collected Works: in 7 volumes. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s]. Moscow: Russkie slovari; 1996. p. 306–328. (In Russ.)
15. Local Cultures in the Context of Global World. Eds. G.V. Denissova, O.V. Smirnova. Moscow: BOS; 2023. <https://elibrary.ru/poqood>
16. Fadeeva T.E. [Media Art in the Context of the Latest Technologies. Dr. Art History Diss.]. Saransk; 2023. (In Russ.)
17. Dogorova N.A. [Plastic and Ethnoplastic Thinking in Choreographic Art: Formation and Transformation. Dr. Art History Diss.]. Saratov; 2023. (In Russ.)
18. Fedotov G.P. [The Face of Russia: Articles from 1918 to 1930]. YMCA-Press; 1988. (In Russ.)

Об авторе

Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, директор Центра М. М. Бахтина МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>,
SPIN-код: 1783-1554,
e-mail: kafkmgu@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.04.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 24.06.2025.

About the author

Natalya I. Voronina, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, Director of M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevikskaya, Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>,
SPIN-code: 1783-1554,
e-mail: kafkmgu@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 23.04.2025; revised 19.06.2025; accepted 24.06.2025.

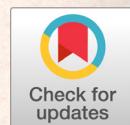
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.127-137>

EDN: <https://elibrary.ru/gbowmu>

УДК / UDC 930.85

М. М. Бахтин и научное творчество Г. Д. Гачева

С. А. Шульц

Независимый исследователь,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
s_shulz@mail.ru

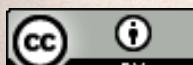
Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с необходимостью анализа преемственных связей в развитии мировой и отечественной гуманитарной мысли. Цель исследования – проанализировать влияние идей М. М. Бахтина на работы Г. Д. Гачева, прежде всего, на его многотомную серию (цикл) книг «Национальные образы мира». Автор рассматривает рецепцию Г. Д. Гачевым творческого наследия М. М. Бахтина, включая эту рецепцию в общий контекст интеллектуальной истории, истории идей.

Материалы и методы. Материалом исследования являются тексты М. М. Бахтина, Г. Д. Гачева и зарубежных философов: Э. Гуссерля, П. Рикера, В. Дильтея, М. Хайдеггера и др. С помощью сравнительного метода осуществлено детальное сопоставление концептуального языка, исследовательских стратегий и философских интуиций двух мыслителей, выделены зоны прямого влияния, творческой трансформации и принципиального расхождения.

Результаты исследования и их обсуждение. М. М. Бахтин и Г. Д. Гачев проявляют свою близость синтетическому соединению различных методов и дисциплин, прежде всего философии и филологии; оба они отчасти работали в рамках герменевтики. Литературоведческий модус в гачевском цикле «Национальные образы мира» не отставлен в тень, но вписан в более широкий методологический и вообще в более

© Шульц С. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

сложный полидискурсивный контекст – преимущественно культурфилософский. М. М. Бахтин строит свои концепции в качестве элемента культурфилософии. Г. Д. Гачев перенимает его культурфилософский интерес при анализе национальных образов мира, при составлении «гуманитарных комментариев» к естественным наукам и др. У Г. Д. Гачева нередко эмпирика «я» преобладает над сущностью «я». Однако такое нагнетание одного лишь эмпиризма «я» еще не означает победы над условностями «рокового теоретизма» (термин М. М. Бахтина). Автор приходит к выводу, что оба мыслителя (особенно Г. Д. Гачев) во многом относятся к сфере инонаучности и постнаучности.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в компаративное исследование творчества М. М. Бахтина и гуманитариев, находившихся под его непосредственным влиянием, его учеников. Материалы статьи представляют интерес для ученых, занимающихся проблемами методологии гуманитарных наук, а также для исследователей творческого наследия М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Г. Д. Гачев, культурфилософия, герменевтика, инонаучность, постнаучность

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шульц С. А. М. М. Бахтин и научное творчество Г. Д. Гачева // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 127–137. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.127-137>

М. М. Bakhtin and Scientific Creative Work of G. D. Gachev

S. A. Shultz

Independent Researcher,
Rostov-on-Don, Russian Federation
s_shulz@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this study stems from the need to analyze the continuity of thought in the development of global and Russian humanities. The purpose of this article is to trace the influence of M. M. Bakhtin's ideas on the works of G. D. Gachev, primarily on his multi-volume series (cycle) of books "National Images of the World". The author examines G. D. Gachev's reception of M. M. Bakhtin's creative legacy, integrating this reception into the general context of intellectual history and the history of ideas.

Materials and Methods. The study's material includes texts by M. M. Bakhtin and G. D. Gachev, as well as those of foreign philosophers: E. Husserl, P. Ricoeur, W. Dilthey, M. Heidegger and others. The author uses methods of source analysis, systematization, generalization, and comparative analysis.

Results and Discussion. The article emphasizes that M. M. Bakhtin and G. D. Gachev demonstrate an affinity for the synthetic combination of various methods and disciplines, primarily philosophy and philology; both of them partly worked within the framework of hermeneutics. The literary criticism mode in Gachev's cycle "National Images of the World" is not relegated to the background, but is inscribed in a broader methodological and generally more complex polydiscursive context – primarily cultural-philosophical. M. M. Bakhtin constructs his concepts as an element of cultural philosophy. G. D. Gachev adopts his cultural-philosophical interest in analyzing national images of the world, in composing "humanitarian commentaries" on the natural sciences, etc. In G. D. Gachev, the empiricism of the "I" often prevails over the essence of

the "I". However, such an intensification of mere empiricism of the "I" does not yet signify a victory over the conventions of "fatal theorism" (M. M. Bakhtin's term). The author concludes that both thinkers (especially G. D. Gachev) largely belong to the realm of heterodox and post-scientific thought.

Conclusion. The article contributes to the comparative study of the work of M. M. Bakhtin and the humanities scholars who were directly influenced by him, as well as his students. It is of interest to scholars studying the methodology of the humanities, as well as to researchers of the creative legacy of M. M. Bakhtin and G. D. Gachev.

Keywords: M. M. Bakhtin, G. D. Gachev, cultural philosophy, hermeneutics, heterodox, post-scientific thought

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Shultz S.A. M. M. Bakhtin and Scientific Creative Work of G. D. Gachev. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(2):127–137. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.127-137>

Введение

В беседах с В. Д. Дувакиным М. М. Бахтин назвал Г. Д. Гачева своим «неофициальным учеником»¹. Здесь же отмечается, что Гачев следует Бахтину в экспликации карнавальных мотивов в творчестве А. М. Горького² [1; 2]. Впоследствии появилась гачевская статья о карнавальных мотивах у В. В. Розанова [3]. Бахтинская идея содержательности художественной формы, более всего развернутая в книге Бахтина о Ф. М. Достоевском, отразилась в заглавии и легла в основу отдельной книги Гачева [4].

Более всего известна многотомная серия (цикл) книг Г. Д. Гачева «Национальные образы мира». Основываясь на литературном материале, на данных этнологии, этнографии, этнолингвистики, психолингвистики, философии и материалах других наук (вплоть до рецепции футурологии), в этом цикле Г. Д. Гачев создает калейдоскоп способов мировидения, свойственных тем или иным духовно-культурным ареалам: какими могут полагаться образы пространства и времени, представления о Боге, категориями труда, культурной символике животных, растений и т. д.

Актуальность исследования связана с необходимостью анализа преемственных связей в развитии мировой и отечественной гуманитарной мысли. Цель исследования – проанализировать влияние идей М. М. Бахтина на работы Г. Д. Гачева, в первую очередь на его многотомный цикл «Национальные образы мира». В рамках данной цели автор рассматривает рецепцию творческого наследия Бахтина Гачевым, включая этот процесс в общий контекст интеллектуальной истории и истории идей.

Материалы и методы

Материалом исследования являются работы М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева (прежде всего, цикл «Национальные образы мира»), труды зарубежных философов: Э. Гуссерля, П. Рикера, В. Дильтея, М. Хайдеггера и др.

Для достижения поставленной цели в работе используется комплекс взаимодополняющих методов:

– сравнительный метод, позволяющий провести сопоставительный анализ концепций М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева и выделить как общие черты, так и сущностные различия между ними;

¹ Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. М. : Согласие, 2002. С. 130.

² Там же. С. 130–131.

- анализ источников, задачей которого является прослеживание путей развития и трансформации мысли от одного автора к другому, выявление прямых и опосредованных заимствований;
- методы систематизации и обобщения, применяемые для объединения разрозненных идей и положений в целостные системы взглядов каждого из мыслителей и формулировки на этой основе общих выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

М. М. Бахтин строит свои концепции в качестве элемента культурфилософии. Например, в книге о Ф. М. Достоевском его занимает проблема диалогизма и полифонии в целом, а в работе о Ф. Рабле его интересует вид вписанности комизма в данный тип (типы) культуры. Г. Д. Гачев перенимает культурфилософский интерес Бахтина при анализе национальных образов мира, при составлении «гуманитарных комментариев» к естественным наукам и др. Уже в ранних «узкоцеховых» исследованиях Гачева заметно присутствие культурфилософского измерения. Это в определенной степени присущее также трудам его друзей и коллег С. Г. Бочарова, В. В. Кожинова, В. Н. Турбина, вместе с которыми он принял участие в «возрождении и реконкисте дела Бахтина в нашей и мировой культуре»³, о чем вспоминал в статье, опубликованной в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» [5].

Литературоведческий модус в цикле совсем не отставлен в тень, но вписан в более широкий методологический и вообще в более сложный полидискурсивный контекст – преимущественно культурфилософский. Контуры присущего циклу «шпенглеровского» подхода в сочетании с «прустовским» наметились сразу: от О. Шпенглера здесь – внимание к национально-историческим модификациям культур, от М. Пруста – понимание исследования как раскрытия своего субъективного «я», части личностной биографии.

В рассматриваемом цикле необходимо акцентировать именно культурфилософское измерение, метафизический интерес, теоретизирование на историческом фоне с учетом внимания к своему «я» как наблюдателю и толкователю, к своей собственной исторической фактичности. Отсюда применение Г. Д. Гачевым к собственным поздним работам термина «экзистенциальная культурология» – т. е. культурология с личностным отношением и личностным самораскрытием – но и с вниманием к личностным самораскрытиям других «я» исследуемых культур. Однако точнее по отношению к исследованиям Гачева будет другой термин: «экзистенциальная культурфилософия».

В конце 1990-х гг. В. В. Савчук выступил с памфлетом в отношении современной ему российской культурологии (ее основного массива), раскритиковав последнюю за подмену реального исследования реальных вещей – «ирреальными» абстракциями по поводу «ирреальных» предметов [6]. Однако Г. Д. Гачев на фоне данной культурологии – совсем «инная статья», выражаясь словами Б. Л. Пастернака⁴. Его изыскания в области культуры не теряют ни конкретной почвы, ни конкретного – многосоставного метода, поскольку Гачев принадлежит культурфилософии.

Своим методом, включающим самопроявление/самопознание, Г. Д. Гачев словно отвечает на упрек М. М. Бахтина, брошенный в адрес нововременного способа мыслить так, «как если бы меня не было», поэтому Гачев называет свое мышление не отвлеченным, а «привлеченным» [7]. Здесь уместна параллель с исследователем М. Хайдеггера Ч. Тэйлором, который вводит термин «вовлеченное мышление» [8], призванный обозначить императив замены рационализма направлением, более близким к жизненно-историческому миру и духовной жизни. «Вовлеченное мышление»

³ Гачев Г. Д. Бахтин – сфинкс // Русская мысль [Париж]. 14–20 дек. 1995. С. 10.

⁴ См.: Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1988. С. 463.

Тэйлора – коррелят гачевской «привлеченности». Оба автора основывают свои подходы на основе продолжения той линии философствования, которая обозначилась начиная с В. Дильтея и была продолжена у позднего Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Г. Гадамера, М. М. Бахтина и др.

Вспоминается удачное выражение Э. Гуссерля о «новом модусе научности, где находят свое место все мыслимые вопросы – о бытии, <...> о так называемой экзистенции» [9, с. 126]. Упоминая «экзистенцию», Гуссерль подразумевает здесь в том числе самораскрытие личности исследователя в его текстах.

М. М. Бахтину свойственно синтетическое сочетание различных научных интересов, он олицетворяет высокую действенность союза философии и филологии – что бы иногда ни говорили (в том числе и сам Г. Д. Гачев) о якобы «вынужденности» такого сочетания, о его якобы обусловленности лишь обстоятельствами времени. На наш взгляд, труды Бахтина-филолога совсем не случайны, они связаны с «эстетическим поворотом в философии» [10; 11]. В поздние годы Бахтин по-разному отвечал на вопрос о приоритете для него философии или филологии. В любом случае он был в первую очередь мыслителем – и в филологии тоже. Гачев формулирует это так: «философ наш и мировой XX века, Бахтин был именно ЛИТЕРАТУРОВЕДОМ, а его философия имеет форму ПОЭТИКИ» [12, с. 157].

Рецепция Г. Д. Гачевым М. М. Бахтина раскрывается также как внимание к имманентному исследовательскому фону становления бахтинского мира. В. В. Бибихин во многом точно указал на самые важные точки опоры становления Бахтина: «явная и неявная зависимость от бергсоновского интуитивизма и от ее критики у Н. О. Лосского, от гуссерлевской феноменологии, от риккертовской философии ценностей, от персонализма Ф. Розенцвейга, от бердяевского творческого акта, оставающегося в продуктах культуры, замеченная единонаправленность с тем, что делал тогда М. Хайдеггер» [13, с. 94].

К источникам концепций М. М. Бахтина необходимо добавить также идею интеллектуальной интуиции Ф. Шеллинга (скорее всего, она превышает воздействие бергсоновского интуитивизма), «философию жизни» и герменевтику В. Дильтея. Если методом естественных наук является объяснение (базирующееся на причинно-следственных связях), то методом гуманитарных наук является понимание, и оно раскрывается в интуиции. К интуиции автора художественного произведения апеллируют бахтинские идеи полифонии, диалога автора и героя, который во многом происходит в сфере интуиции: автор моделирует интуицию героя – или интуиция героя моделируется в сознании автора как бы сама по себе, в целом самостоятельно – помимо привлечения собственной авторской. Гачев также привлекает интуицию, характеризуя ее в непонятых, нерассудочных категориях: «Меж Космосом и Психеей есть свой заговор, язык и диалог, взаимопонимание и говор – за спину Логоса, минута рассудок. Это называют “интуицией” и т. п.» [14, с. 40].

Нередко говорят о марксистской составляющей бахтинской методологии, но с этим нельзя согласиться. Казалось бы, в книге одного из авторов «бахтинского круга» – В. Н. Волошинова слово «марксизм» присутствует уже в заглавии («Марксизм и философия языка»), однако «марксистский» след заметен только во внимании автора к «социальному», а социальное в этой книге – лишь синоним диалогизма, интерсубъективности. Достаточно сказать, что бахтинское восстание против сведения исследуемого объекта к «вещи», отстаивание права видеть в нем «личность» – резко анти-марксистский тезис. Кроме того, у М. М. Бахтина напрочь отсутствует марксистский экономизм и детерминизм. Г. Д. Гачев, отмечая «социальность» Бахтина [12], также подразумевал, прежде всего, его диалогизм.

Нечасто фиксируют близость Бахтина герменевтике [15; 16], хотя ее роль для мыслителя весьма существенна. П. Рикер в работе «Конфликт интерпретаций» показал,

что герменевтический момент присущ даже психоанализу З. Фрейда и структурализму [17]. Развивая мысль Рикера, необходимо констатировать, что герменевтика может являться сопутствующим элементом разных типов исследовательского метода там, где соблюdenы следующие принципы:

1. Восприятие исследуемого объекта не как «вещи», а как «личности».
2. Понимание и реализация себя исследователем как творческой субъективности, но не в аспекте субъективизма, а в аспекте раскрытия своей собственной историчности-относительности. С позиций субъективности написаны, например, все историко-философские работы М. Хайдеггера после «поворота» (о Пармениде, Гераклите, Гегеле и др.).
3. Роль контекста и предпонимания. Предпонимание реализуется в том числе через рассмотрение объекта в определенном контексте.
4. Присутствие установки. Понять исследуемого автора лучше, чем тот сам себя понимает (этот пункт сформулирован в герменевтике Ф. Шлейермахера [см.: 18]).
5. Внимание к языку, слову исследуемого высказывания (этот момент необязателен).

Следует выделить два типа бытования герменевтики: 1) как самостоятельный, чистый вариант, исходящий из специальных принципов интерпретации; 2) как сопутствующий момент определенной методологии, имеющий существенные герменевтические признаки. Второй вариант допустимо назвать ассоциированно-герменевтическим в отличие от первого – «чистого» герменевтического метода.

Нередко выражают мнение о том, что в литературоведении не сложилось особого герменевтического метода⁵. С этим нельзя согласиться. Данный тезис отрицается наличием ассоциированно-герменевтического метода в науке о литературе [19]. М. М. Бахтин и Г. Д. Гачев (не только в литературоведении) явно отдали дань указанному методу.

Выделяя себя на фоне коллег-гуманитариев, Г. Д. Гачев отмечает, что все они «без отношения к своему «я» и к чувству, безлично, отсекая психологию, стремились давать лишь объективное и отчужденное от познающего человека знание и понимание»; он же принципиально включает «жизненно-эмоциональную ситуацию сего мига и дня, когда совершается (ф)акт понимания и мышления, – в само это понимание как его среду и координаты» [20, с. 6].

Согласно Г. Д. Гачеву, познание должно превратиться в самопознание. Движения этого «герменевтического круга» призваны во многом определять внутреннюю структуру гачевских работ, их отдельные повторы, частые «отклонения» в сторону. Внятный эпистемологический вектор всего цикла собственно культурфилософских гачевских работ таков, что весь он может быть полностью проинтерпретирован в рамках «самопознания». Вместе с тем в работах Гачева заметно определенное противоречие между имеющим место эмпиризмом его «я» и идеей его «я» как личностной индивидуальности.

Г. Д. Гачев говорит о самовыражении как о праве эмпирической личности исследователя. Однако он не учитывает, что сама по себе простая эмпирика «я» еще не имеет прямого отношения к самовыражению, к глубинной сути «я», единствено долженствующей интересовать исследователя. Такое нагнетание одного лишь эмпиризма «я» еще не означает победы над условиями «рокового теоретизма» (термин М. М. Бахтина).

В целом Г. Д. Гачев ярко проявляет в своих исследованиях то, что ранний М. М. Бахтин в работе «К философии поступка» назвал «эмоционально-волевым тоном» всякого поступка (т. е. деяния, мысли, побуждения и т. п.) [21]. В последующих работах

⁵ Малахов В. С. Герменевтика // Современная западная философия. Словарь. М. : Политиздат, 1991. С. 74–76. URL: <https://djvu.online/file/Xesjfs6rqkB4z?ysclid=micwdo7la564420471> (дата обращения: 18.07.2025).

1920-х гг. Бахтин также сохраняет эту категорию [22; 23], что свидетельствует о ее принципиальности для него. Понятие «эмоционально-волевого тона» восходит у него, скорее всего, к В. Дильтею [24] и означает присутствие в каждом поступке не только «ума», но и сферы переживаний, чувств, т. е. в конечном счете – присутствие в любом поступке целостного человека. В дильтеевской «описательной психологии» *переживание* – акт смыслопорождающий, близкий к онтологии. Бахтин полностью преодолел дильтеевскую психологистичность, однако Гачев отчасти вернулся к Дильтею (см. о роли эмпирики «я» для Гачева).

Мир осознается Г. Д. Гачевым преимущественно как «духовный мир»; еще М. Хайдеггер писал, что мир возможен только в таком осмыслении [25]. «Материальные», «вещественные» стороны мира, раскрываемые Гачевым, служат характеристике именно духовного начала. В интересе к духовному миру, в попытках мифологизирования, в уравнивании прав «образа» и «понятия» – симптом «романтического» (в широком значении) импульса гачевских исследований. М. М. Бахтин видел в романтизме определенную редукцию общего («общенародного») начала в пользу личного, камерного. Так и происходит у Гачева, особенно с учетом его внимания к эмпирике «я». «Романтизм» Гачева – в личностных моментах метода освоения материала, демонстративно «пропускаемого» через авторскую субъективность (но также и через субъективизм): он старается сделать изложение максимально живым.

Момент диахронии, историзма в целом, интереса к изменчивости различных национальных представлений, не будучи у Г. Д. Гачева широким, так или иначе вводится через обращение к материалу литературы разных периодов. В связи с незначительным вниманием Гачева к диахронии, к историческому движению уместно вспомнить замечание Г. А. Гуковского о классическом романтизме: «Само понятие нации, народа мыслилось как метафизическое, неизменное, лишенное, в сущности, развития. <...> Каждая данная национальная культура не требовала иных объяснений, кроме внешнегеографического, и <...> объяснения ее складом души народа или группы народов (южане и северяне). С другой стороны, в данной системе каждый отдельный человек, представитель данной замкнутой культуры, не объясняется в своем быте и характере ничем, как <...> тавтологией: он таков потому, что он – шотландец, или потому, что он – грек» [26, с. 206]. Но тут же Гуковский замечает «И все же возможности развития этой (т. е. романтической. – С. Ш.) концепции были неограниченны» [26, с. 206].

На наш взгляд, ошибается Ю. М. Лотман, выводящий Г. Д. Гачева за пределы научной традиции в целом и относящий его работы к области художественной прозы. (В 1973 г., отказываясь опубликовать статью Гачева в «Трудах по знаковым системам» Лотман писал ему: «... это одна из самых удачных Ваших работ... Она, бесспорно, очень значительное явление. Но вот чего? Нашей культуры – вне всяких сомнений. А вот науки?.. Ваша работа глубока по мыслям, но мысли эти мне представляются скорее художественными, чем научными» [цит. по: 20, с. 6]. В случае Гачева речь идет об ином модусе научности (далеком от рационализма и позитивизма), об «инонаучности» и «постнаучности», переход к чему подготовлен еще М. Хайдеггером на этапе «поворота», М. М. Бахтиным (уже начиная с его работы о Ф. Рабле) и др.

В заметках «К методологии гуманитарных наук» М. М. Бахтин писал, что «истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук»; что «интерпретация смыслов не может <быть> научн<ой>, но он<a> глубок<o> познавательн<a>» [27, с. 422, 423]. И далее он цитирует высказывание С. С. Аверинцева о том, что необходимо «признать символологию не “ненаучной”, но и онаучной формой знания» [27, с. 423]. Поэтому инонаучность предполагает иной тип научности по сравнению с образцами точных наук.

Что касается постнаучности, то она имеет место там, где субъективность исследователя находится в приоритете по отношению к объекту исследования. Субъективность нельзя путать с субъективизмом как неким искажением, произволом: она предполагает личностное начало, личностный интерес. Значимость феномена «инонаучности» и «постнаучности» в еще большей мере проявит себя среди исследователей следующих поколений.

Необходимо отметить некритическую экстраполяцию Г. Д. Гачевым ряда категорий прошлых эпох (в частности, «ургийности» и «гонийности», заимствованных из Древней Греции) на другие периоды и ареалы. Это пример малого присутствия диахронии в гачевских исследованиях, его неполного интереса к смене, развитию самих «национальных образов мира» и их структур, предстающих у него несколько статичными. То же касается отношения Гачева к категориям времени и пространства, манифестируемых им как одинаково понимаемые в разные эпохи. То же относится к игнорированию им *исторической* психологии, и, наконец, к игнорированию постоянной смены и различия в разных ареалах и эпохах самого понятия «нация».

Парадоксальный метод Г. Д. Гачева сам по себе выступает пафосом исследования [28]. (О самоценной роли метода в науках о культуре говорил В. Л. Рабинович⁶.) Когда сегодня ревнители абстрактной «объективности» пишут о «конце пафоса», то под пафосом они имеют в виду лишь какую-то приподнятость стиля или, вероятно, «назидательность». Однако трудно уйти от пафоса как проявления «эмоциональноволевого тона» в различных модификациях этого «тона». Потеря этого тона возможна, например, при тенденциях мнимого объективизма.

Субъективизм Г. Д. Гачева сближает его с романтизмом, хотя притязания его «я» (проявленного в его текстах) связаны с более широким контекстом, чем романтический. У него часто побеждает внимание к личностной эмпирике.

Заключение

Настоящее исследование вносит вклад в компаративное изучение творчества М. М. Бахтина и гуманитариев, находившихся под его непосредственным влиянием, его учеников. Материалы статьи представляют интерес для ученых, занимающихся проблемами методологии гуманитарных наук, а также для исследователей творческого наследия М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гачев Г. Д. Развитие образного сознания в литературе // Теория литературы. Т. 1. М. : Наука, 1962. С. 285–287.
2. Гачев Г. Д. Логика вещей и человек. Прение о правде и лжи в пьесе М. Горького «На дне» М. : Высшая школа, 1992. 94 с.
3. Гачев Г. Д. Карнавализация у В. В. Розанова // История мысли : Русская мыслительная традиция. Вып. 4 / под ред. И. П. Смирнова. М. : Вузовская книга, 2007. С. 187–198.
4. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. М. : Просвещение, 1968. 302 с. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Gachev_Soderzhatelnost_hudozhestvennyh_form_1968.pdf?ysclid=micvpyrtzp320365479 (дата обращения: 22.07.2025).
5. Гачев Г. Д. «Так, собственно, завязалась уже целая история...» : Г. Д. Гачев вспоминает и раздумывает о М. М. Бахтине // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 105–108.
6. Савчук В. В. Культуролог в России больше, чем философ? // Ступени. Философский журнал. 1997. № 10. С. 213–221.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. М. : Паритет, 1997. 680 с.

⁶ Рабинович В. Л. Основания культурологии // Логика, методология, философия науки. XI Междунар. науч. конф. Вып. IV. М. ; Обнинск, 1995. С. 67.

8. Тэйлор Ч. Вовлеченное участие и фон у Хайдеггера // Сборник статей. СПб. : РХГИ, 2004. С. 302–332.
9. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука / пер. с нем. Новочеркасск : Сагуна, 1994. С. 101–126. URL: https://hrampm.org/userfiles/library/oldlibrary/%5Bgusserl%5D_krizis_evropeyskogo_chelovechestva.htm (дата обращения: 20.07.2025).
10. Инишев И. Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс : ЕГУ, 2007. 168 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gkslnbhypx/direct/82226068?ysclid=micul4666x581444978> (дата обращения: 18.07.2025).
11. Шульц С. А. Достоевский, Аполлон Григорьев, Бахтин // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2020. Т. 65, № 1. С. 193–207. URL: <https://real.mtak.hu/136401/1/article-p193.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
12. Гачев Г. Д. Бахтин // Гачев Г. Д. Русская дума. М. : Новости, 1991. С. 141–160. URL: https://imwerden.de/pdf/gachev_russkaya_duma_1991_ocr.pdf?ysclid=micuo35cei500010246 (дата обращения: 22.07.2025).
13. Бибихин В. В. Слово и событие. М. : УРСС, 2001. 280 с.
14. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры. Ростов-на-Дону : РГУ, 1992. 320 с. URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/gachev_nauka_i_nazkulturi.pdf (дата обращения: 24.07.2025).
15. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с. URL: <https://zvezdaspb.ru/lib/pdf/boneckaya-bahtin.pdf?ysclid=micw2vgrpm309513322> (дата обращения: 26.07.2025).
16. Шульц С. А. Историческая поэтика и герменевтика (Из истории русской науки о литературе) // Бахтин в контексте русской культуры XX в. : спец. выпуск журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 2000. № 3–4. С. 59–70. URL: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=2000&n=3-4&abs=Shulz> (дата обращения: 21.07.2025).
17. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический проект, 2008. 695 с.
18. Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермакера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 13–234. URL: <https://djvu.online/file/5M6OuliNo7nWD?ysclid=micw8ju9zl659094382> (дата обращения: 29.07.2025)
19. Ляпушкина Е. И. Введение в литературную герменевтику. Теория и практика. СПб. : Росток, 2020. 240 с.
20. Гачев Г. Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманистария, или Образы в науке. М. : Педагогика, 1991. 272 с. URL: https://www.phantastike.com/philosophy/kniga_udivleniy/djvu/view/ (дата обращения: 21.07.2025).
21. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
22. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.
23. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества. I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 265–325.
24. Шульц С. А. М. М. Бахтин, Р. Ингарден, П. П. Пазолини о категории ответственности // Slavica Tergestina. Trieste. 2017. Vol. 19, № 2. С. 226–243.
25. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. 302 с.
26. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М. : Интранда, 1995. 320 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/guk/guk.htm?cmd=p> (дата обращения: 30.07.2025).
27. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.
28. Шульц С. А. О методологическом пафосе культурологических работ Г. Д. Гачева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4. С. 158–165. URL: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=4&abs=SHULC> (дата обращения: 18.07.2025).

REFERENCES

1. Gachev G.D. [The Development of Figurative Consciousness in Literature]. In: [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1962. p. 285–287. (In Russ.)
2. Gachev G.D. [The Logic of Things and Man. The Debate on Truth and Lies in M. Gorky's Play "The Lower Depths"]. Moscow: Vysshaya Shkola; 1992. (In Russ.)
3. Gachev G.D. [Carnivalization in V.V. Rozanov]. In: [History of Thought: Russian Thought Tradition]. Issue. 4. Ed / by I.P. Smirnov. Moscow: Vuzovskaya Kniga; 2007. p. 187–198. (In Russ.)
4. Gachev G.D. [The Substantiveness of Artistic Forms]. Moscow: Prosvetshcheniye; 1968. (In Russ.) Available at: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Gachev_Soderzhatelnost_hudozhestvennyh_form_1968.pdf?ysclid=micvpyrtzp320365479 (accessed 22.07.2025).
5. Gachev G.D. ["So, Actually, a Whole Story has Already Begun...": G.D. Gachev Remembers and Reflects on M.M. Bakhtin]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1993;(1):105–108. (In Russ.)
6. Savchuk V.V. [Is a Culturologist in Russia More Than a Philosopher?]. *Steps. Philosophical Journal*. 1997;(10):213–221. (In Russ.)
7. Gachev G.D. [National Images of the World. America in Comparison with Russia and the Slavs]. Moscow: Raritet; 1997. (In Russ.)
8. Taylor C. [Engaged Participation and the Background in Heidegger]. In: [Collection of Articles]. St. Petersburg: RHGI; 2004. p. 302–332. (In Russ.)
9. Husserl E. [The Crisis of European Humanity and Philosophy]. In: Husserl E. [Philosophy as a Rigorous Science]. Novocherkassk: Saguna; 1994. p. 101–126. (In Russ.) Available at: https://hrampm.org/userfiles/library/oldlibrary/%5Bgusserl%5D_krizis_evropeyskogo_chelovechestva.htm (accessed 20.07.2025).
10. Inishev I. [Reading and Discourse: Transformations of Hermeneutics]. Vilnius: EGU; 2007. (In Russ.) Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gkslnbhypx/direct/82226068?ysclid=micul4666x581444978> (accessed 18.07.2025).
11. Schulz S. Dostoevsky, Apollon Grigoriev, Bakhtin. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2020;65(1):193–207. (In Russ, abstract in Eng.) / Available at: <https://real.mtak.hu/136401/1/article-p193.pdf> (accessed 25.07.2025).
12. Gachev G. Bakhtin. In: [Russian Thought]. Moscow: Novosti; 1991. p. 141–160. (In Russ.) Available at: https://imwerden.de/pdf/gachev_russkaya_duma_1991__ocr.pdf?ysclid=micuo35cei500010246 (accessed 22.07.2025).
13. Bibikhin V.V. [Word and Event]. Moscow: URSS; 2001. (In Russ.)
14. Gachev G.D. [Science and National Cultures]. Rostov-on-Don: RGU; 1992. (In Russ.) Available at: https://lib.rmvvoz.ru/sites/default/files/fail/gachev_nauka_i_nazkulturi.pdf (accessed 24.07.2025).
15. Bonetskaya N.K. [Bakhtin through the Eyes of a Metaphysician]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2016. (In Russ.) Available at: <https://zvezdaspb.ru/lib/pdf/boneckaya-bahtin.pdf?ysclid=micw2vgrpm309513322> (accessed 26.07.2025).
16. Shults S.A. [Historical Poetics and Hermeneutics (From the History of Russian Literary Science)]. In: [Bakhtin in the Context of Russian Culture of the Twentieth Century: Special Issue of the Journal "Dialogue. Carnival. Chronotope"]. 2000;(3–4):59–70. (In Russ.) Available at: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=2000&n=3-4&abs=Shultz> (accessed 21.07.2025).
17. Ricoeur P. [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow: Academiceskij Proekt; 2008. (In Russ.)
18. Dilthey W. [Schleiermacher's Hermeneutic System in Its Difference from Previous Protestant Hermeneutics]. In: [Collected Works]: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Dom intellektualnoy knigi; 2001. p. 13–234. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/5M6OuliNo7nWD?ysclid=micw8ju9zl659094382> (accessed 29.07.2025).
19. Lyapushkina E.I. [Introduction to Literary Hermeneutics. Theory and Practice]. St. Petersburg: Rostok; 2020. (In Russ.)
20. Gachev G.D. [The Book of Surprises, or Natural Science through the Eyes of a Humanitarian, or Images in Science]. Moscow: Pedagogika; 1991. (In Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/philosophy/kniga_udivleniy/djvu/view/ (accessed 21.07.2025).
21. Bakhtin M.M. [Toward the Philosophy of Act]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury; 2003. p. 7–68. (In Russ.)
22. Bakhtin M.M. [Author and Hero in Aesthetic Activity]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury; 2003. p. 69–264. (In Russ.)

23. Bakhtin M.M. [On the Methodology of the Aesthetics of Verbal Creativity]. I. [The Problem of Form, Content, and Material in Verbal Artistic Creativity]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: In 7 vols. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury; 2003. p. 265–325. (In Russ.)
24. Schulz S.A. [M.M. Bakhtin, R. Ingarden, P.P. Pasolini on the Category of Responsibility]. *Slavica Tergestina*. 2017;19(2):226–243. (In Russ.)
25. Heidegger M. [Introduction to Metaphysics]. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola; 1997. (In Russ.)
26. Gukovsky G.A. [Pushkin and Russian Romantics]. Moscow: Intrada; 1995. (In Russ.). Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/guk/guk.htm?cmd=p> (accessed 30.07.2025).
27. Bakhtin M.M. [Working Notes of the 1960s – Early 1970s]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 6. “Problems of Dostoevsky’s Poetics”, 1963. Works of the 1960s – 1970s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury; 2002. p. 371–439. (In Russ.)
28. Shults S.A. [On the Methodological Pathos of G.D. Gachev’s Culturological Works]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1999;(4):158–165. (In Russ.) Available at: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=4&abs=SHULC> (accessed 18.07.2025).

Об авторе

Шульц Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, независимый исследователь (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>,
e-mail: s_shulz@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 25.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

About the author

Sergey A. Shultz, Dr.Sci. (Philol.), Independent Researcher (Rostov-on-Don, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>
e-mail: s_shulz@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Submitted 25.08.2025; revised 06.10.2025; accepted 10.10.2025.

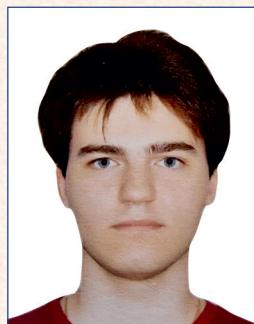
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.138-148>
EDN: <https://elibrary.ru/eelgtz>
УДК / UDC 930.85:7.036.45

Культурные импринты русской истории: от символики прошлого к монументальным кодам будущего

А. А. Индриков , М. А. Индриков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

г. Москва, Российская Федерация

Indrikov86@gmail.com

Аннотация

Введение. Проблема изучения культурных импринтов русской истории в последние десятилетия приобретает особую актуальность в условиях глобализации и кризиса ценностей. Импринты, понимаемые как культурно-символические коды, закрепившие в памяти народа ключевые события и образы, играют роль механизмов сохранения идентичности и формирования стратегий будущего. До сих пор отсутствует системный междисциплинарный подход к изучению культурных импринтов русской истории. Цель исследования – проанализировать категории «импринт», «импрессинг», «культурный код», рассмотреть обозначаемые ими явления и процессы в контексте русской истории и культуры, выявить их роль в преемственности традиций.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили труды российских и зарубежных ученых по теории и истории культуры, социологии культуры, семиотике, психологии, философии, теории эволюции, в которых используются названные выше категории. Культурно-генетический и типологический методы

© Индриков А. А., Индриков М. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

позволяют выявить генезис и устойчивые формы импринтов, а семиотический и феноменологический – раскрыть их смысловое содержание и способы переживания в коллективном сознании.

Результаты исследования и их обсуждение. Культурные импринты представляют собой уникальные механизмы фиксации опыта через исторические события (войны, реформы, культурные прорывы), религиозные символы, художественные образы. Импринтинг и импрессинг определяются как взаимодополняющие процессы культурной памяти: первый фиксирует культуру через критические события, второй – через повседневные практики. Культурный код интерпретируется как универсальная система знаков, наполнением которой являются импринты. Интеграция категориального аппарата культурологии и социологии культуры позволяет рассматривать импринты как матрицы идентичности.

Заключение. Культурные импринты русской истории являются не только элементами прошлого, но и активными механизмами культурного будущего, обеспечивающими идентичность в условиях глобальных вызовов. Они коррелируют с концепцией «культурно-исторической телепатии» М. М. Бахтина, а также с социальным словарем Ф. Тенбрука и концепцией культурной травмы, разработанной в современной зарубежной культурсоциологии. Перспективы исследования связаны с развитием интегративных методологий культурологии, которые позволяют раскрыть эволюционно-прогностическую роль импринтов и их значение в стратегическом целеполагании культуры.

Ключевые слова: культурные импринты, импринтинг, импрессинг, культурный код, культурная матрица

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Индриков А. А., Индриков М. А. Культурные импринты русской истории: от символики прошлого к монументальным кодам будущего // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 138–148. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.138-148>

Cultural Imprints of Russian History: From the Symbolism of the Past to the Monumental Codes of the Future

A. A. Indrikov ✉, M. A. Indrikov

Russian Academy of National Economy and Public Administration Services
under the President of the Russian Federation,

Moscow, Russian Federation

✉ Indrikov86@gmail.com

Abstract

Introduction. The study of cultural imprints in Russian history has become particularly relevant in recent decades amid globalization and a crisis of values. Imprints, understood as cultural and symbolic codes that enshrine key events and images in the people's memory, serve as mechanisms for preserving identity and shaping strategies for the future. Russian culture possesses a unique heritage; its monumental codes – from Orthodox churches to monuments to military victories – serve as repositories of historical memory and tools for goal-setting. The purpose of this article is to analyze the categories of “imprint”, “impressing” and “cultural code”, to examine the phenomena and processes they designate in the context of Russian history and culture, and to identify their role in the continuity of traditions.

Materials and Methods. The research material is drawn from the works of Russian and international scholars in the theory and history of culture, cultural sociology, semiotics, psychology, philosophy, and evolutionary theory, which utilize the above-mentioned categories. Interdisciplinary approaches are employed: cultural-genetic, typological, semiotic, and phenomenological.

Results and Discussion. It is shown that cultural imprints represent unique mechanisms for capturing experience through historical events (wars, reforms, cultural breakthroughs), religious symbols, and artistic images. Imprinting and impressioning are defined as complementary processes of cultural memory: the former captures culture through critical events, the latter through everyday practices. The cultural code is interpreted as a universal system of signs, filled with imprints. The integration of the categorical apparatus of cultural studies and the sociology of culture allows us to consider imprints as matrices of identity.

Conclusion. Cultural imprints of Russian history are not only elements of the past but also active mechanisms for the cultural future, ensuring identity in the face of global challenges. They correlate with M. M. Bakhtin's concept of cultural-historical "telepathy", as well as with F. Tenbruck's social vocabulary and the concept of cultural trauma developed in contemporary cultural sociology. The research prospects are linked to the development of integrative cultural studies methodologies that will allow us to uncover the evolutionary and prognostic role of imprints and their significance in the strategic goal-setting of culture.

Keywords: cultural imprints, imprinting, impressioning, cultural codes, cultural matrix

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Indrikov A.A., Indrikov M.A. Cultural Imprints of Russian History: From the Symbolism of the Past to the Monumental Codes of the Future. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(2):138–148. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.138-148>

Введение

Современная культура находится на пороге значительных трансформаций, связанных с переосмысливанием традиционных ценностей и символов. В этом контексте обращение к импринтам русской истории – культурно-символическим кодам, формировавшим общественное сознание на протяжении веков – становится актуальной задачей. Анализ данных кодов позволяет глубже понять механизмы преемственности культуры, а также определить их значение в сохранении культурной идентичности и стратегий будущего в условиях глобализации.

Русская культура обладает уникальным символическим наследием, сформированным под воздействием ключевых исторических событий. Эти символы – от побед в войнах до великих произведений литературы и искусства – являются не только хранителями исторической памяти, но и инструментами стратегического целеполагания. Сегодня, в условиях кризиса культуры и утраты больших идей, изучение этих импринтов становится насущной задачей. Монументализм истории как ее культурный код играет ключевую роль в формировании стратегий будущего, объединяя общество вокруг общих ценностей и идеалов [1].

Цель исследования заключается в проведении комплексного терминологического и концептуального анализа категорий «импринт», «импрессинг» и «культурный код». В рамках данной работы предполагается определить содержание указанных понятий и обозначаемых ими социально-культурных процессов, рассмотреть специфику проявления этих феноменов в контексте русской истории и культуры, выявить и охарактеризовать их системообразующую роль в механизмах трансляции и преемственности культурных традиций.

Термин «импринтинг» («запечатление») связывают с именем К. Лоренца, описавшего явления в биологии. Продолжая эксперименты своего учителя О. Хейнрота он выделил значимые признаки импринтинга: запечатление происходит только в особый период жизни – «сенситивный»; оно представляет собой необратимую фиксацию реакции на стимулирующую ситуацию и, в отличие от других форм научения, предоставляет значительную свободу в приспособлении¹. В гуманитарных науках данный термин стал метафорой для обозначения долгосрочных культурных следов, закрепленных в коллективной памяти через язык, символы и ритуалы. В некоторой степени «импринт» коррелирует с культурно-исторической «телепатией» М. М. Бахтина, так как оба понятия связаны с «передачей и воспроизведением через пространства и времена очень сложных мыслительных и художественных комплексов (органических единиц философской и/или художественной мысли) без всякого уследимого реального контакта» [2, с. 323].

Таким образом, культурный импринт можно рассматривать как механизм, обеспечивающий ту самую «телепатическую» передачу: он создает символический отпечаток, который сохраняется в знаках и образах, и становится доступным для последующих поколений без личного опыта. В этом смысле оба понятия фиксируют нематериальные устойчивые каналы культурной коммуникации, связывающие прошлое, настоящее и будущее.

Несмотря на наличие большого числа исследований по общим проблемам культурно-исторического наследия и символам русской культуры, интегративный подход к изучению импринтов русской истории как культурно-символического кода, включенного в эволюционно-прогностические механизмы культуры, пока недостаточно разработан – требуется метадисциплинарный синтез с применением актуальных методов культурологии.

Материалы и методы

Материалом исследования являются труды российских и зарубежных ученых по теории и истории культуры, социологии культуры, семиотике, психологии, философии, теории эволюции, в которых используются названные выше категории. Применяются междисциплинарные подходы: культурно-генетический, типологический, семиотический и феноменологический.

Результаты исследования и их обсуждение

Импринтинг: от этологии к социологии культуры. Идея импринта в этологии К. Лоренца (привязанности через фиксированное восприятие первого объекта) может быть интерпретирована шире и применяться для анализа того, как исторические события и культурные образы закрепляются в общественном сознании. К ключевым этологическим признакам импринта, обуславливающим возможность его социологического «расширения» можно отнести:

1. Первичность опыта. У К. Лоренца импринт связан с ранним, критическим периодом, когда закладывается базовое восприятие. В социологии культуры можно провести параллель с формирующими событиями («критическими периодами» истории общества: войны, революции, космические достижения). Они становятся культурными импринтами, которые далее определяют коллективную идентичность.

2. Необратимость и устойчивость. Импринт биологически необратим: закрепившийся образ трудно или практически невозможно заменить. В культуре исторический импринт также отличается устойчивостью (например, Победа СССР в Великой Отечественной войне, крещение Руси). Эти события не просто интерпретируются, а воспроизводятся поколениями как устойчивые символы.

¹ Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М. : Республика, 1998. 493 с.

3. Коллективное следование образцу. Птенцы, которых наблюдал К. Лоренц, следовали за «образом матери». В обществе это похоже на социальное подражание и следование культурным моделям: нарративы о героях, религиозные символы, памятники выдающимся деятелем истории и культуры задают нормы поведения, вокруг которых строится коллективная жизнь.

4. Символическая трансляция. К. Лоренц работал с визуально-двигательными образами. В социологии культуры импринты можно рассматривать как символические фиксации (в языке, ритуале, искусстве), которые задают «первый объект» коллективного восприятия и к которому общество снова и снова возвращается.

5. Импринт как «матрица идентичности». В этологии импринт – это матрица для ориентации в мире. В социологии культуры импринты – это «матрицы коллективного самоописания», позволяющие обществу структурировать опыт, различать «свое» и «чужое», формировать историческую миссию.

Таким образом, идеи К. Лоренца имеют потенциал методологического применения в социологии культуры в трех продуктивных направлениях: исторические критические периоды как «критическое время» импринтинга в культуре; устойчивость культурных символов и их межпоколенческая трансляция; импринт как социокультурная матрица идентичности, которая задает долговременные нарративы о прошлом и будущем.

Развивая идеи К. Лоренца, можно провести параллель между биологическим импринтом и социокультурным закреплением образов истории. Подобно тому, как у животных ранние впечатления формируют долговременные поведенческие матрицы, в истории общества ключевые события и символы становятся культурными импринтами, устойчиво определяющими идентичность. В социологии культуры они трактуются как своеобразные «критические периоды» социальной памяти, формирующие устойчивые нарративы и ценности. Такие импринты обладают невозвратимостью и устойчивостью (подобно биологическим импринтам) и служат матрицей коллективного самоописания. Как подчеркивал Ю. М. Лотман, культурные тексты обладают способностью хранить и транслировать значения за пределами их первоначального контекста; они выступают как особые механизмы памяти, которые не только фиксируют содержание, но и обеспечивают его воспроизведение в новых исторических и культурных условиях. Каждый культурный текст «обрастает» дополнительными значениями и становится самостоятельным участником коммуникации, обеспечивая преемственность культурного опыта. Культура через тексты сохраняет целостные формы смысла и передает их даже когда непосредственная историческая ситуация давно ушла в прошлое². Эта мысль позволяет интерпретировать культурные импринты как устойчивые символы, закрепленные в памяти общества.

Категория импринта в гуманитарных науках: импринтинг, импрессинг и культурный код. Содержание понятия «импринтинг» тесно связано с идеями Ф. Тенбрука о социальном словаре и с концепцией культурной травмы, разработанной представителями современной западной социологической теории, получившей название культурсоциологии (Дж. Александр, Ф. Смит, Р. Айерман, П. Штомпка, Н. Смелзер, Б. Гизен). В понимании Тенбрука социальный словарь представляет собой совокупность базовых понятий и категорий, через которые общество описывает и осмысливает собственный опыт [3]. Импринты можно рассматривать как ключевые элементы такого словаря: они фиксируют события и образы, которые становятся семантическими константами в коллективной памяти. Так, события Отечественной войны 1812 г. или Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. закрепились в языке и символике как культурные импринты, формируя устойчивый понятийный каркас, через который интерпретируется национальный опыт.

² Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

Концепция культурной травмы подразумевает, что общество способно перерабатывать коллективные страдания и потери в символическую форму, которая становится частью идентичности: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [4, с. 6]. Импринт здесь выступает как механизм, фиксирующий травматический опыт через памятники, ритуалы и тексты культуры. Таким образом, импринтинг обеспечивает сохранение памяти о трагических событиях и одновременно служит основой для формирования новых коллективных смыслов. Импринты коррелируют с культурной травмой как ее знаковым выражением, одновременно выступая в качестве инструмента формирования идентичности.

Категории «импринтинг» и «импрессинг» применяются для анализа процессов социализации, культурной трансляции и формирования коллективной памяти. Несмотря на общую установку на выявление устойчивых следов в сознании индивида и общества, эти понятия имеют различное содержание и методологическое наполнение. Их соотнесение позволяет уточнить механизмы, посредством которых формируются культурные коды и символы, обеспечивающие воспроизведение идентичности.

В гуманитарных науках термин «импринтинг» получил развитие для обозначения процессов фиксации значимых образов и событий в сознании и культуре. В психологии и социологии культуры он трактуется как механизм усвоения базовых ценностей и норм, зачастую в критические периоды развития личности или общества [5]. В философской перспективе импринтинг рассматривается как системный механизм эволюции общества [6].

В социологии знания П. Бергер и Т. Лукман показали, что социальная реальность конструируется через институционализацию и легитимацию знаний, а закрепленные в культуре представления становятся основой коллективного опыта³. В этом контексте импринтинг выступает формой «социальной памяти», где закрепляются культурные символы и образы прошлого.

Категория «импрессинг» тесно связана с процессами социализации и инкультурации. Импрессинг понимается как многократное и длительное воздействие культурных паттернов на сознание индивида и группы, приводящее к постепенному формированию устойчивых установок и ценностей [7]. Если импринтинг связан с мгновенной фиксацией в критический момент, то импрессинг предполагает кумулятивный характер воздействия и закрепления.

М. Е. Перельман, М. Я. Амусья и А. П. Пуговкин рассматривают импрессинг как межпоколенческий механизм, обеспечивающий передачу опыта и культурных традиций⁴. Е. В. Викторова и И. Л. Сиротина определяют социальный импрессинг как объект гуманитарного познания и подчеркивают его методологическую значимость для исследования долговременной культурной памяти [7; 8].

Общность между импринтингом и импрессингом заключается в выполняемых ими функциях сохранения и трансляции культурных образов и норм. Данные понятия фиксируют исторический и культурный опыт, превращая его в устойчивую часть социальной реальности. Оба механизма обеспечивают преемственность идентичности и культурного кода – то, что может быть описано как монументализация культуры [9]. Различие между импринтингом и импрессингом заключается в их темпоральной и процессуальной

³ Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

⁴ Перельман М. Е., Амусья М. Я., Пуговкин А. П. История и импрессинг поколений // Посев. 2004. № 11. С. 30–34.

характеристике. Импринтинг связан с кратковременным, но сильным воздействием, которое невозможно изменить или отменить (например, архетипические образы войны или религиозного обращения). Импрессинг имеет характер длительного воздействия, включающего накопление смыслов и значений через повседневные практики и традиции. Если импринтинг можно описать как «мгновенный снимок» культурной памяти, то импрессинг – как «медленное формирование» ее структуры.

С точки зрения философии культуры (М. С. Каган) культура – это система, где ценности и смыслы закрепляются в символических формах и передаются через поколения⁵. В этом ключе импринтинг и импрессинг можно трактовать как разные механизмы закрепления культурных форм. Согласно феноменологической традиции оба механизма обеспечивают «светящийся смысл» социальной реальности, но различаются по интенсивности и ритму⁶.

Интересна также антропологическая точка зрения. М. Херсковиц подчеркивал, что культура усваивается через повседневный опыт, что соответствует логике импрессинга⁷. В то же время культурные кризисы и переломные события создают условия для импринтинга, который фиксирует уникальные символы, превращая их в монументы культуры⁸ [10].

Сопоставление категорий импринтинга и импрессинга в гуманитарных науках показывает, что они описывают разные уровни и ритмы усвоения культурных форм. Импринтинг фиксирует культуру через резонансные события и символы, а импрессинг – через повседневные практики, механизмы социализации и длительное воспроизведение. В совокупности они обеспечивают устойчивость и динамику культурной памяти, что открывает перспективы для дальнейших исследований механизмов формирования идентичности и символических кодов в социологии культуры, философии и культурной антропологии.

Перспективы исследования импринтов в культуре. Импринт – сложный многоаспектный феномен, требующий для своего изучения применения междисциплинарного категориального аппарата и синтеза различных областей гуманитарного знания: теории и истории культуры, социологии и психологии культуры, семиотики и культурной семантики, лингвокультурологии, а также культурно-исторической антропологии и теории эволюции. Продуктивным представляется изучение импринтов по линии интеграции их теории и методологии.

Теория и история культуры позволяют исследовать формирование и развитие символико-культурных кодов, их роль в сохранении идентичности. Так, результаты трудов Н. Я. Данилевского, А. Тойнби и О. Шпенглера подтверждают ключевую роль культурно-исторических типов и архетипов в цивилизационном строительстве⁹.

Социология культуры, культурсоциология, психология культуры помогают проанализировать влияние коллективной памяти и символов на социальную консолидацию. Например, работы К. Г. Юнга об архетипах раскрывают коллективное бессознательное, в котором сохраняются ключевые образы исторического прошлого, являющиеся составной частью импринтов¹⁰.

Семиотика и культурная семантика рассматривает символы как знаковые системы, кодирующие общественные смыслы¹¹.

⁵ Каган М. С. Философия культуры. М. : Петрополис, 1996. 310 с.

⁶ Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с.

⁷ Herskovits M. J. Cultural Anthropology. N.Y. : Alfred A. Knopf, 1955. 569 р.

⁸ Ярская В. Н. Время в эволюции культуры: философские очерки : моногр. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 152 с.

⁹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : АСТ, 2019. 704 с.; Тойнби А. Постижение истории. М. : Айрис-Пресс, 2010. 640 с.; Шпенглер О. Закат Европы. СПб. : Наука, 1993. 896 с.

¹⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ / пер. с нем. В. В. Зеленского. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.

¹¹ Лотман Ю. М. Семиосфера.

Лингвокультурология исследует роль языка в сохранении культурных кодов и исторической памяти [11].

Теория эволюции, историческая и культурная антропология особенно перспективны, так как предлагают теоретико-методологические возможности для анализа культурных кодов в контексте адаптации общества к изменяющимся условиям¹² и могут продуктивно использоваться для изучения места импринтов в антропогенезе и их функций в процессах ноосферного перехода. Русские космисты (В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский) развивали идеи включенности человечества в эволюционные процессы Вселенной [12].

Импринтные группы русской истории. Импринтные группы русской истории – это совокупности ключевых событий, символов и образов, зафиксированных в коллективной памяти народа и выполняющих функцию долговременных «отпечатков» исторического опыта. Они представляют собой своеобразные матрицы идентичности, которые формируются в критические моменты национального развития (войны, реформы, культурные прорывы, религиозные события) и воспроизводятся через монументы, литературу, искусство, ритуалы и язык.

Такие группы объединяют не отдельные факты, а целостные символико-культурные комплексы, в которых исторический опыт закрепляется в форме устойчивых нарративов и архетипических образов. Например, к импринтным группам можно отнести Крещение Руси и православные символы (иконы, храмы); эпоху Петра I и символику модернизации; Отечественные войны 1812 и 1941–1945 гг. как импринты национального единства; космический прорыв XX века как символ восходящей эволюции.

Импринтные группы русской истории – это системы культурной памяти, в которых концентрируются ценности и смыслы, определяющие самосознание и цивилизационную идентичность России. Перечислим некоторые из импринтных групп русской истории и их символико-культурное значение. Ключевые импринты русской истории можно условно разделить на несколько категорий:

Военные победы: Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Эти события символизируют единство народа и его способность к самопожертвованию ради высших идеалов. Бородинская битва, Московская битва, Сталинградская битва – импринты народного единства и героизма, закрепившие монументальный код победы.

Духовные и религиозные символы: церковная живопись (иконы), культовая архитектура (храмы). Они отражают глубокую связь русской культуры с христианскими традициями. Импринтинг русской истории ярко проявляется в образе Собора Василия Блаженного на Красной площади. Построенный в честь победы над Казанским ханством (1552), он закрепил в символическом пространстве Москвы представление о триумфе русского государства и православной веры. Собор выступает не только памятником архитектуры, но и культурным импринтом: его уникальный силуэт стал визуальной матрицей русской идентичности, связывая государственные достижения с сакральным измерением. Для коллективной памяти он фиксирует опыт объединения страны вокруг православия и идеи «Москва – Третий Рим», что делает его устойчивым знаком духовной и исторической преемственности.

Произведения светского искусства (художественной литературы, живописи, монументальной скульптуры и архитектуры). Они выступают хранителями нравственных и эстетических ценностей и содержат импринты социальной истории. Например, в картине В. Г. Перова «Тройка» импринт социальной истории выражен

¹² Бутовская М. Л., Файнберг Л. А. У истоков человеческого общества. М. : Наука, 1993. 240 с.; Вишняцкий Л. Б. История одной случайности, или Происхождения человека. Фрязино : Век 2, 2005. 320 с.

в изображении детского труда и социального неравенства, картина становится символом тяжелой доли простого народа, воплощая память о социальной несправедливости и моральный призыв к состраданию и изменению общества. Московский Кремль, памятники выдающимся деятелям истории и культуры – цивилизационные следы славного прошлого, олицетворяющую силу и величие народа. Импринтинг памятника ансамбля «Героям Сталинградской битвы» (1967 г., руководитель проекта – скульптор Е. В. Вучетич) связан с памятью о Сталинградской битве – одном из ключевых переломных событий Великой Отечественной войны. Он закрепил в коллективном сознании образ жертвенности и героизма советского народа, превратив военную победу в символ национального единства и духовной силы. Главный монумент ансамбля – «Родина-мать зовет» – огромная фигура женщины с мечом в руке стала культурным импринтом, в котором зафиксирован опыт страданий, борьбы и торжества высшей справедливости. Этот памятник формирует устойчивый нарратив о победе как об основании идентичности и величия народа.

Заключение

Культурные импринты русской истории представляют собой не только элементы прошлого, но и активные механизмы формирования будущего. Они помогают сохранить идентичность, служат основой для создания стратегий будущего и обеспечивают преемственность традиций. В условиях глобализации и современных вызовов сохранение этих кодов становится ключевой задачей общества и государства. Импринты коррелируют с концепцией «культурно-исторической телепатии» М. М. Бахтина, а также с социальным словарем Ф. Тенброка и концепцией культурной травмы, разработанной в современной зарубежной культурсоциологии.

Перспективы исследования связаны с развитием интегративных методологий культурологии, которые позволяют раскрыть эволюционно-прогностическую роль импринтов и их значение в стратегическом целеполагании культуры. Каждый из импринтов имеет глубокое символико-культурное значение, формируя основу для коллективной идентичности и стратегического целеполагания России как страны-цивилизации. Изучение монументальных кодов русской культуры необходимо для формирования новых стратегий общественного развития, оно может быть продуктивным при анализе импринтинга как эволюционно-конструктивного процесса в истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индриков А. А. Монументальный язык культуры: коды славного будущего // Ноосферные исследования. 2016. № 1-2 (13-14). С. 61-68. URL: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Indrikov_2016_1-2.pdf (дата обращения: 12.12.2024).
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари М. : Русские словари; Языки славянских культур, 2002. 800 с.
3. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 93-120. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2013/12/31/1338705351/SocOboz_12_3_05_Tenbruck.pdf (дата обращения: 03.02.2025).
4. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6-40. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/1/1> (дата обращения: 03.07.2025).
5. Смирнов М. Ю., Трофимов М. Ю. Импринтинг как механизм формирования нравственного поведения человека // Психология и психотехника. 2017. № 2. С. 33-44. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.2.23462>

6. Оконская Н. Б. Импринтинг как системный механизм эволюции общества // Философские науки. 2001. № 1. С. 114–124.
7. Сиротина И. Л., Викторова Е. В. Импрессинг как механизм социализации и инкультурации // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 3. <https://doi.org/10.30853/mns20250155>
8. Викторова Е. В. Социальный импринтинг и импрессинг как объекты социально-гуманитарного познания // Общество: философия, история, культура. 2024. № 8. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.8.4>
9. Индриков А. А., Поелueva Л. А., Индрикова А. А. Метаязык «восходящей эволюции»: рефлексия над монументальными основаниями культуры // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 1. С. 146–159. <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.1.10>
10. Индриков А. А. Диктатура конвейера: рефлексия кризиса культуры в Европе и России : моногр. Саранск, 2014. 167 с.
11. Индрикова А. А. Лингвокультурное измерение текста в свете эволюционного конструктивизма // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23, № 79 (2). С. 249–257. [https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79\(2\)-249-257](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-249-257)
12. Селицкий А. Л. Феномен космизма в контексте формирования антропоприродной парадигмы // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3 (1). С. 48–68. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-48-68>

REFERENCES

1. Indrikov A.A. Monumental Language of Culture: Codes of the Glorious Future. *Noospheric Studies*. 2016;(1-2):61–68. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Indrikov_2016_1-2.pdf (accessed 12.12.2024).
2. Bakhtin M.M. [Collected Works. In 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s – 1970s.]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury; 2002. (In Russ.)
3. Tenbruck F. Representative Culture. *Russian Sociological Review*. 2013;12(3):93–120. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2013/12/31/1338705351/SocOboz_12_3_05_Tenbruck.pdf (accessed 03.02.2025).
4. Alexander J. [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskiy zhurnal = Sociological Journal*. 2012;(3):6–40. (In Russ.) Available at: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/1/1> (accessed 03.07.2025).
5. Smirnov M.Yu., Trofimov M.Yu. Imprinting as a Mechanism for the Formation of Human Moral Behavior. *Psychology and Psychotechnics*. 2017;(2):33–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.2.23462>
6. Okonskaya N.B. [Imprinting as a System Mechanism of Social Evolution]. *Philosophical Sciences*. 2001;(1):114–124. (In Russ.)
7. Sirotnina I.L., Viktorova E.V. Impressing as a Mechanism of Socialization and Inculturation. *Manuscript*. 2025;18(3). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/mns20250155>
8. Viktorova E.V. Social Imprinting and Impressing as Objects of Socio-Humanitarian Cognition. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2024;(8). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/fik.2024.8.4>
9. Indrikov A.A., Poelueva, L.A., Indrikova A.A. The Metalanguage of “Ascending Evolution”: Reflection on the Monumental Foundations of Culture. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2023;(1):146–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.1.10>
10. Indrikov A.A. [The Dictatorship of the Conveyer: Reflection on the Crisis of Culture in Europe and Russia: Monograph]. Saransk; 2014. (In Russ.)
11. Indrikova A.A. Linguocultural Dimension of the Text in the Light of Evolutionary Constructivism. Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. *Social, Humanitarian, and Biomedical Sciences*. 2021;23(79-2):249–257. [https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79\(2\)-249-257](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-249-257)
12. Selitskii A. The Phenomenon of Cosmism in the Context of the Formation of an Anthroponatural Paradigm. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2021;13(3-1):48–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-48-68>

Об авторах

Индриков Алексей Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 84),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4551-3793>,

SPIN-код: 5160-1612,

e-mail: Indrikov86@gmail.com

Индриков Матвей Алексеевич, студент бакалавриата «История государства и власти» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 84),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9483-0012>,

e-mail: vozvrachenie1000@gmail.com

Вклад авторов

А. А. Индриков – разработка концепции; развитие методологии; критический анализ.

М. А. Индриков – анализ литературы по заявленной проблеме; подготовка начального варианта текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 01.07.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 25.08.2025.

About the authors

Aleksey A. Indrikov, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor in the Department of Public Relations and Media Policy, Russian Academy of National Economy and Public Administration Services under the President of the Russian Federation (84 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4551-3793>,

SPIN-code: 5160-1612,

e-mail: Indrikov86@gmail.com

Matvey A. Indrikov, Bachelor's Student, History of State and Governance Program, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration Services under the President of the Russian Federation (84 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9483-0012>,

e-mail: vozvrachenie1000@gmail.com

Authors' contribution

А. А. Indrikov – concept development; methodology development; critical analysis.

М. А. Indrikov – analyzing the literature on the research problem; writing the initial version of the article.

The authors had read and approved the final version of the manuscript.

Submitted 01.07.2025; revised 18.08.2025; accepted 25.08.2025.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.149-158>

EDN: <https://elibrary.ru/bgynve>

УДК / UDC 930Юрчёнков

В. А. Юрчёнков: многогранность творческой деятельности (к 65-летию со дня рождения)

Д. С. Щукин , Я. С. Митина

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Российская Федерация
 dmschukin2014@yandex.ru

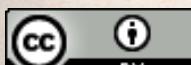
Аннотация

Введение. Наследие В. А. Юрчёнкова представляет собой целостную систему, сочетающую фундаментальные исследования, организационное строительство и педагогическую практику. Проблема исследования заключается в отсутствии комплексного научного осмысливания многогранного вклада ученого в развитие региональной исторической науки и гуманитарного знания в Республике Мордовия. Цель исследования – комплексный анализ научного, организационного и педагогического наследия В. А. Юрчёнкова.

Материалы и методы. Материалы исследования включают научные труды, проекты и организационные инициативы В. А. Юрчёнкова, а также работы его коллег и последователей. Методологическую основу составили принципы системности и научной объективности, а также историко-биографический и историко-генетический методы, позволившие провести комплексный анализ его наследия.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрены ключевые направления работы В. А. Юрчёнкова: реорганизация научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, создание научной школы, реализация масштабных научных проектов, разработка собственных

© Щукин Д. С., Митина Я. С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

научных гипотез и построений, общественная деятельность, педагогическая практика. В. А. Юрчёнков, отличавшийся уникальной научной эрудицией и профессионализмом – ученый-гуманитарий широкого профиля, концептуал, определивший суть развития мордовской региональной истории как неотъемлемой части единого общероссийского исторического процесса. Конфигурация исторического развития мордовского народа и мордовского края определена ученым в рамках разработанной им концепции формирования мордвы как «пульсирующего» этноса, а также в контексте разнородного и различного по силе, но устойчивого взаимодействия российских центра и периферии. Созданная им научная школа включает многих исследователей, успешно работающих на стыке истории, культурологии, этнологии, этносоциологии, историософии и других дисциплин.

Заключение. Деятельность В. А. Юрчёнкова заложила основу для дальнейшего развития гуманитарной науки Мордовии и стала образцом интеграции региональной истории в общероссийский научный дискурс. Настоящее исследование вносит вклад в осмысление роли новых идей и методологических приемов, привнесенных В. А. Юрчёнковым в современную науку. Материалы статьи могут быть использованы в исследовательской деятельности в сфере регионалистики и краеведения, в преподавании гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: В. А. Юрчёнков, мордовская историография, регионоведение, краеведение Мордовии, центр и периферия.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Щукин Д. С., Митина Я. С. В. А. Юрчёнков: многогранность творческой деятельности (к 65-летию со дня рождения) // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 149–158. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.149-158>

V. A. Yurchyonkov: The Multifaceted Nature of Creative Activity (on the 65th Anniversary of His Birth)

D. S. Shchukin , Ya. S. Mitina

Research Institute of the Humanities, Saransk, Russian Federation

 dmschukin2014@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this study stems from the need to understand the contribution of Doctor of Historical Sciences, Professor V. A. Yurchyonkov to the development of regional historical scholarship and humanities research in the Republic of Mordovia. The aim of this article is to comprehensively analyze the scholar's scientific, organizational, and pedagogical legacy.

Materials and Methods. The study draws on the scholarly works, projects, and organizational initiatives of V. A. Yurchyonkov, as well as the work of his colleagues and followers. The article's methodological basis are the principles of systematicity and scientific objectivity. The authors utilize historical-biographical and historical-genetic research methods.

Results and Discussion. This article examines key areas of V. A. Yurchyonkov's work: the reorganization of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, the creation of an academic school, the implementation of large-scale research projects, the development of his own scientific hypotheses and constructs, public activities, and teaching practice. It shows that V. A. Yurchyonkov,

distinguished by his unique scholarly erudition and professionalism, was a broad-based scholar in the humanities and a conceptualist who defined the essence of the development of Mordovia regional history as an integral part of a single all-Russian historical process. The scholar defines the configuration of the historical development of the Mordovian people and the Mordovia region within the framework of his concept of the formation of the Mordovians as a "pulsating" ethnic group, as well as in the context of the multidirectional and varying in strength, yet stable, interaction between the Russian center and periphery. V. A. Yurchyonkov is known as an educator and organizer of science. The academic school he founded includes many researchers successfully working at the intersection of history, cultural studies, ethnology, ethnosociology, historiography, and other disciplines. He is also the author of fiction and the screenwriter of short historical documentary films. The scholar was a true patriot of his native land and a consistent promoter of Mordovia history and culture. V. A. Yurchyonkov's creative public stance and his work aimed at preserving the memory of military and historical events, developing memorial practices, and promoting the cultural achievements of Mordovia continue to resonate deeply with his colleagues in the republic. He has received well-deserved recognition at the Russian and international levels.

Conclusion. The authors emphasize that V. A. Yurchyonkov's legacy represents a holistic system combining fundamental research, organizational development, and teaching practice. His work laid the foundation for the further development of humanities in Mordovia and became a model for the integration of regional history into national academic discourse. This article contributes to understanding the role of new ideas and methodological approaches introduced by V. A. Yurchyonkov to modern scholarship. Its materials can be used in research in the fields of regional studies and local history, and in teaching the humanities.

Keywords: V. A. Yurchyonkov, Mordovian historiography, regional studies, Mordovia local history, center and periphery

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Shchukin D.S., Mitina Ya.S. V. A. Yurchyonkov: The Multifaceted Nature of Creative Activity (on the 65th Anniversary of His Birth). *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(2):149–158. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.149-158>

Введение

В сентябре 2025 г. видному историку, организатору науки и общественному деятелю В. А. Юрчёнкову исполнилось бы 65 лет. Его жизнь и деятельность стали неотъемлемой частью интеллектуальной истории Мордовии и России в целом. Данная статья призвана осветить многогранную деятельность ученого, выявить ключевые направления его работы.

Профессору В. А. Юрчёнкову посвящено большое количество научных публикаций. Авторы многих из них – коллеги, хорошо знавшие ученого, изучавшие его работы и научные концепции. Так, доктор философских наук, профессор Н. И. Воронина подчеркивала, что Юрчёнкову никогда не были свойственны «догматизм, конъюнктурщина, дилетантизм», всю свою научную жизнь он «писал честно и добротно историю своего народа», характеризовала его архивные изыскания в регионах как глубокие и всеобъемлющие [1; 2].

Доктор исторических наук, профессор Г. А. Куршева назвала В. А. Юрчёнкова одним из самых ярких представителей перспективного развивающегося направления *local history*, подчеркивала универсальность его научных интересов, отмечала

стремление ученого к охвату большого количества тем и характерный подход, выработанный годами аналитической работы: от изучения частных проблем определенного исторического периода к построению концептуальной картины эпохи, что наиболее отчетливо проявилось в его последних трудах («Мордовский народ: вехи истории» (2007 г.), «Начертание мордовской истории» (2012 г.), «Мордовская история: Курс лекций» (2014 г.))¹.

Значительное внимание концептуальным идеям В. А. Юрчёнкова удалено в статье кандидата исторических наук Н. О. Шкердиной, которая подчеркивала богатую историографическую базу, в том числе западноевропейскую, изученную исследователем при построении им древней истории мордовского народа, формулировании концепции вхождения мордовского народа в состав Русского централизованного государства, оригинальной теории развития мордвы как «пульсирующего этноса» и других фундаментальных проблем истории края [3].

Вопросу специфики изысканий ученого в аграрной сфере, его трактовкам крестьянских выступлений на территории мордовского края времен Гражданской войны посвящена статья доктора исторических наук профессора В. В. Кондрашина [4].

Значимую роль играют статьи, рассматривающие деятельность В. А. Юрчёнкова как выдающегося организатора науки, руководителя Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (далее – НИИ гуманитарных наук) и педагога, основателя научной школы. Под руководством ученого при его жизни было защищено 27 кандидатских и 7 докторских диссертаций.

Проанализированы многочисленные исследовательские проекты, реализованные с 2001 по 2017 г. под руководством В. А. Юрчёнкова в институте, охарактеризованы подготовленные им научные издания по разным направлениям гуманитаристики² [5–9].

В ряде публикаций мемуарного характера В. А. Юрчёнков характеризуется как яркая личность, человек, имевший широкий круг общения, много друзей и соратников, оставивший о себе исключительно добрую память [10–14].

Таким образом, историография деятельности В. А. Юрчёнкова на сегодняшний день достаточно обширна, однако широта этой деятельности и глубина поднимаемых им историко-культурных проблем столь значительна, что все еще ждет своего кропотливого исследователя.

Материалы и методы

Материалом исследования являются труды В. А. Юрчёнкова, а также работы его коллег, содержащие оценку его многосторонней деятельности. Среди них – публикации Н. И. Ворониной, подчеркивающей глубину и добросовестность его архивных изысканий, Г. А. Куршевой, характеризующей его как ведущего краеведа, Н. О. Шкердиной, анализирующей его как историографа, а также затрагивающей концепцию мордовского «пульсирующего этноса», В. В. Кондрашина, оценивающего его аграрные исследования и др. Методологическую основу статьи составили принципы системности и научной объективности. Авторы используют следующие методы: историко-биографический (для характеристики основных этапов научной биографии и эволюции исследовательских интересов В. А. Юрчёнкова, выявления наиболее значимых качеств

¹ Куршева Г. И. История Мордовского края XX в. в трудах профессора В. А. Юрчёнкова: от конкретики к концептуальному осмыслинанию // Научное сообщество историков и современный мир: к юбилею университетского исторического образования в Самаре : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию унив. ист. образования в Самаре (г. Самара, 12 дек. 2019 г.). Самара : Самар. гуманитар. акад., 2020. С. 97–106. <https://www.elibrary.ru/ulxrfn>

² Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н. В. А. Юрчёнков: профессия, ставшая судьбой // Память прошлого – сценарии будущего: проблемы региональной гуманитарной науки : материалы Всерос. науч. конф. Саранск, 2023. С. 4–14. <https://elibrary.ru/ofqrho>

его творческой личности); историко-генетический (давший возможность на основе систематизации результатов научного творчества ученого сделать выводы относительно его вклада в региональную и российскую гуманитаристику).

Результаты исследования и их обсуждение

Валерий Анатольевич Юрчёнков родился в 1960 г. в Мордовии в интеллигентной семье, вырос в атмосфере любви к чтению и знаниям. После окончания историко-географического факультета Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва и аспирантуры Мордовского НИИ языка, истории, литературы и экономики защитил в 1989 г. кандидатскую диссертацию на тему «Советы Мордовии в период гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920 гг.)», в 1997 г. – докторскую диссертацию на тему «История мордовского края в западной историографии XIII–XIX вв.». Большое влияние на формирование его как ученого оказало знакомство с такими видными историками, как М. Ф. Жиганов, Л. Г. Филатов, декан исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Ю. С. Кукушкин.

В разные годы В. А. Юрчёнков работал в НИИ гуманитарных наук, НИИ регионологии, Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарёва, входил в редакционные коллегии ряда научных и научно-публицистических журналов. Занимаясь научной деятельностью, он огромное внимание уделял кропотливой работе с архивами различных регионов, в том числе с ранее закрытыми фондами ведомственных и силовых структур. Результатом работы стала публикация многочисленных трудов: «Хронограф, или Повествование о мордовском народе и его истории» (1991 г.), «Мордовский народ: вехи истории» (2007 г.), «Начертание мордовской истории» (2012 г.), «Мордовская история. Курс лекций» (2014 г.), «Финно-угорские народы России» (2016 г.) и др.

Работая директором НИИ гуманитарных наук в 2001–2017 гг., В. А. Юрчёнков инициировал большое количество научно-исследовательских проектов, рассчитанных на десятилетия вперед и важных с точки зрения не только региональной, но и российской науки. Так, под его руководством на базе института была осуществлена крупная исследовательская работа в сфере энциклопедистики. Издание в 2003–2004 гг. двухтомной энциклопедии «Мордовия» позволило заложить фундаментальные основы для систематизации и дальнейшего развития научных отраслей и запустить в рамках института долгосрочный проект «Региональный энциклопедизм».

Разработанная под руководством В. А. Юрчёнкова цельная концепция истории и культуры мордовского народа получила свое выражение в проекте «Мордовия. XX век». С его подачи коллективом института была начата работа по поиску и публикации документов из центральных и региональных архивов о неизвестных фактах или слабо разработанных проблемах истории Мордовии, этнографии мордовского народа, его языка и фольклора. Все это стало основной целью комплексного проекта «Свод документов по истории и культуре Мордовии».

Среди других фундаментальных проектов, реализованных в институте – «Власть и общество: российская провинция» (изучение структуры и элементов взаимодействия властного центра и общественной периферии), «Археология Мордовского края» (возрождение археологических исследований и экспедиционной деятельности), «Мордовская мифология» (комплексное изучение исторического, культурного и духовного наследия мордовского народа), «Мордовские словари» (исследования в области лексикографии эрзянского и мокшанского языков), «Мордва России» (изучение диаспоры), «Этнокультурный мир Мордовии» (изучение самобытной этнической культуры народов Мордовии), «История культуры Мордовии» (изучение истории и новых моделей этнокультурной политики), «Города и районы Мордовии» (история края, краеведческое просвещение), «Личности» и серия «Наследие» (популяризация исторических

фигур и наследия видных ученых-краеведов) [8]. В основу вышеназванных проектов были положены научные концепции и идеи В. А. Юрчёнкова.

Одним из наиболее оригинальных и интересных стало данное В. А. Юрчёнковым определение мордовы как «пульсирующего» этноса: с его точки зрения, на различных этапах своего исторического развития и в различных точках обширного ареала своего расселения мокша и эрзя то раскрываются, разворачиваются в самостоятельные этносы, то свертываются до субэтносов и консолидируются вновь в единый мордовский этнос. Таким образом, бинарная структура мордовы во многом и является следствием этой неравномерной в историческом измерении пульсации [15].

Ученый предложил собственную периодизацию истории мордовского этноса, а также позиционировал мордову в качестве одного из государствообразующих народов России. По мнению В. А. Юрчёнкова, «сравнительно безболезненный и хронологически довольно ранний процесс включения мордовы в состав Российской государства определил отсутствие резкого противостояния между этническим и общегосударственным самосознанием... Она не принадлежала к числу доминирующих этносов, однако имела ряд их черт, связанных с ее участием в генезисе империи посредством миграций и освоения окраинных земель». Ученый делает вывод, что в строгом смысле слова отношение центра к мордве нельзя назвать имперским, поскольку в Российской империи не существовало четкой границы между центром и евразийской периферией, а происходило их органическое слияние. Сопоставив факты и изучив имеющиеся источники, он пришел к заключению, что процесс единения мордовского народа с народами Российского государства начался около 1000 лет назад. Эта идея положила начало циклу мероприятий, закончившихся грандиозным праздничным действием в республике в августе 2012 г. [16].

Под руководством В. А. Юрчёнкова в институте возродились периодические издания. В журналах «Центр и периферия» и «Вестник НИИГН» нашли отражение результаты исследовательской работы ведущих ученых-гуманитариев института, республики и Поволжья. Был проведен целый ряд крупных международных и всероссийских конференций (посвященных Патриарху Никону, адмиралу Ф. Ф. Ушакову, столетнему юбилею начала Первой мировой войны).

В. А. Юрчёнков состоялся и как неординарный педагог. Возглавляя кафедру страноведения в МГУ им. Н. П. Огарёва, он вел разработанный им курс российской историографии новейшего времени. Работая директором НИИГН, ученый осуществлял руководство аспирантами по специальности «Отечественная история» и способствовал открытию докторской совета при институте. Неоднократно по приглашению зарубежных коллег он читал лекции в европейских вузах. Сложилась успешная научная школа профессора В. А. Юрчёнкова, подготовившего 7 докторов и 27 кандидатов наук, многие из которых защитились в открытом им при НИИГН докторской совете. Его многочисленные ученики ныне работают в престижных вузах и научных учреждениях России и продолжают начатое им дело.

Для школьников Мордовии В. А. Юрчёнковым были подготовлены учебник «Мир истории» для 6-го класса и единственное в настоящее время учебные пособия по истории мордовского народа, написанные на мокшанском и эрзянском языках «Мордовский народ: прошлое и настоящее».

В. А. Юрчёнков получил известность и как мастер художественного слова. К этому же направлению можно условно отнести и работы в научно-популярной стилистике. Его перу принадлежат «Занимательная археология», «Край мордовский. Занимательная история», «Занимательное родноведение» и сборник исторических легенд «Живое тепло», а также произведения для детей «Сказки Вирявы», «Сказки Норовавы». В них читателю была продемонстрирована яркая образность мышления автора.

Увлечение художественным восприятием действительности сподвигло ученого на опыты в жанре документальной кинематографии, которые были весьма успешными. В. А. Юрчёнков стал автором сценариев документальных лент для Казанской студии кинохроники, ГТРК «Мордовия», а также вдохновителем и продюсером творческого объединения «Куйгородж», созданного при НИИГН, которое выпустило 14 научно-популярных фильмов, посвященных истории и культуре мордовского края.

Как общественный деятель В. А. Юрчёнков остался в памяти в качестве руководителя различных общественных организаций, деятельность которых связана с исследовательской, культурно-просветительской работой, сохранением исторической памяти. Среди них Региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Мордовское отделение Российского Общества историков-архивистов (РОИА). Он был первым руководителем Регионального отделения Российского военно-исторического общества (РВИО), некоторое время возглавлял Мордовское региональное отделение Ассамблеи народов России. В. А. Юрчёнков много занимался проблемами развития современного гражданского общества в Мордовии и России. Он возглавлял Общественную палату Республики Мордовия и входил в состав Общественной палаты Российской Федерации.

Высоким признанием заслуг В. А. Юрчёнкова стали присвоенные ему звания заслуженного деятеля науки Республики Мордовия и Российской Федерации, а также награждение орденами Славы III-й и II-й степени [8].

В память о выдающемся ученом в последние годы на регулярной основе проводятся мемориальные мероприятия: с 2020 г. Юрчёнковские чтения на базе НИИГН при Правительстве РМ, а также выставки в МРОКМ им. И. Д. Воронина. Последняя из них – «История, прожитая сердцем: путь В. А. Юрчёнкова», приуроченная к 65-летию со дня рождения ученого.

В. А. Юрчёнков является ключевой фигурой, преобразовавшей локальное краеведение Мордовии в системную академическую регионалистику. Под его руководством краеведение было поднято на качественно новый уровень, перейдя от сбора и анализа фактов к их глубокому концептуальному осмыслению. Тем самым Юрчёнков заложил фундамент для будущих исторических исследований в Мордовии.

Заключение

История, фиксирующая в своих анналах героические свершения и трагические неудачи людей, является лучшей наставницей человечества. Историк всегда находится в диалоге со временем. Выдающийся мордовский ученый В. А. Юрчёнков, продвигая собственные оригинальные идеи в региональную историческую науку, был личностью, хранившей, трактовавшей, передававшей, популяризировавшей память о прошлом таким образом, чтобы она помогала осмыслить настоящее и избегать фатальных ошибок в будущем.

В. А. Юрчёнков вышел далеко за рамки регионального исследователя. Разработанная им концепция взаимодействия центра и периферии, власти и общества в российской провинции имеет общефедеральное значение, она применима для изучения других регионов страны. Его работы по историографии, методологии истории и изучению провинциальных социумов вошли в золотой фонд отечественной исторической науки. Как организатор он интегрировал мордовскую науку в общероссийское и международное научное пространство, наладив прочные связи с ведущими академическими институтами страны. Подготовленные им ученые работают не только в Мордовии, но и за ее пределами. Его наследие – это не только множество опубликованных трудов, но и созданная им научная школа, институт и целое направление в российской исторической науке. Его деятельность – это образец беззаветного служения науке, своему народу и России.

Статья вносит вклад в осмысление роли В. А. Юрчёнкова, привнесенных им новых идей и методологических приемов в современную науку. Ее материалы могут быть использованы в исследовательской деятельности в сфере регионалистики и краеведения, в преподавании гуманитарных дисциплин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронина Н. И. Полет над историей // Регионология. 2002. № 1. С. 402–408.
2. Воронина Н. И. Валерий Анатольевич Юрчёнков: полет над историей // Саранск: город и горожане в зеркале истории : моногр. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. С. 118–125.
3. Шкердина Н. О. Региональная историография в научном наследии В. А. Юрчёнкова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3. С. 156–165. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
4. Кондрашин В. В. Аграрные исследования Валерия Анатольевича Юрчёнкова // Аграрная история XX века: историография и источники : моногр. Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2014. С. 267–271. URL: <https://clck.ru/3QYVxW> (дата обращения: 20.07.2025).
5. Бикейкин Е. Н. Задкова Т. Ю., Зоркова Н. Н. Валерий Анатольевич Юрчёнков (к 55-летию со дня рождения) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3. С. 229–235. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2015.pdf> (дата обращения: 23.07.2025).
6. Бикейкин Е. Н., Чужайкина Т. А., Зоркова Н. Н., Ивлиев С. А. Валерий Анатольевич Юрчёнков – ученый и организатор науки / Е. Н. Бикейкин [и др.] // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 110–116. URL: <https://niign.ru/centrandperifiry/czentr-i-periferiya-3-2019-ispr.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
7. Кильдюшкина И. Г., Кильдюшкина Т. И. В. А. Юрчёнков: генератор идей и корифей исторической мысли. К 60-летию со дня рождения // Центр и периферия. 2020. № 3. С. 88–94. URL: <https://www.niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
8. Куршева Г. А., Бикейкин Е. Н. Валерий Анатольевич Юрчёнков // Продолжая славные традиции: к 90-летию НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия : моногр. / отв. редакторы Г. А. Куршева, Е. Н. Бикейкин. Саранск : НИИГН, 2022. С. 325–343. <https://elibrary.ru/qknfma>
9. Кильдюшкина И. Г., Кильдюшкина Т. И. Научный быт ученого-историка В. А. Юрчёнкова на рубеже веков // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2023. № 1. С. 168–174. URL: <https://clck.ru/3QYYTv> (дата обращения: 25.07.2025).
10. Кабытов П. С. Памяти Валерия Анатольевича Юрчёнкова // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 101–109. URL: <https://niign.ru/centrandperifiry/czentr-i-periferiya-3-2019-ispr.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
11. Белоусов С. В. Вспоминая о Валерии Анатольевиче Юрчёнкове // Центр и периферия. 2020. № 3. С. 97–99. URL: <https://www.niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
12. Чуканов И. А. У этого человека мне учиться и учиться... // Центр и периферия. 2020. № 3. С. 100–102. URL: <https://niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).
13. Лаптун В. И. Памяти друга // Центр и периферия. 2020. № 3. С. 103–105. URL: <https://niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).
14. Смородин К. В. Валерий Анатольевич... Валера... Отрывок из воспоминаний // Центр и периферия. 2020. № 3. С. 106–107. URL: <https://niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (дата обращения: 27.07.2025)
15. Юрчёнков В. А. Мордовский народ: вехи истории. Саранск : Научно-исследовательский институт гуманитарных наук. Т. 1. 460 с. URL: <https://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnye-izdaniya/vne-serij/vehi-istorii> (дата обращения: 29.07.2025).
16. Юрчёнков В. А. Мордва Российской империи. Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2014. 640 с.

REFERENCES

1. Voronina N.I. [Flight over History]. *Regionology*. 2002;1:402–408. (In Russ.)
2. Voronina N.I. [Valery Anatolyevich Yurchenkov: Flight over History]. In: Saransk: City and Citizens in the Mirror of History. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta; 2019. p. 118–125. (In Russ.)
3. Shkerdina N.O. Regional Historiography in the Scientific Heritage of V. A. Yurchenkov. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;(3):156–165. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3-19.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
4. Kondrashin V.V. [Valery Anatolyevich Yurchenkov's Agrarian Research]. In: [Agrarian History of the 20th Century: Historiography and Sources: Monograph]. Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta; 2014. p. 267–271. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3QYVxW> (accessed 20.07.2025).
5. Bikeykin E.N., Zadkova T.Yu., Zorkova N.N. [Valery Anatolyevich Yurchenkov (on the 55th Anniversary of his Birth)]. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2015;(3):229–235. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-3-2015.pdf> (accessed 23.07.2025).
6. Bikeykin E.N., Chuzhaikina T.A., Zorkova N.N., Ivliev S.A. Valery Anatolyevich Yurchenkov – Scientist and Organizer of Science. *Center and Periphery*. 2019;(3):110–116. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/centrandperifiry/czentr-i-periferiya-3-2019-ispr.pdf> (accessed 20.07.2025).
7. Kildyushkina I.G., Kildyushkina T.I. Yurchenkov: A Generator of Ideas and a Luminary of Historical Thought. On the 60th Anniversary of his Birth. *Center and Periphery*. 2020;(3):88–94. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (accessed 20.07.2025).
8. Kursheva G.A., Bikeykin E.N. [Valery Anatolyevich Yurchenkov]. In: [Continuing the Glorious Traditions: On the Occasion of the 90th Anniversary of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia: Monograph]. Saransk: NIIGN; 2022. p. 325–343. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qknfma>
9. Kildyushkina I.G., Kildyushkina T.I. The Scientific Life of the Historian V.A. Yurchenkov at the Turn of the Century. *Gasyrlar avaza – Echo of Centuries*. 2023;(1):168–174. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3QYYTv> (accessed 25.07.2025).
10. Kabytov P.S. In Memory of Valery Anatolyevich Yurchenkov. *Center and Periphery*. 2019;(3):101–109. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/centrandperifiry/czentr-i-periferiya-3-2019-ispr.pdf> (accessed 20.07.2025).
11. Belousov S.V. Recalling Valery Anatolyevich Yurchenkov. *Center and Periphery*. 2020;(3):97–99. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (accessed 27.07.2025).
12. Chukanov I.A. I Still Have a Lot to Learn from this Man... *Center and Periphery*. 2020;(3):100–102. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (accessed 27.07.2025).
13. Laptun V.I. In Memory of a Friend. *Center and Periphery*. 2020;(3):103–105. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (accessed 27.07.2025).
14. Smorodina K.V. Valery Anatolyevich... Valera... Excerpt from Memories. *Center and periphery*. 2020;(3):106–107. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/centrandperifiry/3-2020-czentr-i-periferiya.pdf> (accessed 27.07.2025).
15. Yurchenkov V.A. [The Mordovian People: Historical Milestones]. Vol. 1. Saransk: Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia; 2007. (In Russ.) Available at: <https://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/vne-serij/vehi-istorii> (accessed 29.07.2025).
16. Yurchenkov V.A. [Mordvinian of the Russian Empire]. Saransk: Mordovia Publishing House; 2014. (In Russ.)

Об авторах

Щукин Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Льва Толстого, д. 3),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3782-8285>,
SPIN-код: 9646-1888,
e-mail: dmschukin2014@yandex.ru

Митина Яна Сергеевна, аспирант отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Льва Толстого, д. 3),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4898-0743>,
e-mail: mitinajana99@yandex.ru

Вклад авторов

Д. С. Щукин – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи; критический анализ.

Я. С. Митина – анализ литературы по заявленной проблеме; структурирование текста статьи.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 25.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принятая к публикации 10.10.2025.

About the authors

Dmitry S. Shchukin, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher at the Department of Theory and History of Culture, Research Institute of the Humanities (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3782-8285>,
SPIN-код: 9646-1888,
e-mail: dmschukin2014@yandex.ru

Yana S. Mitina, Postgraduate Student at the Department of Theory and History of Culture, Research Institute of the Humanities (3 L. Tolstogo St., Saransk 430005, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4898-0743>,
e-mail: mitinajana99@yandex.ru

Authors' contribution

D. S. Shchukin – formulation of the research idea, goals and objectives; creation and preparation of the manuscript; critical analysis.

Ya. S. Mitina – analyzing the literature on the research problem; structuring the text of the article.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 25.08.2025; revised 06.10.2025; accepted 10.10.2025.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА / THEORY AND HISTORY OF ART

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.159-175>
EDN: <https://elibrary.ru/ywwjxa>
УДК / UDC 7.041.53 Киякин

Автопортрет как переживание «я-для-себя» и «я-для-другого» в творчестве А. И. Киякина

Н. Ю. Лысова

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация
lysova-nu@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с необходимостью осмысливания современного художественного процесса в России в региональном аспекте. В статье рассматривается творческая индивидуальность саранского живописца и графика А. И. Киякина через призму автопортрета. Несмотря на признание заслуг А. И. Киякина и его статус заслуженного художника России, в современном искусствознании отсутствует целостный научный анализ серии его автопортретов. Автор выстраивает эти произведения в хронологически-содержательный ряд, наглядно демонстрирующий становление творческой личности и позиций мастера. Цель исследования – ввести в научный оборот серию автопортретов А. И. Киякина, вписав их в общий контекст отечественного искусства конца XX – первой четверти XXI в. и выявив типичные и индивидуальные черты становления личности современного российского художника.

Материалы и методы. Материалом исследования являются графические и живописные автопортреты А. И. Киякина. Используются методы искусствоведения (формальный, иконографический) и культурологии (культурологической

© Лысова Н. Ю., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

герменевтики). Исследование вписано в рамки концептуального осмысления феномена автопортрета, предложенного М. М. Бахтиным в понятийных категориях от «я-для-себя» до «я-для-другого».

Результаты исследования и их обсуждение. Автопортрет (образ художника, созданный им самим) – один из самых сложных и глубоких жанров в изобразительном искусстве. Погружение в его пространство (самого художника и зрителя, воспринимающего произведение) зависит от многих факторов, связанных с пониманием или разгадыванием смыслов, манифестируемых автором. Художники обращаются к жанру автопортрета, чтобы определить свое место в культуре. На разных этапах жизни они видят себя по-разному, меняющийся мир меняет и их мировоззрение. Мастер погружается в свои внутренние переживания, задумывается о своем предназначении, о природе собственного творчества, пытаясь найти в нем оптимально приемлемое соотношение субъективного и объективного. Автопортреты не занимают центрального места в творчестве А. И. Кияйкина, однако они помогают понять художника, его внутренние творческие установки и позиции, открыть особый строй его искусства. Анализируя автопортреты А. И. Кияйкина, автор делает вывод, что они логично вписываются в целостный ряд самоизображений представителей разных периодов развития отечественного искусства.

Заключение. Статья вводит в научный оборот значительную серию ранее неизвестных графических и живописных автопортретов А. И. Кияйкина. Эти произведения не только представляют собой важные факты его творческой биографии, но и раскрывают его гражданские позиции, помогают глубже осознать его творческий и человеческий потенциал. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение современного изобразительного искусства Мордовии и России в целом, в исследование автопортрета как жанра изобразительного искусства. Материалы статьи могут быть полезны искусствоведам, культурологам как при рассмотрении творчества А. И. Кияйкина, так и в процессе осмысливания современного этапа развития отечественной художественной культуры.

Ключевые слова: А. И. Кияйкин, искусство Мордовии, автопортрет, художественные границы осмысливания автопортретного образа, самосознание личности

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лысова Н. Ю. Автопортрет как переживание «я-для-себя» и «я-для-другого» в творчестве А. И. Кияйкина // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 159–175. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.159-175>

Self-Portrait as an Experience of “I-for-Myself” and “I-for-Another” in the Work of A. I. Kiyaikin

N. Yu. Lysova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
lysova-nu@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study stems from the need to understand the contemporary artistic process in Russia and in Mordovia. The article examines the work of A. I. Kiyaikin, a Saransk painter and graphic artist who passed away prematurely. It examines for the first time a series of his graphic and painted self-portraits, which

became known only after his death. The author arranges these works in a chronological and substantive sequence, clearly demonstrating the development of the artist's creative personality and position. The objective of this study is to introduce Kiyaikin's series of self-portraits into scholarly circulation, situating them within the general context of Russian art from the late 20th to the first quarter of the 21st century, and identifying typical and individual traits in the development of the personality of a contemporary Russian artist.

Materials and Methods. The study focuses on Kiyaikin's graphic and painted self-portraits. Art history (formal and iconographic) and cultural studies (cultural hermeneutics) methods are employed. The study is embedded within the framework of M. M. Bakhtin's conceptual understanding of the self-portrait phenomenon, ranging from "self-for-myself" to "self-for-others".

Results and Discussion. The self-portrait (the artist's self-created image) is one of the most complex and profound genres in the visual arts. Immersion in its space (that of the artist themselves and the viewer perceiving the work) depends on many factors related to understanding or deciphering the meanings expressed by the artist. Artists turn to the self-portrait genre to define their place in culture. At different stages of their lives, they see themselves differently, and a changing world alters their worldview. The artist immerses themselves in their inner experiences, reflecting on their purpose and the nature of their creativity, attempting to find the optimal balance between subjectivity and objectivity. Self-portraits do not occupy a central place in A. I. Kiyaikin's work; however, they help us understand the artist, his inner creative principles and positions, and discover the unique structure of his art. While analyzing A. I. Kiyaikin's self-portraits, the author concludes that they fit logically into a comprehensive series of self-images by artists from different periods in the development of Russian art.

Conclusion. This article introduces a significant series of previously unknown graphic and pictorial self-portraits by A. I. Kiyaikin to scholarly circulation. These works not only represent important facts about his creative biography but also reveal his civic positions and help us better understand his creative and human potential. This article contributes to the study of contemporary fine art in Mordovia and Russia as a whole, and to the exploration of self-portraiture as a genre of fine art. It may be useful to art historians and cultural scholars, in examining the work of A. I. Kiyaikin and in understanding the current stage of Russian artistic development.

Keywords: A. I. Kiyaikin, art in Mordovia, self-portrait, artistic boundaries of understanding the self-portrait image, self-awareness of the individual

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Lysova N.Yu. Self-Portrait as an Experience of "I-for-Myself" and "I-for-Another" in the Work of A. I. Kiyaikin. *Russian Journal of Bakhtin Studies.* 2025;7(2):159–175. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.159-175>

Введение

Автопортрет в отечественном изобразительном искусстве не имеет таких глубоких традиций, как в зарубежном. Впервые к нему обращаются художники петровской эпохи в первой четверти XVIII в. (А. Матвеев, «Автопортрет с женой»). Известный искусствовед Д. В. Сарабьянов в концептуальном исследовании, посвященном особенностям развития отечественного автопортрета, отмечает, что «одна из важнейших причин неразвитости автопортрета на раннем этапе истории новой русской живописи заключается в положении художника в общественной системе, в условиях его существования и в особенностях социального самочувствия. Русский живописец в XVIII веке –

как бы ремесленник, он несет на себе отпечаток средневековой концепции личности – корпоративной, не выявленной в индивидуальных устремлениях, далекой от идеи самовыражения» [1]. Личность человека не ассоциируется в культуре с индивидуальностью. Расцвет автопортрета, по мнению Сарабьянова, наступает в первой половине XIX в., в период романтизма. Он отмечает, что по портретам О. Кипренского, К. Брюллова и других живописцев можно составить представление «о тогдашнем понимании человека и о самом этом человеке» [1].

Второй расцвет русского автопортрета совпадает с эпохой рубежа XIX–XX столетий. Искусствовед объясняет это тем, что «на большом поле истории живописи русский автопортрет располагается своеобразными оазисами», а его развитие характеризуется «скачкообразным движением» [1]. Особенно ценным в свете изучения исследований о развитии автопортрета в отечественном искусстве представляется концептуальный вывод Д. В. Сарабьянова о содержательном наполнении самоизображения художника. Он пишет: «О чем же можно судить по автопортрету? О многом – о месте художника в жизни, о его позиции, роли в обществе, о его надежде и мечте, о его намерениях, социальном самочувствии, о том, как понимала та или иная эпоха сущность и назначение искусства, и о многом другом. В этом отношении автопортрет – счастливый случай, дающий повод для серьезных выводов» [1]. Этот вывод звучит актуально и для современного искусства. Обращаясь к типологии автопортретного жанра, Д. В. Сарабьянов выделяет два типа образного решения самоизображения – экзистенциальный и имперсональный. Первый связан с душевным погружением в образ, второй, наоборот, отчужден от него и призван фиксировать внешние черты облика художника. В творческом наследии А. И. Кияйкина есть оба типа автопортретов.

Целью исследования является введение в научный оборот серии автопортретов А. И. Кияйкина посредством их контекстуализации в рамках отечественного искусства конца XX – первой четверти XXI в. и выявления соотношения типичных и индивидуально-авторских черт в процессе становления личности современного российского художника.

Понимание автопортрета как особого жанра изобразительного искусства складывается в глубокую культурологическую концепцию в исследовании О. А. Кривцун. Известный исследователь считает, что достоинствами автопортрета всегда оказываются «не владение мастерством, не виртуозная техника, а эмоционально-интеллектуальные накопления внутри художника» [2].

Следует отметить, что автопортрет занимал особое место в творчестве скульптора-мордвина С. Д. Эрьзи, что подчеркивалось исследователями [3; 4].

Современная массовая культура практически отрицает ценность человеческой личности, индивидуума. Меняется художественный язык, классические представления о природе творчества уходят в прошлое. Пытаясь выразить себя и собственное видение мира, современный художник, вовлеченный в процессы глобализации, начинает отрицать традицию и ищет новые пути¹. Тем не менее в первой четверти XXI в. жанр автопортрета остается востребованным в искусстве и привлекает внимание исследователей [5; 6]. Так, А. В. Медвецкий в статье, посвященной автопортрету в творчестве современных белорусских художников, делает совершенно правомерный вывод: «Жанр автопортрета, меняясь и эволюционируя в соответствии со сменой исторических эпох, продолжает выполнять свою главную задачу – отображать не только

¹ Автопортрет и портрет художника. Живопись, рисунок, скульптура XVIII–XXI вв. Альбом / авт.-сост. Н. М. Балакина, В.-И. Т. Богдан, Т. П. Бородина, Е. Н. Литовченко, П. И. Попова. СПб. : Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», «Лики России», 2009. 240 с.

внешнее сходство, но и раскрывать внутренний мир художника, его характер, осознание своего общественного предназначения» [5, с. 47].

Анатолий Иванович Кияйкин (1962–2024) – живописец, график, монументалист, педагог, член Союза художников России (1993) и Творческого союза художников России, заслуженный художник Мордовии (2008), заслуженный художник Российской Федерации (2015), лауреат Государственной премии Республики Мордовия (2003) и Главы республики Мордовия (2017) – окончил Саранское художественное училище (1982), Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова (1994). Мастер награжден серебряной (2011) и золотой (2022) медалями Российской академии художеств, золотой медалью Союза художников России «Духовность. Традиции. Мастерство» (2013), бронзовой (2013), серебряной (2014) и золотой (2017) медалями Творческого союза художников России. Произведения художника хранятся в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи (далее – МРМИИ), в частных коллекциях в России и за рубежом.

Творчество А. И. Кияйкина вписано в общий поступательный процесс развития искусства Мордовии и приходится на 1990-е гг. – первую четверть XXI столетия. Поэтому одна из задач нашего исследования – включение произведений мастера, в частности, его автопортретов в художественный контекст этого периода.

Серьезное исследование этого этапа предпринято искусствоведом Е. В. Голышенковой². Рассматривая особенности искусства Мордовии, она выделяет две основные тенденции, характеризующие и творчество А. И. Кияйкина. Во-первых, «привнесение в него определенных черт той или иной художественной атмосферы, в которой получали образование будущие мордовские художники: пензенская, чебоксарская, казанская, нижегородская, рязанская, харьковская, академические московская и ленинградская школы»³. Как известно, Кияйкин был представителем московской академической школы. Во-вторых, Голышенкова отмечает, что «отличительной чертой творчества художников Мордовии является сопряжение национального и общечеловеческого, диалог культур»⁴ и совершенно правомерно приводит имя Кияйкина в подтверждение своей мысли. Однако, обращаясь к презентации автопортрета, исследователь не называет имени Кияйкина. Очевидно, это связано с тем, что автопортреты художника не были известны до недавнего времени не только широкому зрителю, но и профессиональным искусствоведам, занимающимся изобразительным искусством республики.

Искусство Мордовии рубежа ХХ–XXI вв. привлекало внимание искусствоведа Е. В. Бутровой, которая попыталась разобраться в насущных проблемах творчества молодых художников этого периода (влияние общественной ситуации на художественный процесс, мировоззренческие концепции, стилистические и содержательные изменения в творчестве). Она констатировала, что молодые авторы рубежного этапа «стали глубже осознавать не только свою роль в многоликом и многослойном современном обществе, но и собственную творческую индивидуальность»⁵. Это, безусловно, напрямую касается и творчества А. И. Кияйкина. Художник не изменял традициям реалистической стилистики, однако проявил себя в наиболее актуальном жанре 1990-х гг. – социальной картине («Евгений Петрович», 1996), создав философский образ человека, отвергнутого обществом, «бомжа». Имя Кияйкина упоминается в статье еще дважды: в связи с его стремлением «к возрождению классических форм»

² Голышенкова Е. В. Духовное и национальное: современное искусство Мордовии // 70 лет Союзу художников Республики Мордовии. Саранск, 2007. С. 34–42.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Бутрова Е. В. Вступительная статья // Искусство Мордовии конца ХХ – начала ХХI века: новые пути. Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 2004. С. 6–15.

и стилистики в полотне «Пора спелых вишен. Мокшанки» (2004) и в концептуальном выводе о соответствии его творчества «динамике современного художественного сознания»⁶. Автопортреты художника автором статьи не упоминаются.

Главным исследователем творчества А. И. Кияйкина является культуролог О. Г. Беломоева. В своих публикациях она не только выстроила и зафиксировала хронологические этапы его творческой биографии, путь становления и развития, но и проанализировала его наиболее значимые произведения, вписав их в контексты искусства Мордовии и России в целом [7–9]. Это трехчастная графическая композиция «Победа. Не в силе Бог, но в правде. Псков. 1242 год. 5 апреля» (2003 г.), живописное полотно «Пора спелых вишен. Мокшанки» (2004 г.), «Ферапонтово. Никонов крест» (2011), «Мокшанка из деревни Красновка», больше известный как «Портрет матери» (2002), графический триптих «Звуки моей Родины» (2002) и др. Беломоева, осознавая ценность этих произведений для искусства начала XXI столетия, делает совершенно правомерный вывод: «Эти работы..., обогащенные универсальными, общезначимыми представлениями, выявили масштаб мышления художника, его ценностно-смысловые доминанты, свидетельствующие о мощном духовном потенциале современного искусства, его способности отразить созидательные умонастроения нашего времени» [7, с. 88]. Однако она также не уделяет внимание автопортретам Кияйкина.

Таким образом, можно сделать вывод, что в искусствознании и культурологии Мордовии автопортреты А. И. Кияйкина до сегодняшнего дня не были известны и не изучались. Однако данный жанр изобразительного искусства обладает незаменимой информацией о художнике как о творческой личности и как о человеке в целом, а также о культуре определенной эпохи. Поэтому автор данной статьи взял на себя смелость обратиться к подробному искусствоведческому анализу автопортретов Кияйкина.

Образ художника, созданный им самим, иначе говоря, автопортрет – один из самых сложных и глубоких жанров в изобразительном искусстве. Погружение в его пространство как самого художника, так и воспринимающего созданное им самоизображение, зависит от многих факторов, связанных с пониманием или разгадыванием смыслов, манифестируемых автором. Одна из первоначальных точек соприкосновения художника со зрителем кроется в поисках сходства. Для воспринимающего, как правило, оно первостепенно; для художника визуальная фиксация внешности является само собой разумеющейся. Чаще всего он хочет проникнуть глубже, раскрыв свое «я» не столько «для другого», сколько «для себя».

М. М. Бахтин определил автопортрет не традиционно, но философски глубоко – «мой образ меня самого» и отметил возможные художественные границы его осмысливания: от «примитивного самоощущения» до «сложного самосознания» [10, с. 379]. Мы опираемся на понимание феномена автопортрета Бахтиным, который считал: для того чтобы найти «представление о самом себе, о своем я в своем целом» [10, с. 379], художник должен зафиксировать «отражение себя в эмпирическом другом, через которого надо пройти, чтобы выйти к я-для-себя» [10, с. 396].

Материалы и методы

Материалом исследования являются графические и живописные автопортреты А. И. Кияйкина, выполненные в разные годы жизни: в возрасте от тринадцати до сорока лет. Все они после смерти автора хранятся в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи. 8 из них выполнены в техниках оригинального рисунка (карандаш, сангина), 3 написаны маслом, 2 графических самоизображения совмещены с героическими персонажами больших исторических

⁶ Там же.

композиций, последний автопортрет введен в центральную часть графического триптиха «Звуки моей Родины». Автор использует методы искусствоведческого анализа (формальный, иконографический), позволяющие рассмотреть особенности художественной манеры мастера, композицию каждого произведения, его образную выразительность, зафиксировать сходство с моделью, а также к методу культурологической герменевтики, помогающему осмыслить самоизображение как оригинальный художественный текст.

Результаты исследования и их обсуждение

Автопортрет никогда не занимал центрального места в творчестве А. И. Кияйкина. Однако мастер не избежал увлечения этим жанром, стремясь постичь на разных этапах профессионального становления его специфические черты и смыслосодержательные возможности. Многие из автопортретов художника никогда не выставлялись и не показывались широкому зрителю. Достаточно известен был лишь один из них, написанный в 1993 г. Бережно сохраненные художником и обнаруженные в его мастерской после его ухода из жизни, автопортретные образы представляют особый интерес, выстраиваясь теперь в правдивый рассказ художника о самом себе «для другого».

Первая попытка А. И. Кияйкина запечатлеть свое лицо относится к 1975 г. – к периоду его ученичества в детской художественной школе № 1 г. Саранска. На карандашном рисунке – влюбленный в искусство тринадцатилетний мальчишка, один из лучших учеников замечательных художников-педагогов Л. С. Шаниной, Е. А. Ноздрина, В. И. Петряшова. Анфасное изображение, оставленное юным художником на небольшом ватманском листе, удивляет твердостью руки и меткостью глаза: точно зафиксированы черты лица, серьезный взгляд, прически, намечен ворот рубашки. Легкие тени мягко формируют объем головы отрока, четкий контур фиксирует ее овал. Однако несколько скованная погрудная композиция, при безусловности достигнутого сходства, характеризует изображение как скопированное с фотографии. Очевидно, это была лишь «проба пера», знакомство со своим обликом, подробная фиксация индивидуальных черт, стремление достичь эффекта узнаваемости.

Классический метод работы художника над автопортретом при помощи зеркала, позволяющий внимательно всматриваться в собственные черты, будет опробован А. И. Кияйкиным позже, во время учебы в Саранском художественном училище. Сохранилось два изображения «себя самого», выполненных им в последние училищные годы.

Карандашный автопортрет, композиционно сосредоточенный на лице и датированный 1981 г., выдает свободную руку отлично постигшего рисовальное ремесло молодого художника. Карандашные штрихи легко «лепят» форму головы, фиксируют индивидуальные черты лица: высокий лоб, чуть прикрытый короткой челкой, прямую линию бровей и глубоко посаженные глаза, прямой нос, пухлые, выразительно-го абриса губы и упрямый юношеский подбородок, позволяя достичь практически идеального сходства. Однако в этой мастерски выполненной штудии заложено и другое – психологическое постижение своей натуры. Известно, что А. И. Кияйкин уже тогда готовился всецело посвятить себя искусству, интуитивно чувствуя, что путь не будет легким. Вероятно, поэтому серьезный взгляд юноши направлен не столько вовне, сколько вглубь себя. Выдаёт решительный настрой и композиция в резком трехчетвертном повороте головы, и уверенное выражение красивого лица.

Второй автопортрет училищного периода, выполненный в ноябре 1982 г., представляет собой кратковременный учебный набросок. Задача, стоявшая перед художником – быстрая фиксация облика – решена вполне. Минимализм технических приемов –

выверенная линия контура анфасного изображения и быстрая разреженная штриховка – придают карандашному портрету объем и выделяют особенности внешности, делая модель узнаваемой.

Окончив с отличием училище, молодой художник был призван на срочную службу в армию. Сохранился карандашный набросок этого периода (1984), на котором А. И. Кияйкин изобразил себя в традиционной для того времени солдатской форме: в пилотке со звездочкой, в гимнастерке. Примечательно, что автопортрет выполнен на мягкой желтоватой обложке периодического журнала Общества «Знание», однако ее дизайн (шрифт, рамка, цвет) не мешают восприятию образа. Анфасное изображение, вписанное в прямоугольный вертикальный формат, презентует повзрослевшего молодого человека: в уголках его губ затаилась легкая улыбка, печальные глаза смотрят из-под густых бровей как будто в самого себя. Очевидное умение передавать внешнее сходство перерастает в этом наброске в попытку почувствовать и визуализировать собственное эмоциональное состояние, открывая своеобразный выход на иной смысловой уровень образного постижения, названный М. М. Бахтиным «я-для-себя». Задачи, связанные с более глубоким погружением в собственный мир, Кияйкин будет решать в живописных автопортретах, однако графические автопортреты-наброски будут появляться в творчестве молодого художника и позже, в студенческие годы, проведенные в стенах института им. В. И. Сурикова в Москве.

Особенный интерес вызывает автопортрет 1986 г., стоящий в раннем творчестве А. И. Кияйкина особняком и, очевидно, навеянный линейными рисунками А. Матисса. Он покоряет аристизмом исполнения, выразительностью и тонкостью минималистичного образного решения. Художник сумел одной волнообразной линией, кажущейся практически непрерывной, наметить свой профиль, пряди волос, шею с чуть выступающим кадыком и охватывающий ее мягкий ворот пулlovera. Впервые Кияйкин не изучает свое лицо, но, досконально зная его особенности, позволяет себе, кажется, интуитивно оставить на белом листе бумаги своеобразный художественный росчерк-автограф. Отобранные и выверенные визуальные особенности освобождают рисунок от «буквальной правдивости», гармонично складываясь в образ-ощущение самого себя.

На разных этапах своей жизни художники видят себя по-разному. Три графических автопортрета А. И. Кияйкина, выполненные в разных техниках оригинального рисунка в 1989 – 1990 гг., относятся к периоду обучения в сурковском институте. Только один из них (1989, сангина) полностью завершен, о чем свидетельствуют композиционная выверенность и подпись автора в правом нижнем углу листа. Несомненно, он был доволен этой работой и бережно хранил ее. Впервые в реконструируемой серии автопортретов Кияйкин продемонстрировал новую технику штриховки и образцовое владение рисовальным мастерством. Параллельные штрихи, с разной плотностью ложащиеся на лист, тонально моделируют облик красивого молодого человека с правильными чертами лица. Сравнивая два автопортрета Кияйкина – училищный (1981) и институтский (1989), можно констатировать черты сходства и различия как в художественном ремесле, так и в восприятии автором себя самого. И в том, и в другом случае высокий уровень мастерства вызывает восхищение. Сам Анатолий Иванович любил рисунок не только как основу творчества, но и как технику, при всем минимализме ее выразительных черт способствующую поиску оригинальных образных решений. И в раннем, и в более позднем автопортретах эти поиски очевидны. Ключевой смысл их кроется в рационалистически-чувственном постижении своей натуры, того «серьеза», которым всегда отмечен облик художника и за которым стоит отношение к профессии, жизни, творчеству, сопровождающее Кияйкина на протяжении всего земного пути.

Два автопортретных наброска, выполненных в 1989 и 1990 гг., завершают серию графических самоизображений А. И. Кияйкина. Обе визуальные интерпретации не закончены автором и выполнены в мокрых техниках оригинального рисунка, соответственно в соусе и акварели. Первый этюд воспринимается как своеобразная фиксация некой идеи для будущего большого произведения: Анатолий Иванович изобразил себя, вероятно, у мольберта. На его фоне серьезное, как всегда, лицо автора, обрамленное волной длинных волос, кажется еще более замкнутым (рис. 1). На втором зафиксировано лишь лицо художника, воспринимающееся как маска – узнаваемый образный знак с характерным отстраненным, погруженным в себя выражением (рис. 2).

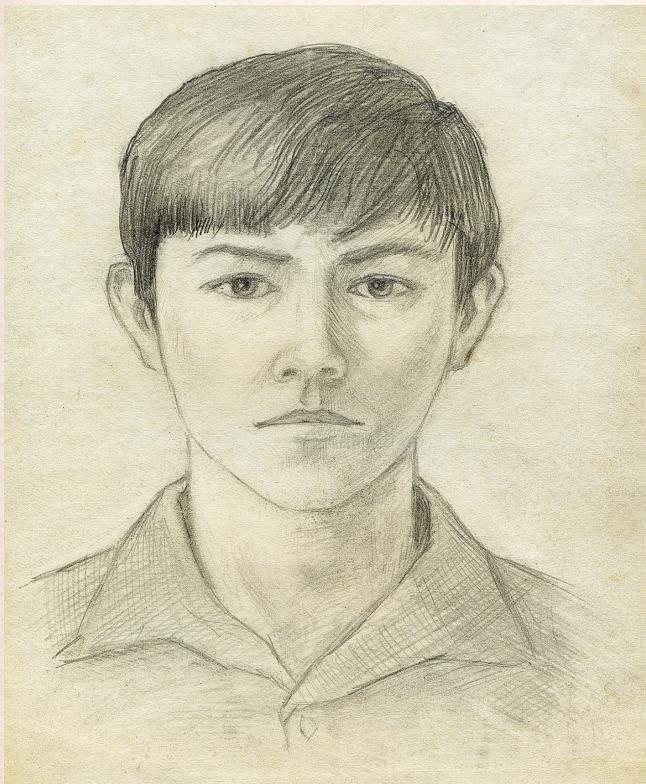

Рис. 1. А. И. Кияйкин. Автопортрет. 1975.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

Fig. 1. A. I. Kiyaikin. Self-portrait. 1975.
Mordovia Republican Museum
of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

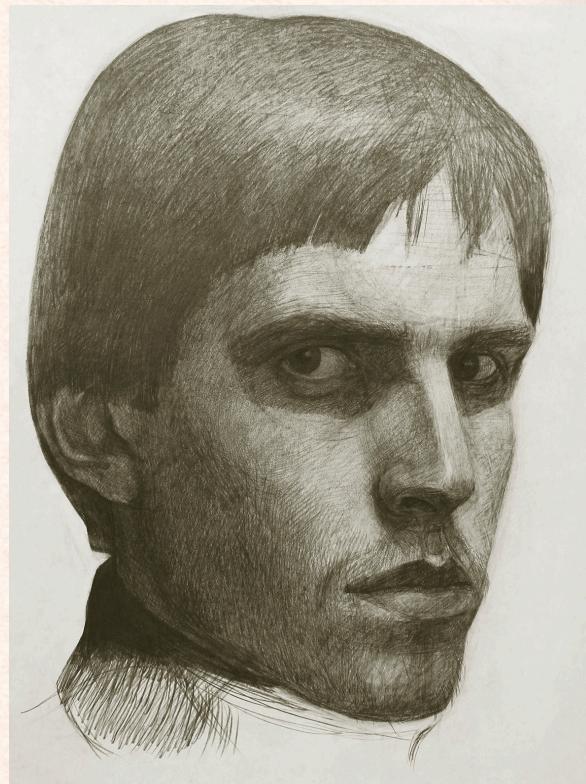
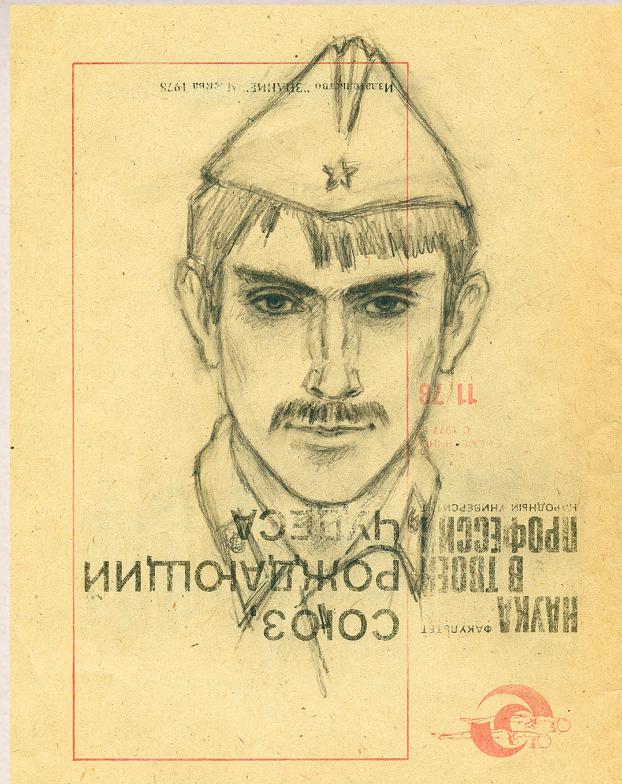

Рис. 2. А. И. Кияйкин. Автопортрет. 1981.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

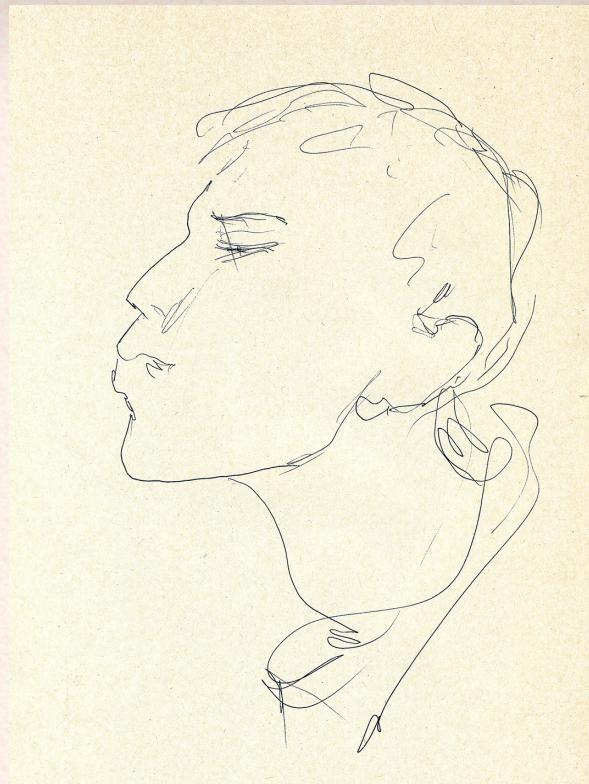
Fig. 2. A. I. Kiyaikin. Self-portrait. 1981.
Mordovia Republican Museum
of Fine Arts named after S. D. Erzia

Очевидно, что все рассмотренные графические автопортреты Кияйкина выполнены в то время, когда художник был еще в начале творческого пути, в периоды учебы в Саранском художественном училище и в институте имени В. И. Сурикова. Небольшие по размерам «быстрые рисунки» или длительные штудии практически лишены аксессуаров, аскетичны по средствам выразительности. Композиции фокусируют внимание на лице молодого человека и решают в первую очередь задачу внешнего сходства (рис. 3–5). Однако умение передать визуальное сходство – не единственная поставленная в них цель. Непроизвольно при изучении своего облика в автопортретном изображении проявлялись и те чувства, которые художник испытывал по отношению к самому себе. Кияйкин пытался запечатлеть в молодом выразительном лице основополагающие черты своего характера, твердость и несгибаемость своей натуры.

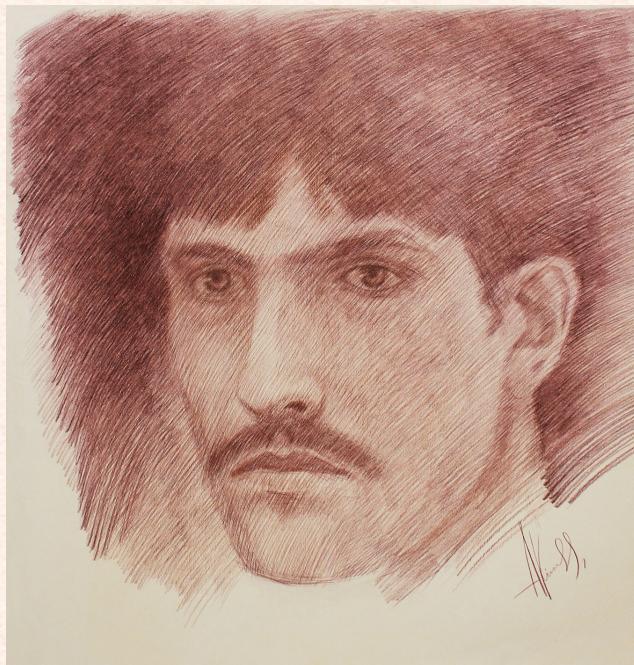
Р и с. 3. А. И. Киякин. Автопортрет. 1984.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

F i g. 3. A. I. Kiyakin. Self-portrait. 1984.
Mordovia Republican Museum
of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

Р и с. 4. А. И. Киякин. Автопортрет. 1986.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

F i g. 4. A. I. Kiyakin. Self-portrait. 1986.
Mordovia Republican Museum
of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

Р и с. 5. А. И. Киякин. Автопортрет. 1989. МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

F i g. 5. A. I. Kiyakin. Self-portrait. 1989. Mordovia Republican Museum
of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

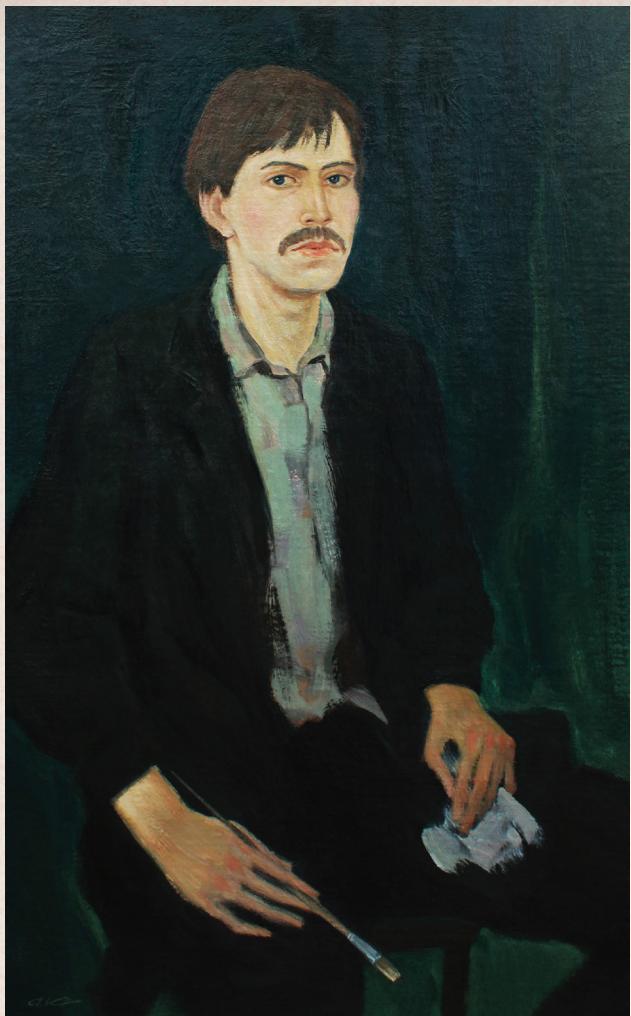

Рис. 6. А. И. Киякин. Автопортрет. 1985.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

Fig. 6. A. I. Kiyaikin. Self-portrait. 1985.
Mordovia Republican Museum
of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

Вторая серия автопортретов А. И. Киякина – живописная. Она состоит всего из трех произведений, написанных в восьмилетний хронологический интервал с 1985 по 1993 гг. На самом раннем из них (1985) Киякин изобразил себя спокойно сидящим на стуле перед мольбертом (рис. 6). Это так называемый тип профессионального автопортрета. Несмотря на то, что приметы художнического пространства малочисленны (темно-бирюзовая драпировка за спиной живописца), а профессиональные «атрибуты искусства» (кисть и тряпка для ее чистки) вложены в руки человека, можно рассматривать данный автопортрет как один из мотивов известной в истории искусства темы «Художник в мастерской». Очевидно, что Киякин изобразил себя в своем любимом пространстве, которое помогает ему сосредоточиться и одновременно раскрыться в работе над реализацией творческого замысла. Мы видим все того же, что и в графических автопортретах, молодого художника, с тем же серьезным выражением лица и взглядом, направленным одновременно на зрителя и внутрь себя. Однако это уже не набросок или рисовальная штудия, но целостный художественный образ, в котором живописец пытается выявить самую суть переживаний «я-для-себя» и «я-для-другого».

Продолжением темы «Художник в мастерской» в раннем творчестве

одной глубоко разрабатываемой в европейском и отечественном изобразительном искусстве темы – «Художник и модель» (рис. 7). В 1992 г. он написал картину с одноименным названием, в которой на первом плане представил поколенное изображение обнаженной натурщицы. Ее прекрасное молодое тело светится на фоне «полыхающей» оранжевой драпировки. Почти соприкасаясь с моделью, слева и чуть впереди нее стоит раскрытый этюдник с рабочей палитрой, красками, кистями и мастихином. Позади этюдника стоит синий венский стул с собранным на нем натюрмортом – параллельная работа художника. В верхнем правом углу композиционный круг замыкается небольшим овальным зеркалом, висящим на стене. В нем видно отражение работающего над картиной художника – его автопортрет. Он изобразил себя стоящим за мольбертом и увлеченно погруженным в работу. Его взгляд впервые спрятан за стеклами очков, что позволяет мастеру отстраниться от буквального толкования сюжета и раскрыть его возможную символику. Очевидна полижанровость картины. Автор объединяет изображение ню с натюрмортами, размещая «атрибуты искусства» на первом плане, делая их столь же важными персонажами

в интерьере мастерской, как и саму обнаженную модель. «Человек у зеркала» или скромный по размерам автопортрет (словно цитата из «Менин» Д. Веласкеса), объясняет самую суть произведения. Созданное Кияйкиным единое художественное пространство функционирует как сложная форма автопортрета, раскрывающая не только субъективную идентичность автора, но и его рефлексию над ролью художника в диалоге со зрителем.

Рис. 7. А. И. Кияйкин. Художник и модель. 1992.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

Fig. 7. A. I. Kiyaikin. Artist and Model. 1992.
Mordovia Republican Museum of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

Последний живописный автопортрет А. И. Кияйкина (1993) наиболее известен. Художник назвал его просто – «Автопортрет на синем», создав на небольшом по размерам холсте самый во всех смыслах полнозвучный и проникновенный образ человека-творца – как он его тогда понимал (рис. 8). Возникновение замысла данного автопортрета знаково совпадает с ключевым этапом в биографии мастера – последним годом обучения в Суриковском институте и вступлением в Союз художников России. Этот период маркирует окончательное профессиональное и личностное самоопределение художника, кристаллизацию его внутренней позиции и осознание своего творческого предназначения. В работе художник избирает себя в качестве модели. Он словно любуется красотой своего лица, подчеркивая синеву глаз и яркость губ, «укладывая» вокруг лица каштановые пряди волос, оттеняющие свежесть и румянец кожи. Эффектна экспрессивная композиция автопортрета – плечи развернуты по диагонали, изображение головы дано в резком трехчетвертном повороте вправо. Особое внимание живописец уделил фону. Мажорно звучит сложный аккорд холодных

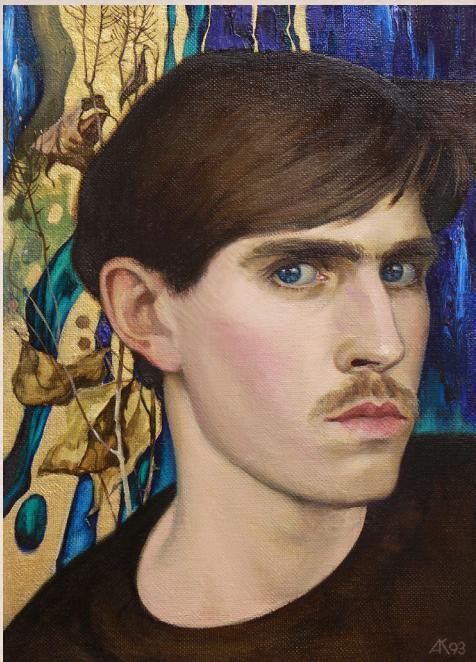

Рис. 8. А. И. Киякин.
Автопортрет на синем. 1993.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

Fig. 8. A. I. Kiyaikin.
Self-portrait on blue. 1993.
Mordovia Republican Museum
of Fine Arts named after S. D. Erzia,
Saransk

ваемую внешность содержательной в своих новых творческих работах.

Первой из таких композиций стал графический эскиз к его дипломной работе (сангина, уголь, 1993), посвященный одной из известных героических тем отечественной истории – Ледовому побоищу (рис. 9). Впервые он демонстрировался на посмертной выставке А. И. Киякина в МРМИИ им. С. Д. Эрьзи в мае – июле 2025 г. В огромной многофигурной композиции можно найти и автопортретный образ автора. Это молодой воин со щитом в левой руке, вскинувший вверх правую руку, словно призывающий ратников к праведному бою. На одной из более ранних композиций (1991) сюжетно связанной с подвигом Александра Невского, Киякин перевоплотился в сурового мужественного воина с вынутым из ножен мечом, держащим прямо перед собой тяжелый щит с выгравированным изображением фантастического зверя на его лицевой поверхности. Найденный и запечатленный образ с узнаваемым лицом художника поражает мощным эмоциональным наполнением. Чувственный накал, пропускающий в знакомых чертах средневекового рыцаря, соответствует чертам его характера: решительности в достижении поставленных творческих целей, верности и преданности раз избранному в жизни пути.

Впоследствии дипломный эскиз был переработан и перерос в монументальную трехчастную графическую композицию «Победа. Не в силе Бог, но в правде. Псков. 1242 год. 5 апреля» (2004) (рис. 10). Очевидно, что образ стоящего в правой части триптиха за митрополитом Псковским воина со склоненной головой – это автопортрет художника: мы узнаем его лицо, прическу, фигуру. Почему А. И. Киякин решил «отдать» свою внешность данным персонажам, неизвестно. Однако, зная гражданскую позицию художника,

оттенков синего и теплых солнечных желто-бежевых цветовых «нот». Колористическая органика фона, характерная для стиля модерн, задает настрой всему произведению. В обаятельном образе живописца прочитывается глубоко чувствующий человек с мятежной душой романтика, юношеской категоричностью и в то же время обладающий духовной зрелостью. В этом изображении «самого себя» Киякин впервые открылся, доверился зрителю, осознав свое предназначение как значимость «я-для-другого».

Думается, что «Автопортрет на синем» А. И. Киякина можно органично ввести в уже сложившийся ряд самоизображений молодых художников – представителей разных этапов развития отечественного искусства, ищащих вечные координаты начинающегося самостоятельного творческого пути. Достаточно вспомнить автопортреты О. А. Кипренского (1808), И. К. Макарова (конец 1830 – начало 1840-х), В. И. Сурикова (1879), И. И. Бродского (1904) и др.

Последний живописный автопортрет А. И. Киякина был написан, когда художнику исполнился всего 31 год. Больше в традиционной форме этого жанра изобразительного искусства он не работал. Но интерес к своему облику его не покинет, художник будет пользоваться им иначе, наполняя узнаваемой характеристикой персонажных образов в своих

Рис. 9. А. И. Киякин. Центральная часть триптиха «Не в силе Бог, но в правде». 2004. МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

Fig. 9. A. I. Kiyaikin. Central part of the triptych "God is not in Power, but in Truth". 2004. Mordovia Republican Museum of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

Рис. 10. А. И. Киякин. Правая часть триптиха «Не в силе Бог, но в правде». 2004. МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

Fig. 10. A. I. Kiyaikin. Right part of the triptych "God is not in Power, but in Truth". 2004. Mordovia Republican Museum of Fine Arts named after S. D. Erzia, Saransk

его отношение к культурной памяти Отечества и его героической истории, его интерес к самому сюжету, можно предположить, что автор испытывал искреннее уважение к русским людям далекого времени. Образное перевоплощение в таком случае можно расценить как духовную награду художника, присужденную им самому себе.

Последняя работа в автопортретном ряду А. И. Киякина выполнена в 2002 г. Это графический триптих «Звуки моей Родины» – посвящение родной и горячо любимой Мордовии. В центральной части триптиха он изобразил празднование свадьбы в мокшанской деревне. На фоне ее неказистых архитектурных примет – деревянной избы с разваливающимися воротами и частоколом вокруг, банькой под соломенной крышей – художник собрал и объединил мордовской пляской под музыку гармошек веселящихся жителей. Создается впечатление, что все они – его хорошие знакомые: каждый образ индивидуален, портретен. Все женщины одеты в праздничные мордовские наряды. Художник специально развернул спиной к зрителю двух пляшущих мордовок, акцентируя красоту народного костюма, его конструктивные и декоративные детали. На первом плане Киякин изобразил самого близкого для него человека – свою маму, Марию Петровну. В нарядном мокшанском костюме, собственно ручно вышитом ею в молодости (художник любил рассказывать об этом), она отбивает ритм народного танца небольшим шумовым инструментом. Образ матери окрашен особой лирикой: она существует в подвижном ритме общего танца и в то же время – сама по себе. Вглядываясь вдаль, женщина словно замкнута своим материнским чувством,

Рис. 11. А. И. Кияйкин. Центральная часть триптиха «Звуки моей Родины». 2002.
МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, г. Саранск

Fig. 11. A. I. Kiyaikin. Central part of the triptych
“Sounds of My Homeland”. 2002.
Mordovia Republican Museum of Fine Arts
named after S. D. Erzia, Saransk

своей думой. Черты ее лица, озаренного мягкой улыбкой, повторяются в чертах ее сына – Анатолия Ивановича Кияйкина.

Художник изобразил себя в последнем ряду веселящихся родственников – строго на одной оси с фигурой матери. Их образная душевная перекличка очевидна. Мать чувствует присутствие сына, художник наблюдает за происходящим. Его сразу узнаваемое лицо отстранено от шумного веселья, он, как всегда, серьезен и задумчив, одет в повседневную одежду. Тем не менее образ художника не выпадает из сочиненной им сюжетной композиции. В представленном контексте его роль воспринимается как главная. Он – Автор, наблюдающий за рожденным им действом, прошедший в творческом осмысливании тернистый путь от самоощущения «я-для-себя» до самосознания «я-для-другого». Но, следуя мысли М. М. Бахтина, круг должен замкнуться: художник, лишь тогда способен выйти к «я-для-себя», когда найдет «отражение себя в эмпирическом другом» [10]. Думается, что А. И. Кияйкину удалось это сделать вполне.

Заключение

Неизвестно, задумывался ли А. И. Кияйкин о создании автопортретов в дальнейшем, в зрелый период жизни. Его последние самоизображения выполнены в 40–42-летнем возрасте. Вероятно, осознав свое предназначение и творческие возможности, художник ставил перед собой иные, более высокие цели, намереваясь работать в жанре исторической живописи и завершить живописный цикл, посвященный патриарху Никону. Однако, вне сомнения, созданная им автопортретная галерея расширяет наше представление о личности замечательного мастера и понимание его творческого и человеческого потенциала.

Статья вносит вклад в изучение творчества заслуженного художника России А. И. Кияйкина, искусства Мордовии и в целом искусства России конца XX – первой четверти XXI в. Ее материалы могут быть полезны в работе искусствоведов, изучающих его работы, а также современное изобразительное искусство Мордовии и России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сарабьянов Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М. : Искусствознание, 1998. 432 с. URL: <https://independent-academy.net/science/library/sarabjanov/index.html> (дата обращения: 13.08.2025).

2. Кривцун О. А. Художник. Феномен зеркала // Человек. 2018. № 3. С. 57–67. <https://doi.org/10.7868/S0236200718030045>
3. Клюева И. В. Самопрезентация в автопортретах С. Эрьзи: миф и исповедь // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова. Материалы международной конференции. СПб. : Санкт-Петербургское отделение Института человека РАН, 1997. С. 104–109. <https://elibrary.ru/yolwbr>
4. Клюева И. В., Лысова Н. Ю. Границы скульптурной вселенной: произведения Степана Эрьзи в музеях Саранска : моногр. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 292 с. <https://elibrary.ru/paqrgk>
5. Медвецкий А. В. Автопортрет как форма самопознания личности художника // Искусство и культура. 2012. № 1 (5). С. 42–47. <https://elibrary.ru/soanef>
6. Кейран В. В. Теоретическое выражение автопортрета в современном отечественном искусстве // Культура и искусство. 2025. № 2. С. 39–54. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2025.2.73280>
7. Беломоева О. Г. Анатолий Кияйкин: универсальные ценности в контексте творчества художника // Центр и периферия: науч.-публ. альманах. Саранск : НИИГН при Правительстве РМ. 2007. С. 88–92.
8. Беломоева О. Г. Духовные ориентиры творчества Анатолия Кияйкина // Финно-угорский мир. 2014. № 2. С. 66–70. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2014/2/66-70.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).
9. Беломоева О. Г. Рефлексия феномена «память» в творчестве Анатолия Кияйкина // Концептосфера современной культуры : моногр. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019. С. 131–142. <https://elibrary.ru/xkzjsx>
10. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. С. 371–431.

REFERENCES

1. Sarabyanov D.V. [Russian Painting. Awakening of Memory]. Moscow: Iskusstvoznanie; 1998. (In Russ.) Available at: <https://independent-academy.net/science/library/sarabjanov/index.html> (accessed 13.08.2025).
2. Krivtsun O.A. [Artist. The Phenomenon of the Mirror]. *Chelovek*. 2018;(3):57–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0236200718030045>
3. Klyueva I.V. [Self-Presentation in S. Erzia's Self-Portraits: Myth and Confession]. In: [The Metaphysics of Confession. Space and Time of the Confessional Word. Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg: St. Petersburg Branch of the Institute of Man, Russian Academy of Sciences; 1997. p. 104–109. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yolwbr>
4. Klyueva I.V., Lysova N.Yu. [Facets of the Sculptural Universe: Stepan Erzia's Works in Saransk Museums: Monograph]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta; 2008. (In Russ.) <https://elibrary.ru/paqrgk>
5. Medvetsky A.V. Self-Portrait as a Form of Self-Identity of the Artist. 2012;(1):42–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/soanef>
6. Keiran V.V. [Theoretical Expression of Self-Portrait in Contemporary Russian Art History]. *Kultura i Iskusstvo*. 2025;(2):39–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2025.2.73280>
7. Belomoeva O.G. [Anatoly Kiyaykin: Universal Values in the Context of the Artist's Creativity]. *Center and Periphery: Scientific and Public Almanac*. Saransk: Research Institute of Humanitarian sciences under the Government of the Republic of Mordovia; 2007. p. 88–92.
8. Belomoeva O.G. Spiritual References in the Works of Anatoly Kiyaykin. *Finno-Ugric World*. 2014;(2):66–70. Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2014/2/66-70.pdf> (accessed 13.08.2025).
9. Belomoeva O.G. [Reflection of the Phenomenon of “Memory” in the Works of Anatoly Kiyaykin]. In: [Conceptosphere of Contemporary Culture: monograph]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta; 2019. p. 131–142. <https://elibrary.ru/xkzjsx>
10. Bakhtin M.M. [Working Notes from the 1960s – Early 1970s]. In: Bakhtin M. M. [Collected Works]. In 7 vol. Vol. 6. “Problems of Dostoevsky’s Poetics”, 1963. Works from the 1960s – 1970s. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kultury; 2002. p. 371–431.

Об авторе

Лысова Надежда Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры архитектуры и дизайна Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2406-3925>,

SPIN-код: 8065-7709,

e-mail: lysova-nu@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.08.2025; одобрена после рецензирования 19.09.2025; принята к публикации 23.09.2025.

About the author

Nadezhda Yu. Lysova, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Architecture and Design, National Research Mordovia State University (68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2406-3925>,

SPIN-code: 8065-7709,

e-mail: lysova-nu@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.08.2025; revised 19.09.2025; accepted 23.09.2025.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА / THEORY AND HISTORY OF ART

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.176-194>
EDN: <https://elibrary.ru/xiqvmb>
УДК / UDC 780.8:78.03

Альтовая школа М. Н. Тэриана в Московской консерватории: тенденции развития створческого потенциала

М. Д. Радзецкая

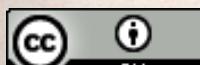
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация
rmd1999y4ndex.ru@yandex.ru

Аннотация

Введение. Несмотря на признание альтовой школы Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского как выдающегося явления, вклад многих ее ключевых фигур, сыгравших роль в ее становлении, остается недостаточно изученным, что создает пробел в целостном понимании истории отечественно-го музыкального исполнительства. 1920–1930-е гг. в истории альтовой школы – время активного созидания, отмеченное расширением профессорско-препода-вательского состава, ростом профессионального мастерства, формированием стилистики школы. В эти годы складывалась художественная индивидуальность многих ее исполнителей и педагогов. Цель исследования – выявить неизвестные факты биографии и творчества одного из выдающихся представителей альтовой школы – М. Н. Тэриана (1905–1987), охарактеризовать его вклад в ее развитие.

Материалы и методы. Материалом исследования являются документы из архива консерватории, связанные с именем М. Н. Тэриана: фрагменты его лично-го дела, нотные рукописи, зафиксировавшие его собственные композиторские опыты и посвященные ему произведения других авторов (Н. К. Чемберджи).

© Радзецкая М. Д., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все источники вводятся в научный оборот впервые. Работа выполнена по специальности теория и история культуры, искусства (искусствоведение). Автор использует историко-биографический метод, а также методологию музыкальной текстологии и источниковедения.

Результаты исследования и их обсуждение. Определены историко-культурные границы альтового исполнительства в отечественном музыкальном искусстве, жанровые и репертуарные особенности композиторского и исполнительского творчества, педагогического процесса и мастерства. Установлены профессиональные особенности альтовой школы Московской консерватории. Проанализированы характерные черты, связанные с объективным и субъективным профилями ее развития, культурным контекстом эпохи. Реконструированы особенности образовательного процесса довоенного времени и новые ориентиры, формирующие представление о творческой эволюции и создании альтового репертуара.

Заключение. Обращение к деятельности М. Н. Тэриана как соратника и единомышленника В. В. Борисовского чрезвычайно важно в процессе воспитания современного музыканта, позиционирующего инструмент (альт) широко и многогранно – в его неисчерпаемом духовном и звуковом разнообразии, концептуальной трактовке. Материалы, введенные в научный оборот в данной статье, являются ценной ресурсной базой для решения актуальных теоретических и практических задач, связанных с искусством альтового исполнительства. Они также могут быть важны для музыковедов, занимающихся исследованиями истории МГК и в целом истории отечественного музыкального искусства.

Ключевые слова: М. Н. Тэриан, альт, альтовая школа, Московская консерватория, Н. К. Чемберджи

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Радзецкая М. Д. Альтовая школа М. Н. Тэриана в Московской консерватории: тенденции развития сотовреческого потенциала // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 176–194. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.176-194>

The Alto School of M. N. Terian at the Moscow Conservatory: Trends in the Development of Creative Potential

M. D. Radzetskaya

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
rmd1999y4ndex.ru@yandex.ru

Abstract

Introduction. The Viola School of the Moscow State Tchaikovsky Conservatory, founded by V. V. Borisovsky, is a remarkable phenomenon in the history of Russian musical art, and is of undoubted scholarly interest. The 1920s and 1930s were a period of active development for the viola school, marked by an expansion of the faculty, growth in professional skill, and the development of its distinctive style. During these years, the artistic individuality of many of its performers and teachers was formed. The purpose of the article is to uncover unknown facts about the biography and creative work of one of the outstanding representatives of the viola school, M. N. Terian (1905–1987), and to characterize his contribution to its development.

Materials and Methods. The research material is based on documents from the Moscow Conservatory archives related to M. N. Terian: fragments of his personal file, musical manuscripts recording his own compositional experiments and works by other composers dedicated to him (N. K. Chamberdzhii). All sources are being introduced into scholarly circulation for the first time. The study is conducted within the framework of musical culturology. The author utilizes a historical and biographical method, as well as musical textual criticism and source study.

Results and Discussion. The historical and cultural boundaries of viola performance in Russian musical art are defined, along with genre and repertoire features of compositional and performance creativity, the pedagogical process, and mastery. The professional characteristics of the viola school at the Moscow Conservatory are established. The characteristic features associated with the objective and subjective profile of its development and the cultural context of the era are analyzed. The features of the pre-war educational process and new benchmarks shaping the understanding of the creative evolution and development of the viola repertoire are reconstructed.

Conclusion. Referring to the work of M. N. Terian as a comrade and like-minded collaborator of V. V. Borisovsky is extremely important in the development of a contemporary musician who embraces the instrument (the viola) in a broad and multifaceted manner – in its inexhaustible spiritual and sonic diversity and conceptual interpretation. The materials introduced into scholarly circulation in this article provide a valuable resource for addressing current theoretical and practical issues related to the art of viola performance. They may also be of importance to musicologists researching the history of the Moscow Conservatory and the history of Russian musical art in general.

Keywords: M. N. Terian, viola, viola school, Moscow Conservatory, N. K. Chamberji

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Radzetskaya M.D. The Alto School of M. N. Terian at the Moscow Conservatory: Trends in the Development of Creative Potential. *Russian Journal of Bakhtin Studies.* 2025;7(2):176–194. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.176-194>

Введение

Московская школа альтового исполнительства в 1920-х гг. проходила важный этап своего развития, связанного с преемственностью музыкальных поколений, с именами прославленных исполнителей, сделавших альт востребованным инструментом, ярко продемонстрировавших его возможности. Синтез академического и современного определил дальнейшие пути развития альта как музыкального инструмента, потребовавшие новой системы творческих координат. С именами соратников и единомышленников В. В. Борисовского связывается рождение новой традиции, определившей стилистику альтовой школы Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского (МГК).

Отечественная альтовая школа привлекает внимание современных исследователей: становление ее сольного репертуара в контексте художественных и тембровых особенностей инструмента, альтовые переложения, обработки, транскрипции рассматривали В. В. Климова [1] и А. В. Шевцова [2; 3], жанрово-стилистические особенности сонатной и концертной формы в отечественном альтовом искусстве второй половины XX – начала XXI в. – Г. Г. Косенко [4], С. А. Маршанский [5], Е. В. Стог [6; 7] и др. В некоторых из этих работ упоминается имя выдающегося представителя альтовой школы М. Н. Тэриана, однако специальных исследований, посвященных ему, нет.

Материалы и методы

Материалом исследования являются документы из архива МГК, связанные с именем М. Н. Тэриана: фрагменты его личного дела, нотные рукописи, зафиксировавшие его собственные композиторские опыты (Шесть этюдов для альта, оп. 1) и посвященные ему произведения других авторов (Сюита для альта с фортепиано оп. 4 Н. К. Чемберджи). Все источники вводятся в научный оборот впервые. Работа выполнена по специальности теория и история культуры, искусства (искусствоведение). Автор использует историко-биографический метод (рассматривая ранний период жизненного и творческого пути М. Т. Тэриана), а также методологию музыкальной текстологии и источниковедения (при изучении материалов из архива МГК).

Результаты исследования и их обсуждение

Михаил (Микаэл) Никитович (Никитич) Тэриан (Тэрьян) (1905–1987) – выдающийся представитель альтовой школы МГК: исполнитель, педагог, дирижер и композитор. Важными результатами его деятельности являются оригинальные сочинения, транскрипции, обработки и переложения, а также учебные пособия.

М. Н. Тэриан окончил Московскую государственную консерваторию в 1929 г. как скрипач (педагог – К. Г. Мострас). В архиве учебного заведения сохранилось датированное 22 июля 1919 г. прошение его матери – В. К. Тэриан о принятии сына в класс скрипки. Она указывает, что ранее его обучение велось по двум специальностям: у А. Д. Фурлете (скрипка) и В. Ю. Зограф-Плаксиной (рояль) (рис. 1).

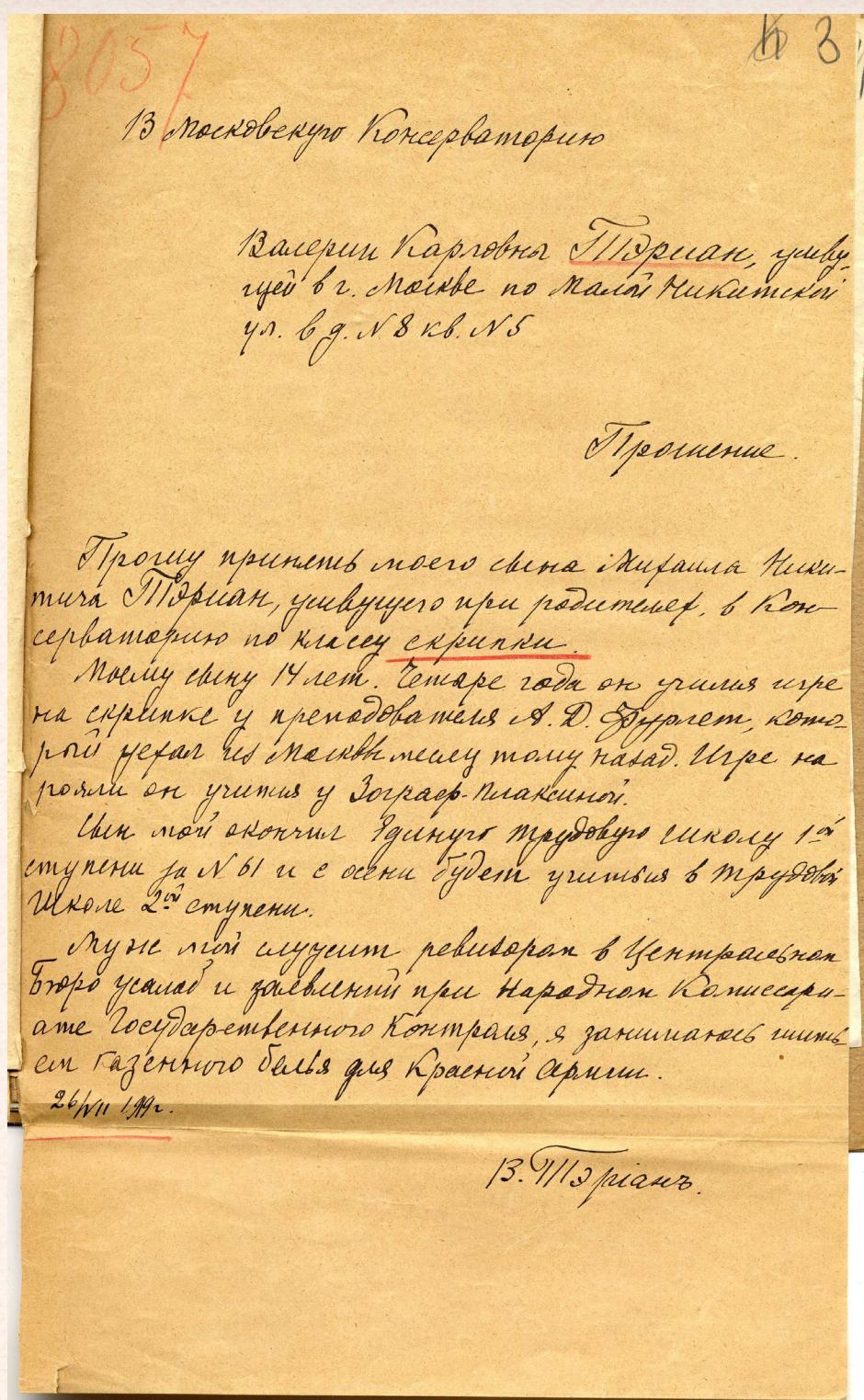
Судя по документам, консерваторское образование долгое время после 1917 г. было платным. В заявлении самого М. Н. Тэриана в комиссию по платности МГК уточнялось: «Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря (1924 г. – М. Р.) установлена плата, взимаемая в ВУЗ-ах <...> для рабочих и служащих <...> Исходя из этого расчета, я должен платить 40 руб. в год. Между тем, мне назначена плата в размере 200 руб. год» (рис. 2). Для решения финансовых трудностей системы образования в середине 1920-х гг. советское правительство ввело плату за обучение в учебных заведениях. Примерно к концу 1920-х гг. плата за обучение была отменена¹, однако в некоторых случаях она сохранялась.

В этом же заявлении от 14 марта 1925 г. содержится другая важная информация: М. Н. Тэриан является студентом класса К. Г. Мостраса, но не как скрипач, а как альтист. Следовательно, Мострас еще до того, как В. В. Борисовский был принят на работу в консерваторию, преподавал помимо прочего и эту дисциплину. Поддерживая своего студента, Мострас пишет заявление на имя ректора МГК К. Н. Игумнова с просьбой пересмотреть оплату за обучение, после чего ее размер был уменьшен до 60 рублей в год (распоряжение от 4 декабря 1925 г.). В дальнейшем Тэриан был совсем избавлен от платы в связи с организацией «квартета выдвиженцев» (с 1932 г. – «Квартет имени Комитаса») в следующем составе: А. К. Тер-Габриэлян (1-я скрипка), Л. М. Оганджанян (2-я скрипка), М. Н. Тэриан (альт), С. З. Асламазян (виолончель).

Вклад М. Н. Тэриана в отечественное исполнительство неоспорим и значителен. Известный скрипач Р. Р. Давидян пишет: «Высокая интеллектуальность, необычайная широта творческих интересов, волевая целеустремленность, верность своим художественным идеалам, поразительная энергия и настойчивость в достижении поставленной цели. Думается, что именно эти черты – главные в человеческом и творческом облике выдающегося альтиста, камерного исполнителя, педагога, музыкального деятеля Михаила Никитовича Тэриана»².

¹ Законы о плате за обучение. 1923–1927 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://museumreforms.ru/node/13815> (дата обращения: 04.05.2024).

² Давидян Р. Р. М. Н. Тэриан // Вопросы музыкальной педагогики : сборник статей. М. : Музыка, 1987. Вып. 8. С. 91.

Р и с. 1. Прощение В. К. Тэриан о принятии ее сына в класс скрипки МГК

F i g. 1. Petition of V. K. Terian for her son's admission to the violin class
of the Moscow Conservatory

Источник: рис. 1–6 – из личного дела М. Н. Тэриана. Архив ФГБОУ ВО «Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского».

Source: figs 1–5 – personal file of M. N. Terian. Archive of the Moscow State Tchaikovsky Conservatory.

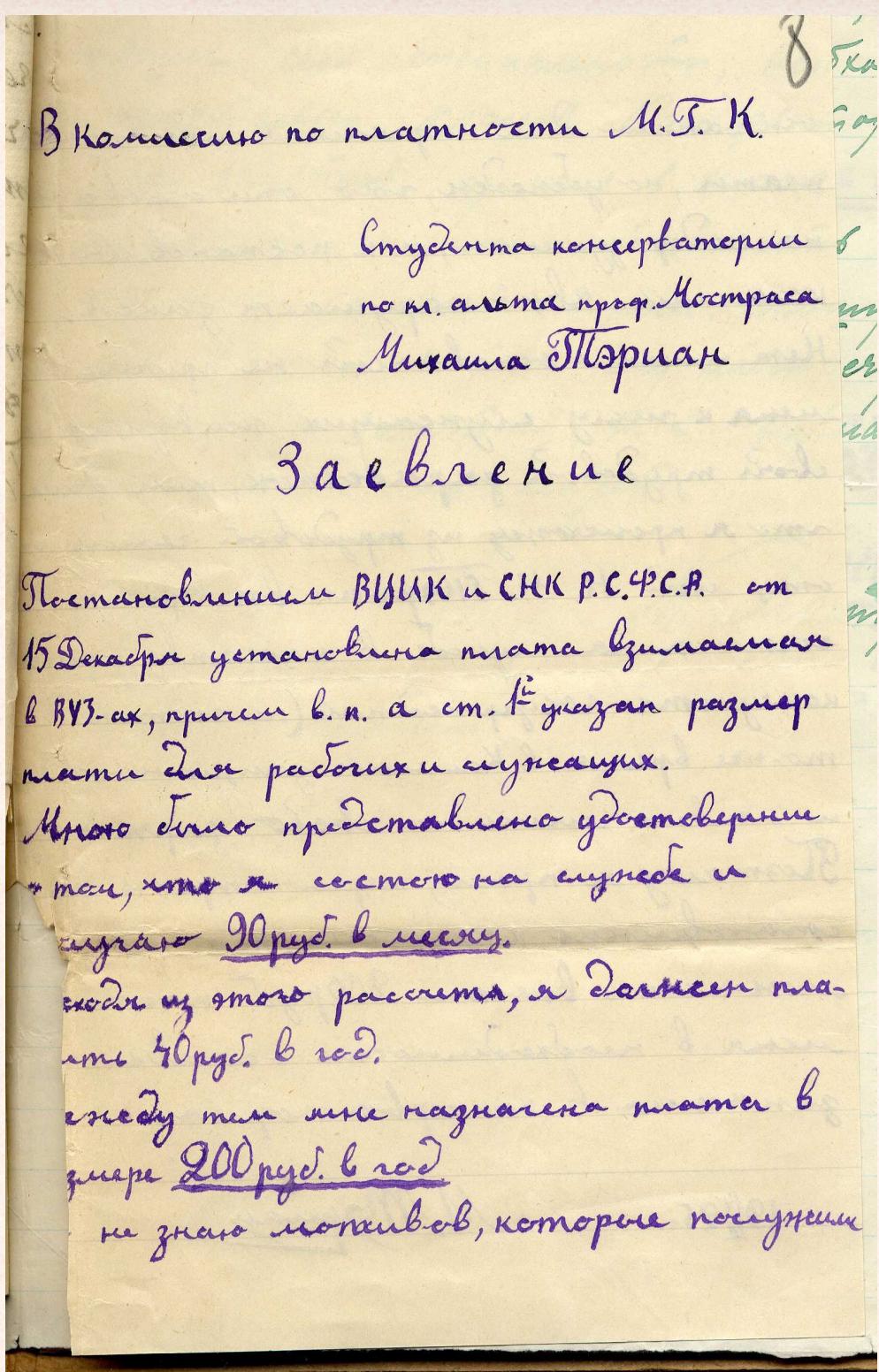

Рис. 2. Заявление студента Н. Тэриана
в комиссию по платности МГК

Fig. 2. Application of student N. Terian to the Moscow State Conservatory's
tuition fees committee

Советские композиторы посвящали М. Н. Тэриану новые сочинения для альта. Одно из них – малоизвестная Сюита для альта с фортепиано Н. К. Чемберджи³. Написанная в 1926 г., она относится к раннему периоду творчества композитора – недавнего студента Московской консерватории. В это время Тэриан и Чемберджи – музыканты одного круга с общими интересами. Известно, что последний был основателем и активным участником ПРОКОЛЛА (Производственного коллектива студентов Московской консерватории), а также «попутчиком» в Российской ассоциации пролетарских музыкантов. В свою очередь Тэриан активно работал в должности преподавателя музыкального отделения рабфака (рис. 3–5), что, вероятно, и послужило основой для их совместного творчества. Этот факт подтверждается справкой № 8034 (сентябрь, 1928) из личного дела Тэриана в МГК: 1926–1928 гг. – единый художественный рабфак; 1928–1936 гг. – рабфак, педагог по классу альта и квартета.

Обстоятельства учебы М. Н. Тэриана в МГК с 1919 по 1929 гг. были обусловлены «переутомлением» левой руки, из-за чего у него был перерыв в занятиях в 1923 г. и частично в 1924 г. Сюита Н. К. Чемберджи ознаменовала его возвращение в профессию как сольного исполнителя, которому композитор посвятил крупное сочинение альтового репертуара. Музыковед Е. М. Браудо уточнял: «Наиболее удачны работы Н. К. Чемберджи в области камерной музыки (сюита для струнного квартета, струнный квартет, квинтет, сюита для альта (курсив наш. – М. Р.) <...> Следует также констатировать влияние армянской песни на тематические образования Чемберджи как в камерных ансамблях, так и в цикле песен “Армения”, представляющих истолкование армянского фольклора»⁴.

В Сюите для альта и фортепиано (оп. 4) черты национального армянского фольклора ощущаются вполне ясно буквально с ее самых первых тактов. Первая часть представляет последовательность разнохарактерных эпизодов, следующих друг за другом в свободной импровизационной манере. Тема альта подготавливается фортепианным вступлением, состоящим из череды аккордово-мелодических последовательностей и напоминающих вокальный аккомпанемент. Рисунок струнной партии, создающий атмосферу теплоты и задушевности, близок по своему строению народной протяжной песне. Этому способствует ее неквадратное строение в пять тактов и размере 7/4 (рис. 6 а).

Переходя в дальнейшем в партию рояля, она не теряет свой первоначальный облик. Альт не просто выполняет роль сопровождения, он исполняет канонический вариант данной темы, видоизмененный и ясно угадываемый в интонационных очертаниях всей партитуры (рис. 6 б).

Тематический показ завершается небольшой ферматой фортепиано с последующим переходом к более активным эпизодам Con anima, poco più mosso, Vivace assai и Presto (sul ponticello) с характерными синкопированными ритмами и сложными метрами 7/4 на 11/4 и 6/4, с причудливыми остинатными наигрышами, акцентами и динамическими контрастами, хроматизмами и альтерациями с вкраплениями дважды гармонического минора (рис. 6 с, д).

Завершается часть мощной альтовой каденцией – кульминацией и вершиной всего повествования. Арочную конструкцию ей придают аккорды фортепианного сопровождения, звучащие уже как отзвук и воспоминание, как многоточие к этому красочному и эмоциональному рассказу (рис. 6 е).

³ Чемберджи Н. К. Сюита для альта с фортепиано оп. 4. М. : Музсектор Госиздата – Универсальное Издательство, 1930.

⁴ Браудо Е. М. История музыки : (Сжатый очерк). М. : Гос муз. изд-во, 1935. С. 387–388.

Копия . 13

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Фамилия - ТЭРИАН
Имя - Михаил
Отчество - Никитич
Год рождения - 1905
Образование: начальное, среднее высшее
(подчеркнуть)
Профессия - музыкант-альтист, дирижер.
Подпись владельца трудовой книжки - (М.ТЭРИАН)

Дата заполнения трудовой книжки
14/1-1939 года.

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

№	Дата за- пи- си.	Год. Ме- сяц.ло.	Сведения о приеме на работу, перевещениях по работе и увольнении (с указанием причин).	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1.			Общий стаж работы по найму до поступления в Моск.Государств. консерваторию составляет 11 лет 1 м-ц. (печатать) Управделами - (подпись) Московская Госуд. Консерватория	Подтверждено до- кументами. Стаж 9 лет 1 м-ц. Записано со слов стаж 2 года.
2.	1935	X 15	Принят на должность ассистента каф.квартета	пр.№ 372-25/X- 35г.
3.	1939	III 29	Утвержден в уч.звании доцента по каф."струнный квартет"	вып.из. прот.№ 14 от 29/III-39г. БАК ВК ВИИ при СНК
4.	1941г.		Ввиду перехода на постоянную работу в Моск.Госуд.театр им. Ленинского Комсомола снят с учета основных работников в МГК (Печать) Зав.л/ст. (подпись)	24/IV-41г.

Рис. 3. Копия трудовой книжки М. Н. Тэриана. С. 1. 1941 г.

Fig. 3. Copy of M. N. Terian's work record book. P. 1. 1941

1	2	3	4
5. 1940	III 1	Московский Государственный Театр Ленинского Комсомола	
		принят на должность Зав. Музкальной частью	Расп. № 23 о 29.II-40 г.
		Государственный ордена Ленина Академический Большой Театр СССР.	
6. 1941	XII 10	Зачислен на должность концертмейстера гармоньора оркестра	пр. № 317
СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ.			
№	Д а т а за- пи- си.	П о о щ р е н и я и н а г р а ж д е н и я .	На основании внесена записи (документ, его номер)
1	1939 1 2	Присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Президиумом Верховного Совета Армянской ССР	Указ о присвоении звания 2/1.
2	1939 X 19	Объявлена благодарность за отл. работу и выдана грамота	Пр. № 509-19 1939г.
		(ПЕЧАТЬ) зав. л/ст. (подпись) Моск. Госуд. Театр им. Ленинского Комсомола.	
1	1940 У 15	Присвоено звание ударника за по- казатель производственной и об- ществ.-массовой работы	Расп. № 75 о 15/У-40г.
2	1941 У 4	Присвоено звание отличника за показатель производственной и обществ.-массовой работы.	Расп. № 73 о 4/У-41г.

Рис. 3. Копия трудовой книжки М. Н. Тэриана. С. 2. 1941 г.

Fig. 3. Copy of M. N. Terian's work record book. P. 2. 1941

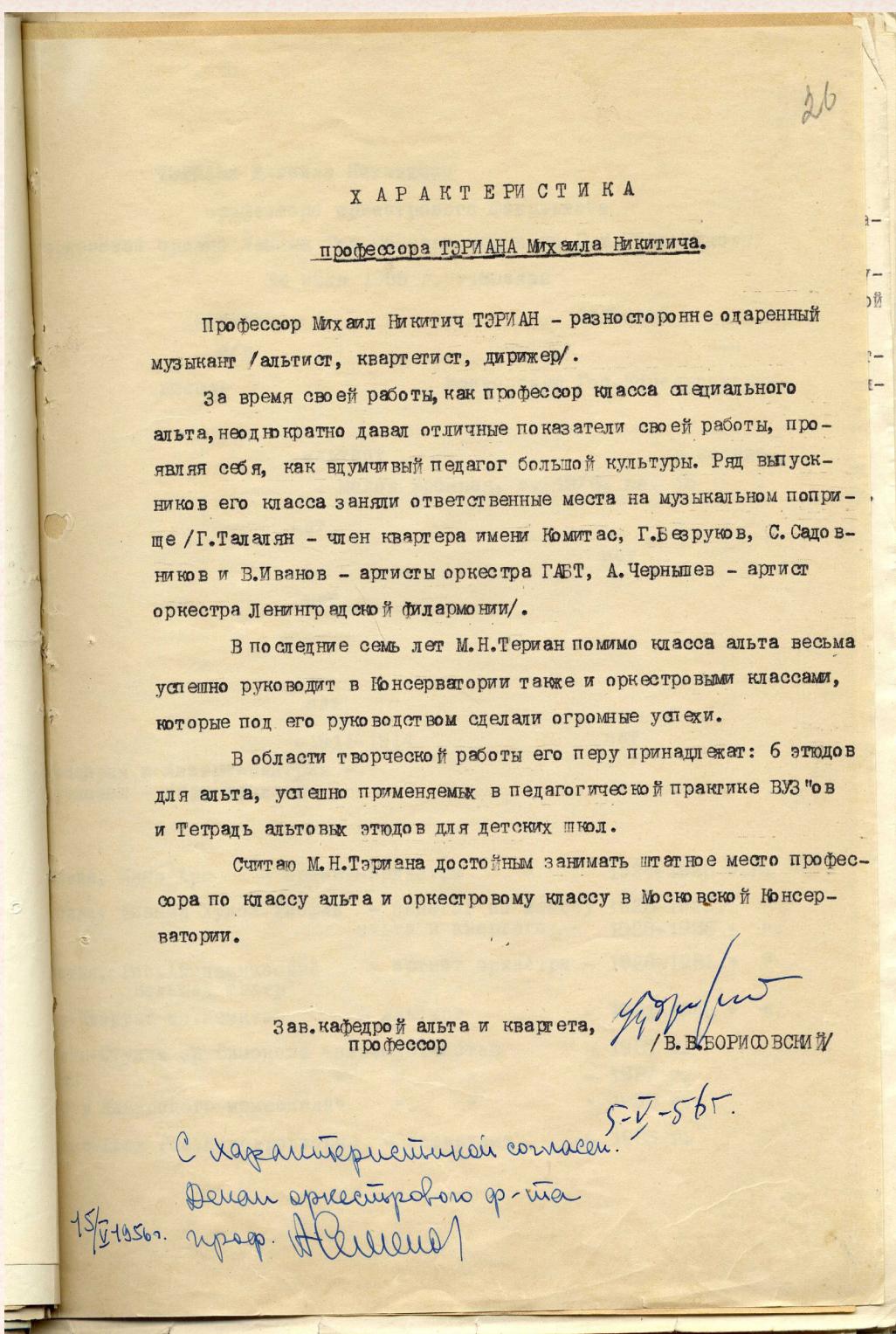

Рис. 4. Характеристика М. Н. Териана с рекомендацией его на место профессора по классу альта и оркестровому классу в МГК. 1956 г.

Fig. 4. Characteristics of M. N. Terian with recommendation him for the position of professor of viola and orchestral classes at the Moscow State Conservatory. 1956

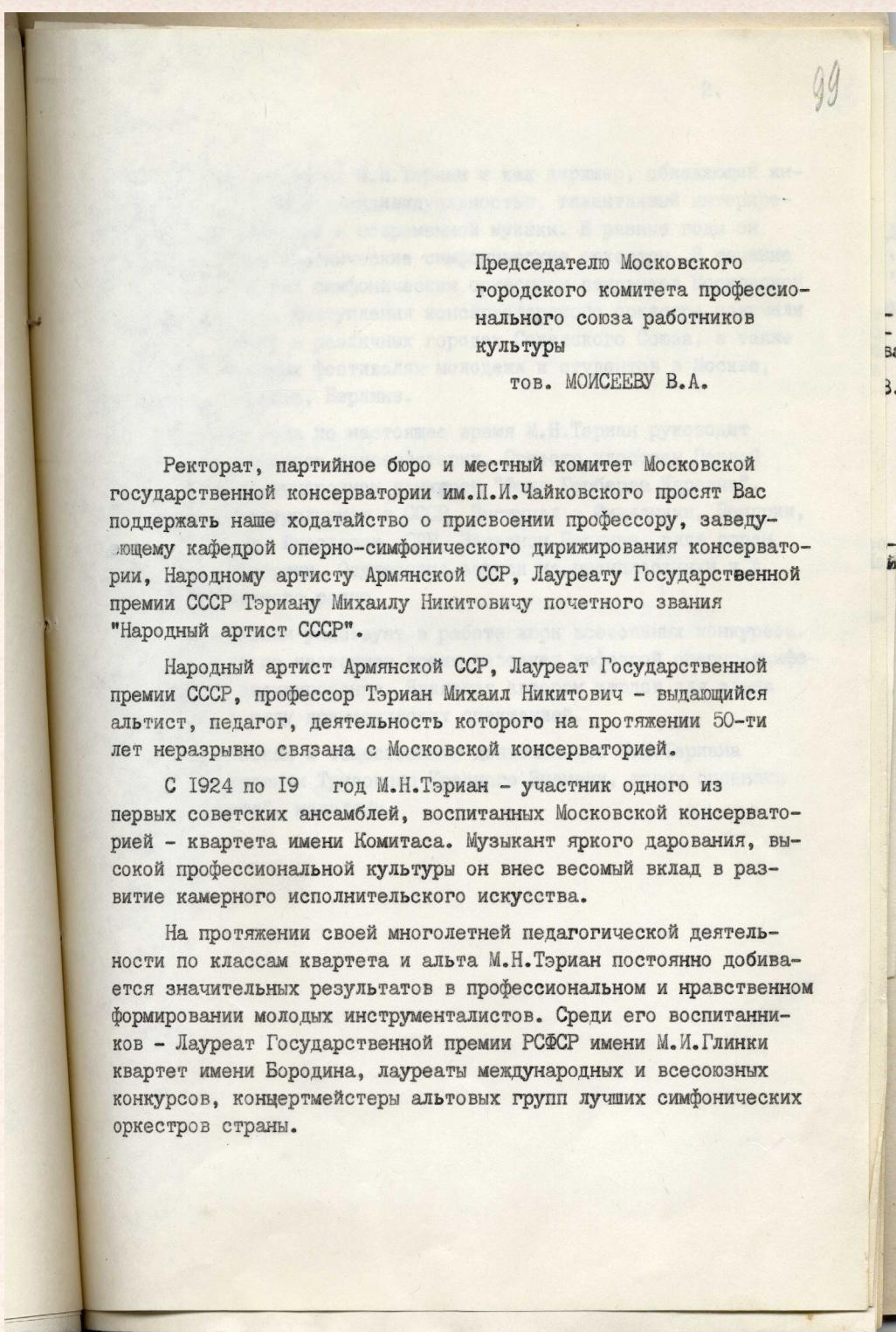

Рис. 5. Ходатайство о присвоении М. Н. Тэриану звания народного артиста СССР. С. 1.

Fig. 5. Petition to award M. N. Terian the title of People's Artist of the USSR. P. 1.

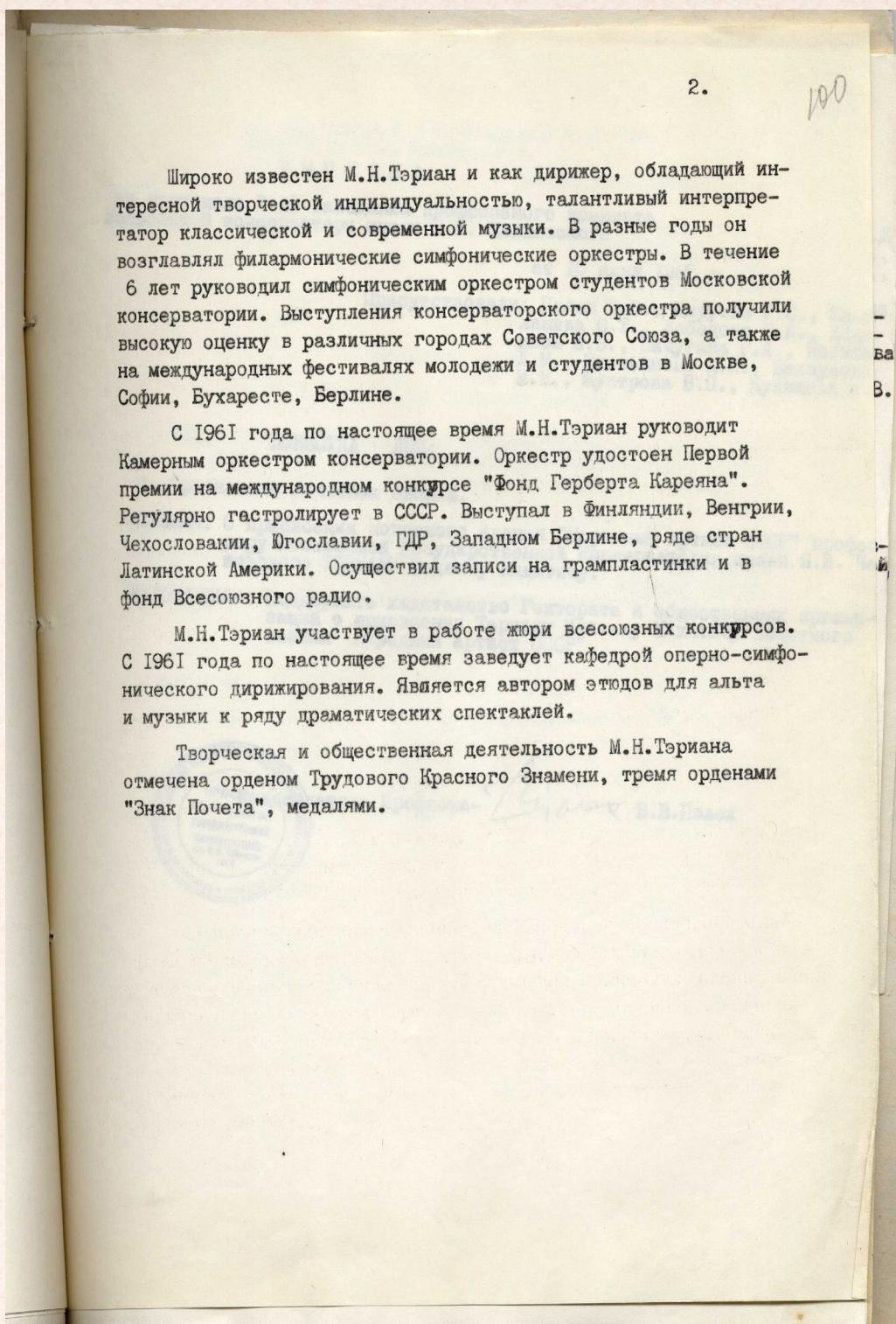

Рис. 5. Ходатайство о присвоении М. Н. Териану звания народного артиста СССР. С. 2.
Fig. 5. Petition to award M. N. Terian the title of People's Artist of the USSR. P. 2.

Andantino

Viola

Piano

poco cresc.

a)

pp

sempre legato

b)

Con anima, poco più mosso

avante

c)

The image contains two musical score fragments labeled 'd)' and 'e)'.

Fragment 'd)' is in 3/4 time, B-flat major. It features three staves: viola (top), piano right hand (middle), and piano left hand/bass (bottom). The viola part consists of sixteenth-note patterns. The piano parts include dynamic markings like ff, sforzando, and various slurs and grace notes. The viola part begins with a melodic line, followed by a section of eighth-note chords.

Fragment 'e)' is in common time, B-flat major. It also has three staves: viola (top), piano right hand (middle), and piano left hand/bass (bottom). The viola part starts with eighth-note chords. The piano parts feature sustained notes and rhythmic patterns. The viola part continues with eighth-note chords, and the piano parts provide harmonic support with sustained notes and eighth-note chords.

Рис. 6. Н. К. Чемберджи. Сюита для альта с фортепиано оп. 4. Ч. 1. Фрагмент

Fig. 6. N. K. Chemberdzhi. Suite for Viola and Piano, Op. 4. Movement 1. Fragment

Вторая часть – яркая романтическая новелла, написанная в простой трехчастной форме. Композитор открыто экспериментирует с тональным планом сочинения, сознательно уходя от его центра. Хроматика, ладовая переменность, придают ансамблевой фактуре экспрессивный характер, остроту и насыщенность. В инструментальном диалоге присутствует тот же самый принцип, как и в первой части. Основной мелодический материал первоначально проходит в партии альта, а затем повторяется роялем в родственном интонационном строе альтового сопровождения (рис. 7 а, б).

Закономерный контраст вносит средний раздел, построенный на причудливом танцевальном рисунке переменного метра ($5/8, 7/8, 4/8, 5/8, 7/8, 4/8, 3/4$ и $7/8$), имитирующем народные наигрыши, их свободу и импровизационность. Это ощущается в остинатных мотивах и ритмоформулах (например: акцентированных последовательностях восьмых в размере $4/8$ с перечеркнутым форшлагом на последней доле такта), в мерцающих тонах дважды гармонического ми минора, в изящных акцентах и форшлагах (рис. 7 с).

The image contains three musical score fragments, labeled a), b), and c), showing staves for both viola and piano.

- a)** The first fragment starts with a dynamic of *p* and *sempre legato*. The viola part consists of eighth-note chords, while the piano part features eighth-note patterns with grace notes.
- b)** The second fragment begins with a dynamic of *f*. The viola part includes eighth-note chords and sixteenth-note patterns, while the piano part features eighth-note chords.
- c)** The third fragment starts with a dynamic of *mf* and *Leggiero, giocoso*. The viola part consists of eighth-note chords, and the piano part features eighth-note chords.

Рис. 7. Н. К. Чемберджи. Сюита для альта с фортепиано оп. 4. Ч. 2. Фрагмент
Fig. 7. N. K. Chemberdzhi. Suite for Viola and Piano, Op. 4. Movement 2. Fragment

Возвращение к основному музыкальному материалу проходит достаточно сжато. Тема звучит только один раз в партии альта, не выходя за пределы динамики *piano*. Этот прием осуществляет драматургически оправданный переход к Финалу, начинающемуся в такой же эмоциональной краске.

Тревожный характер ему придают синкопированные кварт-квинтовые последовательности в партии фортепиано, стилистически точно поддерживающие танцевальный рисунок и ритмику альта, чередуясь с ним в исполнении основной мелодической линии, по-прежнему напоминающей о народных истоках этой неординарной по своему содержанию музыки (рис. 8).

Рис. 8. Н. К. Чемберджи. Сюита для альта и фортепиано оп. 4. Ч. 3. Фрагмент
Fig. 8. N. K. Chemberdzhi. Suite for Viola and Piano, Op. 4. Movement 3. Fragment

В целом произведение оставляет чрезвычайно яркое впечатление, что подтверждается фактом его издания Музсектором Госиздата – Универсальным Издательством в 1930 г. О. А. Бобрик, исследуя сотрудничество Венского издательства Universal Edition и советских музыкантов в 1923–1945 гг., пишет: «С 1924 по 1937 г. в каталог венского издательства было включено около 550-ти произведений композиторов из СССР (в основном, камерной и инstrumentальной музыки. <...> Для композиторов из СССР контакты с Universal Edition были привлекательны не только знаменитым качеством венских изданий, но и возможностью получить известность и исполняться на Западе, защищать свои авторские права (по европейским, а не по советским законам), получать высокие гонорары (надежда, которая часто не оправдывалась)»⁵.

Для Н. К. Чемберджи и М. Н. Тэриана как молодых и подающих большие надежды музыкантов это означало признание их профессиональных заслуг и расширение культурных горизонтов. Вместе с тем для Тэриана этот исторический момент был крайне важен и с позиции профессионального становления. Он стал вторым после В. В. Борисовского отечественным альтистом, о котором узнали на Западе. Р. Р. Давидян отмечает: «Особенности исполнительского искусства М. Н. Тэриана ощущаются и в искусном владении различными колористическими красками, выпуклой передаче отдельных деталей, подчас обретающих выразительность основной мелодии»⁶.

В личном деле М. Н. Тэриана (архив МГК) хранятся неопубликованные документы, проливающие свет на объем работы в классе альта, а также на кафедре оперно-симфонического дирижирования, возглавляемой им долгие годы (с 1961 г.) (рис. 3–5).

Помимо традиционных транскрипций, переложений и обработок, в одном из шаблонов в качестве научных работ М. Н. Тэриана указываются «Шесть этюдов для альта» (рис. 9), датированных 1936 г. и опубликованных Музгизом в 1937 г. Вторая тетрадь

⁵ Бобрик О. А. Венское издательство Universal Edition и советские музыканты: история сотрудничества в 1923–1945 годах : автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2007. 15 с.

⁶ Давидян Р. Р. М. Н. Тэриан. С. 93.

«Шесть этюдов для альта», «Упражнения для альта (левая рука)», редакции струнных квартетов А. П. Бородина, В. А. Моцарта, Н. Я. Мясковского, С. И. Таинева, «Концерт для альта» Г. Ф. Генделя – А. Казадезюса и ряд других остались в рукописных вариантах.

Рис. 9. Тэриан М. Н. Шесть этюдов для альта. Этюд 1

Fig. 9. Terian M. N. Six Etudes for Viola. Etude 1

Этюды для альта М. Н. Тэриана, изданные в 1937 г., формируют техническую базу альтовой школы, они написаны с учетом инструментальной специфики и сопровождаются необходимыми комментариями для более точного выполнения поставленных задач. Каждый из них посвящен конкретному исполнительскому приему и почти всегда дополнен различными штриховыми примерами. Трудно назвать аналогичные работы для альта периода 1930-х гг. в отечественном музыкальном искусстве.

Заключение

Таким образом, в 1920-х гг. наметился коренной перелом в формировании отечественной альтовой школы: были определены новые цели и задачи, важнейшими из которых – расширение исполнительского диапазона инструмента и открытие его богатейших художественных ресурсов.

Впервые введенные в научный оборот в данной статье архивные источники имеют большую научную ценность: они позволяют уточнить и конкретизировать векторы движения инструментального искусства, его культурную эволюцию. Предпринятое исследование представляет альтовую школу Московской консерватории в единстве динамично развивающихся характеристик, обретающих в пространственно-временной перспективе существенные смысловые очертания.

Анализ архивных материалов и нотных сочинений способствует пониманию обстоятельств и особенностей формирования альтовой школы в стенах Московской консерватории, помогает проследить ее индивидуальную траекторию, что позволяет дополнить культурную летопись эпохи, понять и осмыслить ее отдельные грани. Это актуализирует исследовательские инициативы в процессе анализа явлений отечественного искусства.

Обращение к деятельности М. Н. Тэриана как соратника и единомышленника В. В. Борисовского чрезвычайно важно в процессе воспитания современного музыканта, позиционирующего инструмент (альт) широко и многогранно – в его неисчерпаемом духовном и звуковом разнообразии, концептуальной трактовке. Материалы, введенные в научный оборот в данной статье, являются ценной ресурсной базой для решения актуальных теоретических и практических задач, связанных с искусством альтового исполнительства. Они также могут быть важны для музыковедов, занимающихся исследованиями истории МГК и в целом истории отечественного музыкального искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климова В. В. О соотношении оригинального сочинения и его транскрипции на материале транскрипций В. В. Борисовского // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 4. С. 1119–1121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-originalnogo-sochineniya-i-ego-transkriptsiy-na-materiale-transkriptsiy-v-v-borisovskogo/viewer> (дата обращения: 06.06.2025).
2. Шевцова А. В. Альт в России до Башмета: педагоги и исполнители (Борисовский и Дружинин) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2019. № 2. С. 56–61. <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2019-12009>
3. Шевцова А. В. Жанровая эволюция отечественного альтового репертуара // PHILHARMONICA. International Music Journal. 2020. № 4. С. 70–84. <https://doi.org/10.7256/2453-613X.2020.4.32769>
4. Косенко Г. Г. Репрезентация тембра альта в жанре концерта (на примере концерта для альта с оркестром Д. Клебанова) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2017. № 4. С. 68–71. URL: https://rostcons.ru/assets/almanac/alm2017_4.pdf (дата обращения: 24.02.2025).
5. Маршанский С. А. Современная отечественная музыка для альта: перспективы изучения // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2010. № 22 (203). С. 164–168. <https://elibrary.ru/ntnqnf>
6. Стог Е. В. Особенности развития альтового исполнительства в России // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 10 (67). С. 750–761. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/10453> (дата обращения: 25.09.2025).
7. Стог Е. В. Развитие жанра концерта для альта с оркестром в творчестве композиторов XX века // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 11 (68). С. 747–753. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/10681> (дата обращения: 25.01.2025).

REFERENCES

1. Klimova V.V. [On the Relationship between the Original Composition and its Transcription Based on V.V. Borisovsky's Transcriptions]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2013;18(4):1119–1121. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-originalnogo-sochineniya-i-ego-transkriptsiy-na-materiale-transkriptsiy-v-v-borisovskogo/viewer> (accessed 06.06.2025).
2. Shevtsova A.V. Viola in Russia before Bashmet: Teachers and Performers (Borisovsky and Druzhinin). *South-Russian Musical Almanac*. 2019;(2):56–61. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2019-12009>
3. Shevtsova A.V. Genre Evolution of the Russian Viola Repertoire. *PHILHARMONICA. International Music Journal*. 2020;(4):70–84. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2453-613X.2020.4.32769>
4. Kosenko G.G. Representation of Viola Timbre in the Genre of Concerto (on the Example of Concerto for Viola and Orchestra by D. Klebanov). *South-Russian Musical Anthology*. 2017;(4):68–71. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://rostcons.ru/assets/almanac/alm2017_4.pdf (accessed 24.02.2025).
5. Marshansky S.A. Contemporary Russian Music for Viola: Study Prospects. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art.* 2010;(22):164–168. <https://elibrary.ru/ntnqnf>
6. Stog E.V. Features of the Development of Alto Performance in Russia. *Vestnik nauki*. 2023;4(10):750–761. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.вестник-науки.рф/article/10453> (accessed 25.09.2025).
7. Stog E.V. The Development of Genre of Concerto for Viola & Orchestra in Works of Composers of the XX Century. *Vestnik nauki*. 2023;1(11). Vol. 1. p. 747–753. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.вестник-науки.рф/article/10681> (accessed: 25.01.2025)

Об авторе

Радзецкая Мария Дмитриевна, концертмейстер группы альтов Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы» (Российская Федерация, г. Москва), соискатель кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Национального исследовательского

Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2774-2277>,

SPIN-код: 4677-5060,

e-mail: rmd1999y4ndex.ru@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.07.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 08.09.2025.

About the author

Maria D. Radzetskaya, Concertmaster of the Viola Group of the State Chamber Orchestra "Moscow Virtuosi" (Moscow, Russian Federation), Postgraduate Student of the Department of Culturology and Library Information Resources, National Research Mordovia State University (68 Bolshevikskaia St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2774-2277>,

SPIN-code: 4677-5060,

e-mail: rmd1999y4ndex.ru@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 23.07.2025; revised 01.09.2025; accepted 08.09.2025.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / BIOGRAPHICAL AND ARCHIVAL RESEARCH

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.195-217>
EDN: <https://elibrary.ru/vdujfu>
УДК / UDC 82-94:001Бахтин

Родственники М. М. Бахтина Ситниковых: неизвестные страницы семейной истории

И. В. Клюева¹✉, Л. М. Лисунова²

¹ Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация

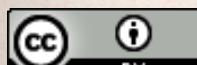
² Независимый исследователь,
г. Саранск, Российская Федерация
✉ klyueva_irina@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с необходимостью создания объективной и достоверной научной биографии М. М. Бахтина, что предполагает включение в нее данных о его родных. Цель исследования – представить неизвестные факты из истории семейств Бахтиных и их родственников Ситниковых, выявить персон, составлявших их ближайшее окружение.

Материалы и методы. Материалом исследования являются неопубликованные, впервые вводимые в научный оборот источники из российских архивов – государственных (Государственный архив Российской Федерации, рукописный отдел Российской государственной библиотеки) и личных (архив Л. С. Мелиховой); дореволюционные печатные источники справочного характера; опубликованные записи бесед М. М. Бахтина с В. Д. Дувакиным. Исследование выполнено в рамках «исторической персонологии» с использованием историко-биографического, сравнительно-сопоставительного и герменевтического методов.

© Клюева И. В., Лисунова Л. М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Результаты исследования и их обсуждение. Рассматривается связь двух родственных семейств, представляющих орловское купечество – Бахтиных и Ситниковых, выявляются фигуры, составляющие их «ближний круг»: почетные граждане г. Орла Авиловы, дворяне Цуриковы и др.). Освещаются неизвестные факты биографии двоюродного дяди М. М. Бахтина – Т. А. Ситникова, до революции 1917 г. занимавшего видное место в системе городского управления Орла; впервые представлена информация о его брате – П. А. Ситникове. Прослеживается история жизни Е. Т. Ситниковой (приходившейся М. М. Бахтину сестрой, «родной вдвойне» – двоюродной по матери и троюродной по отцу), которая до конца своих дней оставалась верной хранительницей памяти об ушедших родных. Приводятся фрагменты текстов ее писем к М. М. Бахтину, датированных 1969–1974 гг. Выявляются причины, побудившие ее завещать уничтожить все бережно хранимые ею документы и материалы об истории двух семей. Авторы делают вывод, что, несмотря на все трагические катаклизмы, через которые пришлось пройти после революции 1917 г. Ситниковым, члены семьи стремились сохранять связи с остававшимися в живых близкими и дальными родственниками, чтить память об ушедших.

Заключение. Настоящее исследование вносит вклад в исследование истории семьи Бахтиных и их ближайших родственников Ситниковых, углубляет представления об их окружении. Введенные в научный оборот ранее не известные архивные материалы существенно пополняют источниковую базу бахтиноведения. Материалы статьи могут быть полезны бахтиноведам, а также исследователям истории г. Орла и орловского купечества.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, семья Бахтиных, орловские купцы Ситникова, бахтиноведение, персональная история, орловское купечество

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Клюева И. В., Лисунова Л. М. Родственники М. М. Бахтина Ситникова: неизвестные страницы семейной истории // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 195–217. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.195-217>

The Sitnikovs – Relatives of M. M. Bakhtin: Unknown Pages in the Family History

I. V. Klyueva^a✉, L. M. Lisunova^b

^a National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation

^b Independent Researcher,
Saransk, Russian Federation
✉ klyueva_irina@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study stems from the need to create an objective and reliable scholarly biography of M. M. Bakhtin, which requires including information about his family. The purpose of the article is to present previously unknown facts about the Bakhtin family and their relatives the Sitnikovs, and to identify the individuals who made up their immediate circle.

Materials and Methods. The study material consists of unpublished sources from Russian archives, both state (State Archives of the Russian Federation, Manuscript Department of the Russian State Library) and personal (L. S. Melikhova's archive),

printed reference sources, and published transcripts of conversations between M. M. Bakhtin and V. D. Duvakin. The study was carried out within the framework of "historical personology" using historical-biographical, comparative-contrastive and hermeneutic methods.

Results and Discussion. The article examines the connections between two related families representing the Oryol merchant class – the Bakhtins and the Sitnikovs – and identifies the figures who made up their "inner circle" (honorary citizens of Oryol the Avilovs, nobles the Tsurikovs, and others). It reveals unknown facts in the biography of M. M. Bakhtin's halfuncle T.A. Sitnikov, who occupied a prominent position in the Oryol municipal government before the 1917 Revolution and presents for the first time information about his brother, P. A. Sitnikov. It traces the life story of M. M. Bakhtin's sister E. T. Sitnikova (a first cousin on his mother's side and a second cousin on his father's side), who remained a faithful custodian of the memory of her departed relatives until the end of her days. It presents excerpts from her letters to M. M. Bakhtin, dated 1969–1974. It reveals the reasons that prompted her will to destroy all the documents and materials on the history of the two families which she carefully had preserved. The authors conclude that, despite all the tragic cataclysms that the Sitnikovs experienced after the 1917 Revolution, members of the family strove to maintain ties with surviving close and distant relatives and honor the memory of those who had passed away.

Conclusion. The article contributes to research into the family history of the Bakhtins and the Sitnikovs, and deepens our understanding of their circle. Previously unknown archival materials, first introduced into scholarly circulation, significantly expand the source base for Bakhtin studies. The materials presented in the article may be useful to Bakhtin scholars, as well as researchers of the history of the city of Oryol and the Oryol merchant class.

Keywords: M. M. Bakhtin, the Bakhtin family, the Sitnikovs, Bakhtin studies, personal history, Oryol merchants

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Klyueva I.V., Lisunova L.M. The Sitnikovs – Relatives of M. M. Bakhtin: Unknown Pages in the Family History. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(2):195–217. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.195-217>

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью наиболее полной научной реконструкции жизненного пути М. М. Бахтина, что предполагает, в частности, изучение его семейного контекста. Цель исследования – представить новую информацию о ближайших родственниках Бахтиных – орловской купеческой семье Ситниковых, выявив лиц, входивших в их близкое окружение.

К настоящему времени в исследованиях, посвященных М. М. Бахтину, сложилась своего рода «биографическая отрасль» [1], представленная именами таких авторов, как Н. Л. Васильев [2], К. Кларк и М. Холквист [3], В. В. Кожинов, С. С. и Л. С. Конкины [4–6], В. И. Лаптун [7], О. Е. Осовский и В. П. Киржаева [1; 8; 9], Н. А. Паньков [10] и др.

В ряде работ рассматривается родословная М. М. Бахтина. На первом этапе изучения данной темы немалое внимание уделялось вопросу о сословной принадлежности его семьи. Поскольку с Орлом, где он родился, была связана история старинного дворянского рода Бахтиных, предполагалось, что его семья также принадлежит к этому роду [4]. Несмотря на то, что сам мыслитель (в беседах с В. Д. Дувакиным)

не возражал против такого предположения¹, оно было опровергнуто. С. С. и Л. С. Конкины ввели в научный оборот документы, свидетельствующие о том, что члены семьи принадлежали к податным сословиям: купеческому и мещанскому [5; 6]. Известно, что некоторые члены семьи в силу разных обстоятельств переходили из одного сословия в другое. Так, дед ученого – орловский купец 2-й гильдии Николай Кузьмич Бахтин (1832 или 1833 – после 1903) в 1888 г. был объявлен несостоятельным должником и утратил купеческое звание (решением суда по громкому делу о банкротстве Орловского городского общественного банка, одним из троих учредителей и «товарищем» (заместителем) директора которого он являлся), однако после этого купеческое свидетельство получила его жена Екатерина Павловна (1842–1917 или 1918) – дочь богатого орловского купца Павла Васильевича Калашникова. История с банкротством орловского банка достаточно подробно представлена в публикациях С. С. Конкина [5] и С. Д. Краснощековой².

Отец М. М. Бахтина Михаил Николаевич (1868 – ок. 1930) и его брат Павел Николаевич (1875 – не ранее 1924) (который был крестным его сына Михаила и дочери Марии) в разные годы упоминались в официальных документах как мещане (в связи с утратой купеческого звания отца), затем как купеческие сыновья (когда были вписаны в купеческое свидетельство матери), затем вновь как мещане (потому, что не стали заниматься прямым купеческим делом – торговлей). Мать ученого – Варвара Захаровна (1873–1942) была дочерью богатого «временного купца» Захара Даниловича Овечкина и орловской мещанки Евдокии Ивановны Овечкиной. Вероятно, ее отец был выходцем из крестьянского сословия: согласно документам, обнаруженным орловским исследователем А. В. Титовым, в метрической записи о венчании она названа «крестьянской девицей» [11, с. 168].

Помимо деда мыслителя, оставившего «след в истории», прежде всего, в связи с вышеупомянутым банковским скандалом, внимание исследователей закономерно привлекает его брат – филолог, культуролог Николай Михайлович Бахтин (1894–1950) – незаурядная личность, заметная фигура русского зарубежья [12–14]. Однако об остальных членах семьи и их родственниках до сих пор известно крайне мало. В данной статье осуществлен авторский поиск и систематизация разрозненных архивных и печатных материалов, содержащих сведения о представителях семейств Бахтиных и Ситниковых.

Материалы и методы

Материалом исследования являются неопубликованные архивные источники, которые впервые вводятся в научный оборот: документы, связанные с биографией двоюродного дяди М. М. Бахтина – Павла Афанасьевича Ситникова (1878 – после 1927) (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ); письма к Бахтину его двоюродной сестры Елизаветы Тихоновны Ситниковой (1906–1978), датированные 1969–1974 гг. (Фонд М. М. Бахтина в рукописном отделе Российской государственной библиотеки, далее – РГБ ОР); сделанные в первой половине 1990-х гг. записи бесед хранительницы наследия Бахтина Леонтины Сергеевны Мелиховой (р. 1940) с Николаем Павловичем Перфильевым (1907–1998), который был мужем младшей из сестер мыслителя Натальи Михайловны (1909–1942) с 1934 г. до конца ее жизни (личный архив Л. С. Мелиховой). Выявляются дореволюционные печатные источники справочного характера, содержащие информацию о представителях двух семейств и лицах,

¹ См.: Бахтин М. М. : беседы с В. Д. Дувакиным. М. : Согласие, 2002. С. 17.

² Краснощекова С. Д. Орел торгово-купеческий // Краеведческие записки. Вып. 8. Из сословной истории Орловской губернии. Орел : Изд-во «Вешние воды», 2010. С. 19–152.

входивших в их ближайшее окружение. Используются также опубликованные записи бесед М. М. Бахтина с В. Д. Дувакиным, сделанные в 1973 г.

Исследование выполнено в рамках «исторической персонологии» как направления культурологии с использованием конкретных методов: историко-биографического (направленного на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни конкретных персоналий), сравнительно-сопоставительного (перекрестный анализ документов), герменевтического (интерпретация документов).

Результаты исследования и их обсуждение

Николай Павлович Перфильев, который женился в декабре 1934 г. на Наталье Михайловне Бахтиной, всегда знал, что его жена происходила не из дворянской, а из купеческой семьи Орла, которая была в родстве с богатейшими купеческими семьями города (Калашниковыми, Овечкиными, Ситниками), но была беднее их. Сам ученый в беседе с В. Д. Дувакиным говорил: «... мы-то разорились, но родственники у нас были очень богатые, миллионеры...»³. Эти родственники после краха Орловского городского общественного банка спасли семью его деда от окончательного разорения, внеся крупные суммы на погашение его долга.

Родная сестра бабушки М. М. Бахтина Екатерины Павловны – Елизавета Павлова (1841– после 1891) – была замужем за купцом 2-й гильдии Афанасием Ивановичем Ситниковым (? – до 1891), могила которого – с массивным каменным надгробием в виде саркофага (вероятно, гранитным) – сохранилась на Троицком кладбище Орла (рис. 1). С. С. Конкин писал, что о нем ничего не известно, кроме того, что у него был сын Тихон [5]. Нам известны имена еще двух сыновей Елизаветы Павловны и Афанасия Ивановича – Сергей и Павел.

Родная сестра матери Бахтина Варвары Захаровны – Александра Захаровна вышла замуж за одного из сыновей Ситниковых – Тихона Афанасьевича, который приходился ученым двоюродным дядей по отцу. Таким образом, дочь Александры Захаровны и Тихона Афанасьевича – Елизавета Тихоновна Ситникова была для Бахтина, по его

³ См.: М. М. Бахтин : беседы с В. Д. Дувакиным. С. 21.

Рис. 1. Могила Афанасия Ивановича Ситникова на Троицком кладбище Орла

Fig. 1. The grave of Afanasy Ivanovich Sitnikov at the Trinity Cemetery in Orel

Источник: изображение взято с сайта: <https://www.orelvkartinkax.ru/graves.htm>.
Source: the photo was taken from the website: <https://www.orelvkartinkax.ru/graves.htm>.

собственному выражению, «родной вдвойне»⁴ – двоюродной по матери и троюродной по отцу. Согласно Н. П. Перфильеву, у сестер Овечкиных был брат – Иван Захарович, судьба которого нам не известна.

М. М. Бахтин рассказывал В. Д. Дувакину об отце своей «вдвойне родной» сестры. По его версии, до революции Т. А. Ситников был городским головой Орла. После революции его «посадили, но ничего такого плохого с ним не сделали... там были предприятия, которыми только он мог управлять... его... выпускали, и он делал там все, что нужно...»⁵. Когда Орел был занят войсками А. И. Деникина, прежняя власть была восстановлена: «И дядя мой тоже должен был стать снова городским головой. Он и стал»⁶. В опубликованных официальных изданиях нами не обнаружено сведений о том, что Тихон Афанасьевич был городским головой Орла (до революции им был И. А. Гумбин), хотя и занимал в системе городского управления видное место – по, существу, был вторым человеком после городского головы. Так, на Орловском областном съезде Всероссийского союза городов 17–18 января 1916 г. городскую управу Орла представляют только два человека: Гумбин – как городской голова и Ситников – как член управы⁷. В «Памятной книжке» Орловской губернии на 1917 г. его имя следует сразу за именем Гумбина: он был членом городской управы, председателем исполнительно-технической и членом ряда других управских комиссий⁸. Не исключено, что он стал городским головой непосредственно перед революцией (уже после того, как было подготовлено к печати это издание) или при Деникине.

Деникинские войска продержались в Орле всего неделю (с 30 сентября (13 октября) по 7(20) октября 1919 г.) и под напором Красной армии вынуждены были отступать на юг. Рассказы Н. П. Перфильева и М. М. Бахтина о судьбе Т. А. Ситникова частично совпадают: бежав со своей семьей в обозе деникинской армии, он оказался в Армавире, где какое-то время жил под чужим именем. Перфильев точно не знал, как он умер: «кажется, был потом расстрелян»⁹. Согласно Бахтину, в Орле Тихон Афанасьевич был заочно приговорен к смертной казни, его разыскивали, но арестовать не успели: заболев, он умер в холерном бараке, не узнав, что за ним пришли представители ЧК (или уже НКВД)¹⁰. Его жену и единственную dochь Лизу (которой на момент бегства из Орла было 13 лет) ожидало, по словам Перфильева, «отвратительное проживание»¹¹ в Армавире (рис. 2).

Через некоторое время Александра Захаровна и Елизавета Ситникovy смогли перебраться в Москву, где жили некоторые из их родственников. Елизавета устроилась чертежницей в архитектурно-проектный институт и через эту организацию получила возможность построить себе жилье на паевых (кооперативных) началах, став в 1928 г. собственницей комнаты в коммунальной квартире в доме по адресу: ул. Лестева, д. 13, корп. 3 (в районе Шаболовки). Она выходила замуж, но в это время развелась с мужем и жила вдвоем с матерью. Н. П. Перфильев познакомился с ними поздней осенью 1934 г., вскоре после своего переезда в Москву из Ленинграда (в столицу был переведен научно-исследовательский институт, в котором он работал): адрес ему дала его будущая

⁴ Бахтин М. М. : беседы с В. Д. Дувакиным. С. 23.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же.

⁷ Программа Орловского областного съезда в январе 1916 года по трудовой помощи беженцам // Протоколы и доклады Орловского областного съезда Всероссийского союза городов 17 и 18 января 1916 года. Орел : Типография В. С. Зайцева, 1916. С. 4–5.

⁸ Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1917 год. Орел : Изд-во Электр. тип. губ. правл., 1916. С. 25.

⁹ Мелихова Л. С. Записи воспоминаний Н. П. Перфильева (личный архив Л. С. Мелиховой).

¹⁰ Бахтин М. М. : беседы с В. Д. Дувакиным. С. 22.

¹¹ Мелихова Л. С. Записи воспоминаний Н. П. Перфильева.

жена, когда они решили пожениться. После заключения брака и переезда Натальи Михайловны в Москву супруги Перфильевы постоянно тесно общались с матерью и дочерью Ситниковыми. Когда в 1937 г. в Москву к Перфильевым приехал М. М. Бахтин со своей женой [15; 16], Елизавета Тихоновна познакомилась с ним. Возможно, она видела его в раннем детстве, но не помнила этого и знала его и его брата в основном по рассказам своей матери, а также Натальи Михайловны. По воспоминаниям Перфильева, его жена много и охотно рассказывала ему о старшем из своих братьев – Николае Михайловиче. Перфильев утверждал, что письма и открытки от брата из Северной Африки (когда он служил во французском Иностранном легионе) часто приходили на имя младшей из сестер Бахтиных; среди них было много открыток с фотоснимками экзотических животных. Все эти письма и открытки пропали во время войны, когда в комнату Перфильевых вселили семью милиционера с детьми (Наталья Михайловна находилась в Ленинграде и, как ее мать и сестры, умерла в 1942 г. во время блокады города, ее муж весной 1942 г. был призван на военную службу).

Как рассказал Н. П. Перфильев, в Москве в 1930-х гг. жили близкие родственники Варвары Захаровны Бахтиной и Александры Захаровны Ситниковой: «Две сестры, учительницы... Одна из них – мадмуазель, а другая имела сына, Бориса»¹². Возможно,

¹² Мелихова Л. С. Записи воспоминаний Н. П. Перфильева.

Рис. 2. Елизавета Тихоновна Ситникова. Конец 1920-х гг.

Fig. 2. Elizaveta Tikhonovna Sitnikova. Late 1920s

Источник: Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993.

Source: Konkin S.S., Konkina L.S. [Mikhail Bakhtin: (Pages of Life and Work)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1993.

это были дочери их брата – Ивана Захаровича Овечкина, однако точных данных об этом нет. В Москве жили и другие родственники Бахтиных и Ситниковых, которых Перфильев уже не застал в живых, но знал, где они были похоронены: их могилы на Введенском кладбище он посещал вместе с Елизаветой Тихоновной.

На этом кладбище был похоронен родной дядя и крестный мыслителя – Павел Николаевич Бахтин и его жена (под одним крестом). Имя жены нам пока неизвестно.

Вторая могила на Введенском кладбище, которую упомянул в беседе с Л. С. Мелиховой Н. П. Перфильев – могила «тети Мори – Марианны Владимировны», к которой, по его словам, Е. Т. Ситникова («Лизочки») относилась с большим уважением. Он видел в одном из хранившихся у нее семейных альбомов фотографию «тети Мори»: «... Очень красивая женщина была, небольшого роста. Какой-то идиот из окна вагона выбросил бутылку на полном ходу поезда, а она стояла. Ей попало в голову, изуродовало ей череп, но она в живых осталась, а потом после этого быстро умерла»¹³. Как мы выяснили, Перфильев имел в виду жену родного дяди Е. Т. Ситниковой по отцу – Павла Афанасьевича Ситникова, которую звали не Марианна, а Мариамна Владимировна (урожденная Матвеева). В сети Интернет можно найти фотокопию хранящейся в Центральном государственном архиве г. Москвы (ф. 2124, оп. 2, д. 110) метрической записи о бракосочетании, состоявшемся 9 сентября 1905 г. в Ермоловской церкви в Москве (на Садовой улице): орловский купеческий сын 2-й гильдии Павел Афанасьевич Ситников, православного вероисповедания, 29 лет, женился первым браком на тульской дворянке девице Мариамне Владимировне Матвеевой, православного вероисповедания, 25 лет; поручителями по жениху были дворянин Сергей Павлович Цуриков и почетный гражданин города Орла Василий Александрович Авилов, по невесте – орловский купец Сергей Афанасьевич Ситников (братья жениха) и коллежский регистратор Леонид Гавrilovich Костомаров¹⁴.

В издании «Дворянское сословие Тульской губернии», вышедшем в 1910 г., есть сведения о дворянке «Мар. Влад. Матвеевой», жене действительного статского советника. В 1903 г. она владела 534½ земли при деревне Должиково, в 1906 и в 1909 г. земли за ней по какой-то причине уже не было¹⁵. В писцовой книге 1578–1579 гг. поселение упоминается как «деревня Должикова на речке Ракитне» Раставского стана Каширского уезда. В 1857 г. в ней проживало 198 человек, по Клировым ведомостям 1915–1916 гг. здесь было 35 дворов и 245 человек¹⁶. К настоящему времени обезлюлевшая деревня стала частью села Узуново в городском округе Серебряные Пруды Московской области. Упоминавшаяся в этом издании персона – это не жена П. А. Ситникова (поскольку он не был действительным статским советником), но возможно, Мариамна Владимировна была родственницей ее мужа (на сегодняшний день это родство не доказано).

Поручитель по жениху Василий Александрович Авилов, вероятно, был родственником Ивана Алексеевича Авилова (также почетного гражданина города Орла) – директора вышеупомянутого Орловского городского общественного банка, который стал главным обвиняемым по делу о банкротстве. Можно предположить, что Авиловы состояли в родстве с Ситниковыми: оставшиеся в живых члены этих двух семейств не теряли связи друг с другом. 26 апреля 1972 г. Е. Т. Ситникова писала М. М. Бахтину, который находился в это время в доме отдыха писателей в Переделкино, что к ней

¹³ Там же.

¹⁴ Купцы земли Орловской – Генеалогический форум [Электронный ресурс]. URL: https://forum.vgd.ru/2172/86231/40.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁵ Дворянское сословие Тульской губернии. Т. IV (XII). Алфавитный список гг. дворян с указанием местонахождений их поместий в Тульской губернии. 1903–1910 гг. Составил В. К. Чернопятов. М. : Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. С. 38.

¹⁶ Там же.

приехал «на свой отпуск Саша Авилов, это сын Васи», но заболел радикулитом, поэтому не смог сопровождать ее на кладбище, «хотя и ему хотелось там побывать» (вероятно, там были похоронены и его или их общие родственники)¹⁷. «Вася Авилов» – это тот самый поручитель по жениху на церемонии бракосочетания ее дяди. Ситникова поясняет Бахтину, кто такой «Саша», но кто такой «Вася», он, судя по тексту ее письма, хорошо знает.

Второй поручитель по жениху – дворянин Сергей Павлович Цуриков, согласно книге «Вся Москва» на 1914 г., жил в доме № 3 по 1-й Брестской улице и работал в Московском губернском акцизном управлении¹⁸, в 1917 г. – в Московском окружном акцизном управлении¹⁹. Примечательно, что родной дядя мыслителя – Павел Николаевич Бахтин также работал в акцизном управлении: в выпуске книги «Вся Москва» на 1917 г. на одной странице указано, что в Московском окружном²⁰, на другой – в Московском губернском²¹. Несомненно, что они тесно общались.

В указанном издании упоминается также статский советник Николай Павлович Цуриков, живший по адресу: Аптекарский, 11. Он преподавал немецкий язык в Александровском коммерческом училище²² и был составителем учебного пособия для этого училища²³. Возможно, это брат Сергея Павловича.

Согласно Н. П. Перфильеву, позади могилы А. З. Ситниковой находились две могилы ее родственниц, имя одной из них он называл – «Марина Цурико?ва»: «Я у Лизы спрашивал, кто это такая, она пыталась объяснить, потом махнула рукой и сказала: «Я и сама не знаю, кто это такая, во всяком случае, родственница»»²⁴.

Леонид Гаврилович Костомаров впоследствии имел чин титулярного советника, жил в доме № 30 в Трубниковском переулке и работал контроллером Северной железной дороги²⁵. После революции 1917 г. его имя в адресной книге не встречается, однако в ней можно найти имя Павла Гавриловича Костомарова, жившего в доме № 19 по Хлебному переулку²⁶ – возможно, это его брат. Примечательно, что он работал в Госбанке, т. е. так же, как С. П. Цуриков, братья П. Н. и М. Н. Бахтины и, вероятно, братья Ситниковых, имел коммерческое образование. Очевидно, что представители родственных семейств Бахтиных и Ситниковых сохраняли тесные связи с орловчанами Авиловыми, а также с Цуриковыми – возможно, тоже орловчанами (в Орловской губернии жили дворяне Цуриковы).

Павел Афанасьевич Ситников жил в Москве по адресу: Цветной бульвар, 22, кв. 57. В июле 1919 г. (возможно, в связи с арестом в Орле его брата) он попал в поле зрения московской Чрезвычайной комиссии (МЧК). Сохранившаяся часть заведенного на него следственного дела находится сегодня в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

¹⁷ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – РГБ ОР). Ф. 913. Оп. 13. Д. 24. Л. 24.

¹⁸ Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1914 год. М. : Изд-во А. Н. Суворина «Новое время», 1914. Отдел III. С. 716.

¹⁹ Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1917 год. М. : Изд-во А. Н. Суворина «Новое время», 1917. Отдел III. С. 527.

²⁰ Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1917 год. М. : Изд-во А. Н. Суворина «Новое время», 1917. Отдел I. Стлб. 154.

²¹ Там же. Отдел III. С. 37.

²² Там же. С. 527.

²³ Темы и планы ученических сочинений / сост. Н. Цуриков, преп. Александр. коммерч. уч-ща. Ч. 1. М. : К. И. Тихомиров, 1895. [2], VIII, 142, IX с.

²⁴ Мелихова Л. С. Записи воспоминаний Н. П. Перфильева ...

²⁵ Вся Москва : Адресная и справочная книга на 1917 год. М. : Изд-во А. Н. Суворина «Новое время», 1917. Отдел III. С. 358.

²⁶ Алфавитный указатель адресов лиц, упомянутых в справочнике // Вся Москва : Адресная и справочная книга на 1928 год. М. : Товарищество А. С. Суворина «Новое время», 1928. С. 372.

Из текста акта от 22 июля 1919 г. следует, что по ордеру за № 5425 известный комиссар МЧК И. М. Хомяков (меньше чем через год после этого погибший в перестрелке с грабителями) в присутствии дворника дома Шуткова опечатал его квартиру: «Печати наложены ввиду того, что гр. Ситников находится в отпуске, и квартира осталась за ним» (рис. 3)²⁷.

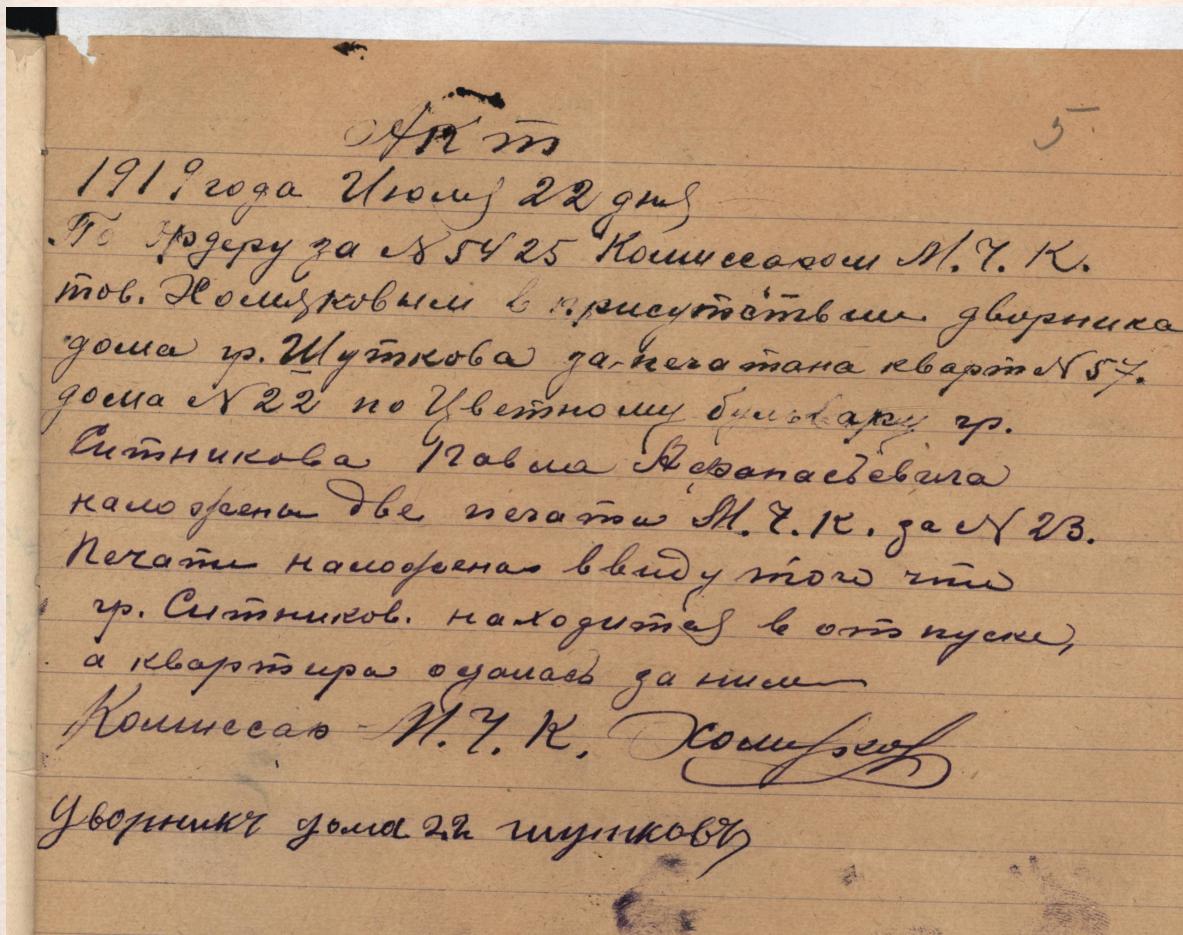

Рис. 3. Акт о наложении печатей на квартиру П. А. Ситникова, поданный И. М. Хомяковым. 22 июля 1919 г.

Fig. 3. Act on the imposition of seals on the apartment of P. A. Sitnikov, signed by I. M. Khomyakov. July 22, 1919

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 8.
Source: GARF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 8.

В квартире было несколько комнат, две из которых хозяин сдавал в аренду некоему А. Штокману, который обратился к начальнику следственной части отдела по борьбе с контрреволюцией Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) А. И. Ротенбергу с заявлением, содержащим просьбу распечатать квартиру, чтобы он мог попасть в свои комнаты: «К вещам Ситникова, который уехал в отпуск, у меня ключи не имеются» (рис. 4); Ротенберг накладывает на заявление резолюцию с требованием произвести обыск и снять печати с комнат, арендемых Штокманом (рис. 5, 6)²⁸.

²⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 8.

²⁸ Там же. Л. 4.

Р и с. 4. Заявление А. Штокмана с резолюцией А. И. Ротенберга. 23 июля 1919 г.
Fig. 4. Statement by A. Shtokman with resolution by A. I. Rotenberg. July 23, 1919

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 4.
Source: GARF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 4.

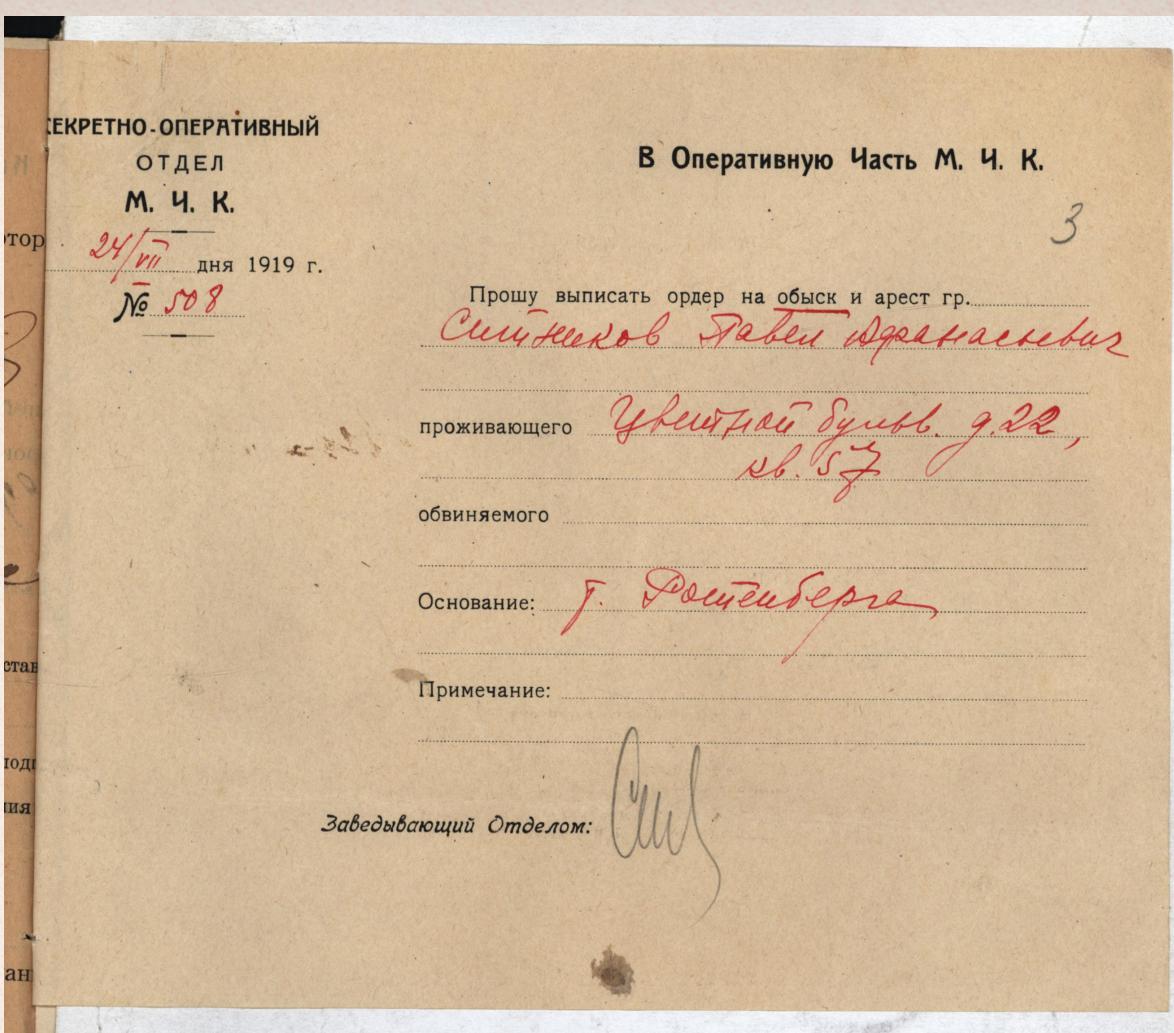

Рис. 5. Распоряжение А. И. Ротенберга о выдаче ордера на обыск в квартире П. А. Ситникова. 24 июля 1919 г.

Fig. 5. Order of A.I. Rotenberg to issue a search warrant for P. A. Sitnikov's apartment. July 24, 1919

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 3.
Source: GARF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 3.

24 июля 1919 г. по распоряжению А. И. Ротенберга был выписан ордер на обыск в квартире П. А. Ситникова (в документе записан год рождения хозяина – 1878 и его возраст – 41 год) (рис. 7)²⁹.

В этот же день обыск был произведен комиссаром МЧК Ю. И. Иессе. В комнатах хозяина ничего найдено не было, была лишь изъята коробка с монетами: небольшим количеством серебряных (на сумму 5 руб., 35 коп.) и медными (рис. 8)³⁰.

Вероятно, по возвращении из отпуска П. А. Ситников был арестован и содержался под стражей: он обвинялся по делу партии эсеров. (Следствие по делу партии социалистов-революционеров велось в Москве в 1921–1922 гг. и завершилось громким судебным процессом, проходившим с 8 июня по 7 августа 1922 г.) 20 февраля 1922 г. дело Ситникова было рассмотрено уполномоченным следственного отдела МЧК

²⁹ Там же. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 6.

Рудницким, который подвел итог: «Ввиду того, что в деле существенного материала не имеется и арестованного освобожден, ПОЛАГАЮ: делопроизводство прекратить и сдать в архив...»³¹.

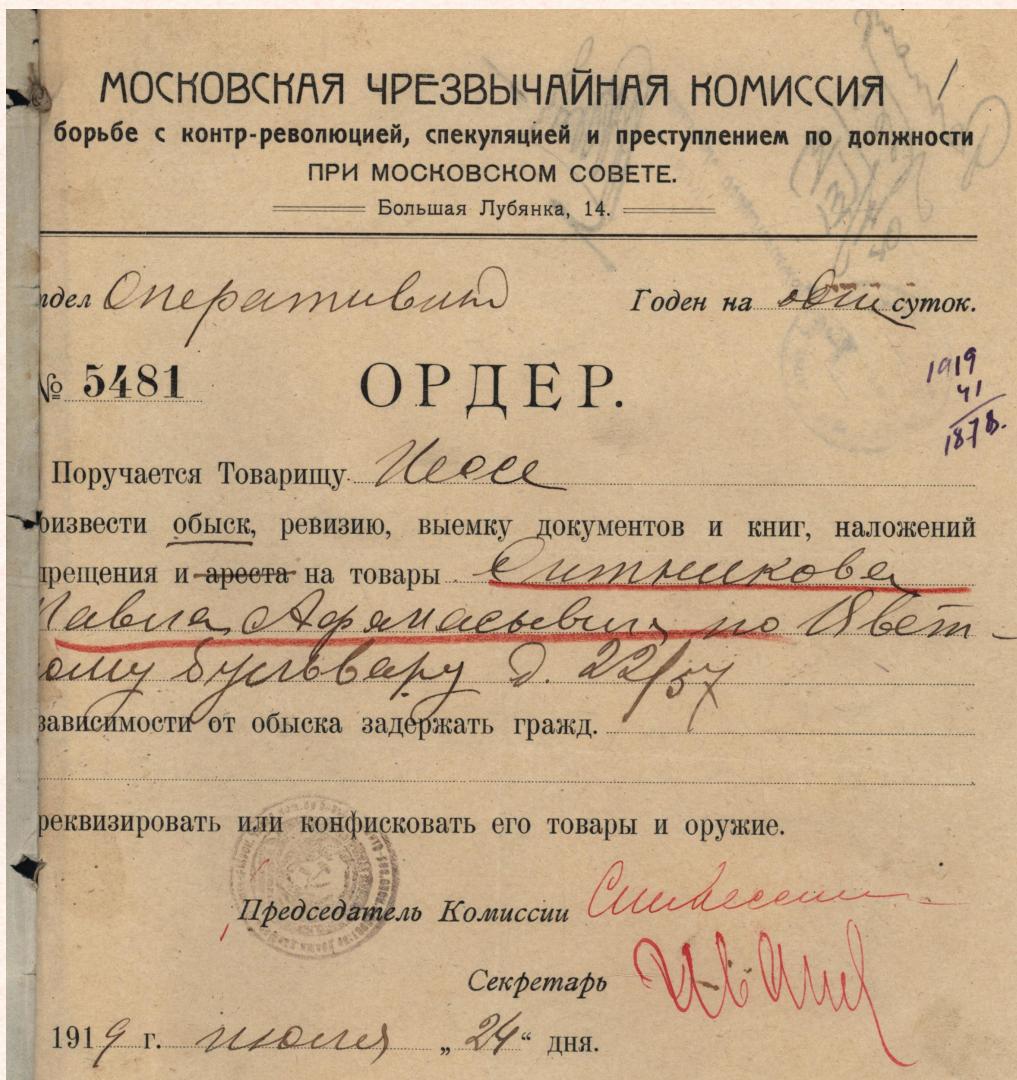

Рис. 6. Ордер на обыск в квартире П. А. Ситникова. 24 июля 1919 г.

Fig. 6. Search warrant for P. A. Sitnikov's apartment. July 24, 1919

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 1.
Source: GARF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 1.

Когда именно был освобожден П. А. Ситников, неизвестно. После освобождения он, судя по печатным источникам, уже не смог вернуться в свою квартиру. В книге «Вся Москва» на 1926 и 1927 гг. указан его адрес (Земляная ул., 36) и место работы (Химико-технологический институт им. Менделеева)³²: он являлся техническим секретарем Правления института³³. В последующих изданиях книги его имени уже нет – вероятно, в конце 1920-х гг. он умер.

³¹ Там же. Л. 9.

³² Вся Москва : адресная и справочная книга на 1926 год. М. : Товарищество А. С. Суворина «Новое время», 1926. Отдел V. С. 694; Вся Москва : адресная и справочная книга на 1927 год. М. : Товарищество А. С. Суворина «Новое время», 1927. Отдел V. С. 591.

³³ Вся Москва : Адресная и справочная книга на 1926 год... Отдел V. С. 462.

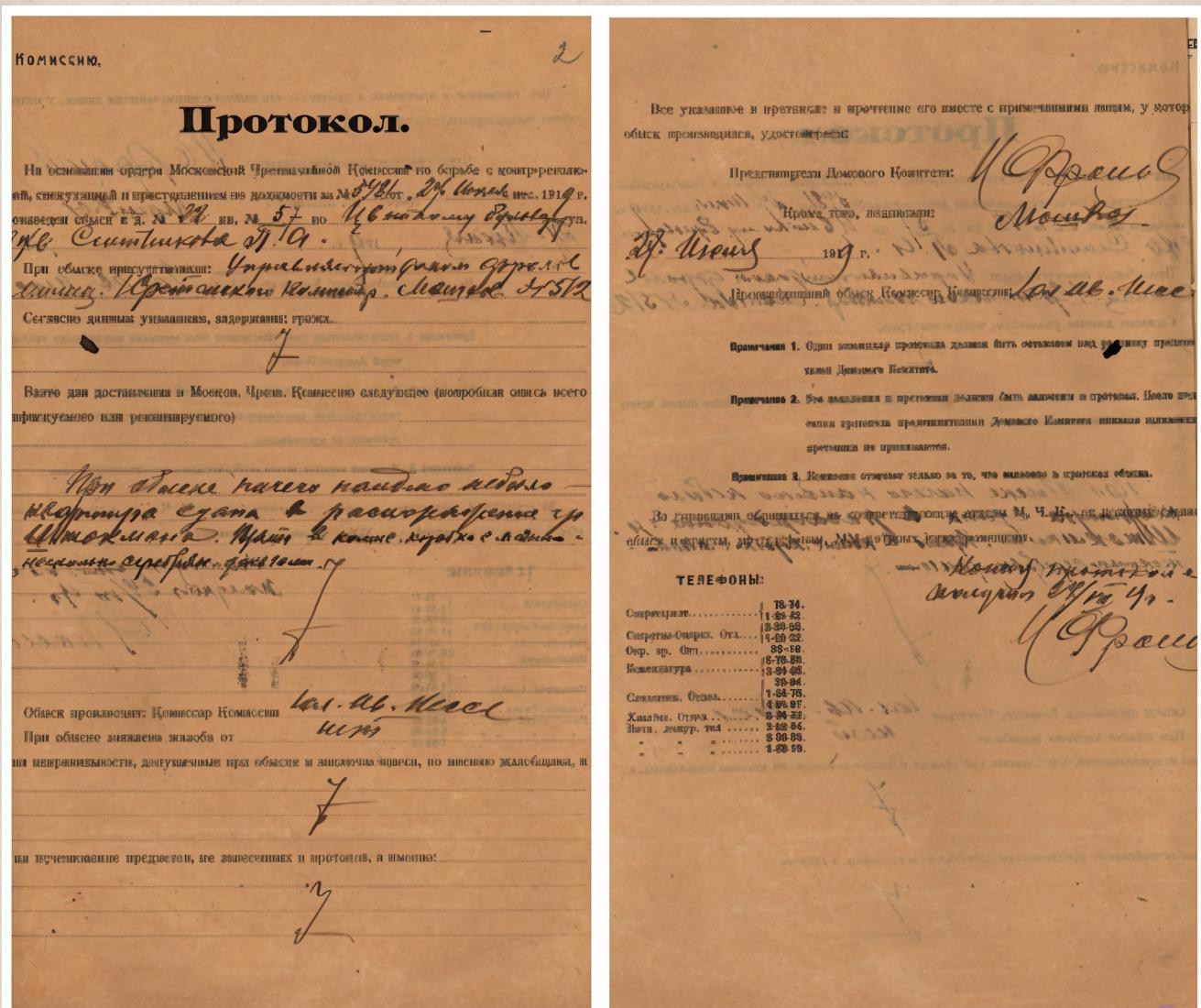

Рис. 7. Протокол обыска в квартире П. А. Ситникова. 24 июля 1919 г.

Fig. 7. Search report of P. A. Sitnikov's apartment. July 24, 1919

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 2-2 об.

Source: GARF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 2-2 back.

13 февраля 2004 г. постановлением прокуратуры Москвы П. А. Ситников был признан жертвой политических репрессий и реабилитирован. В заключении, подписанном старшим помощником прокурора города, указано, что сведений ни о самом реабилитируемом, ни о его родственниках не имеется, поэтому справка о реабилитации никуда не направлялась³⁴. Она находится в деле Ситникова³⁵.

³⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 10.

³⁵ Там же. Л. 11.

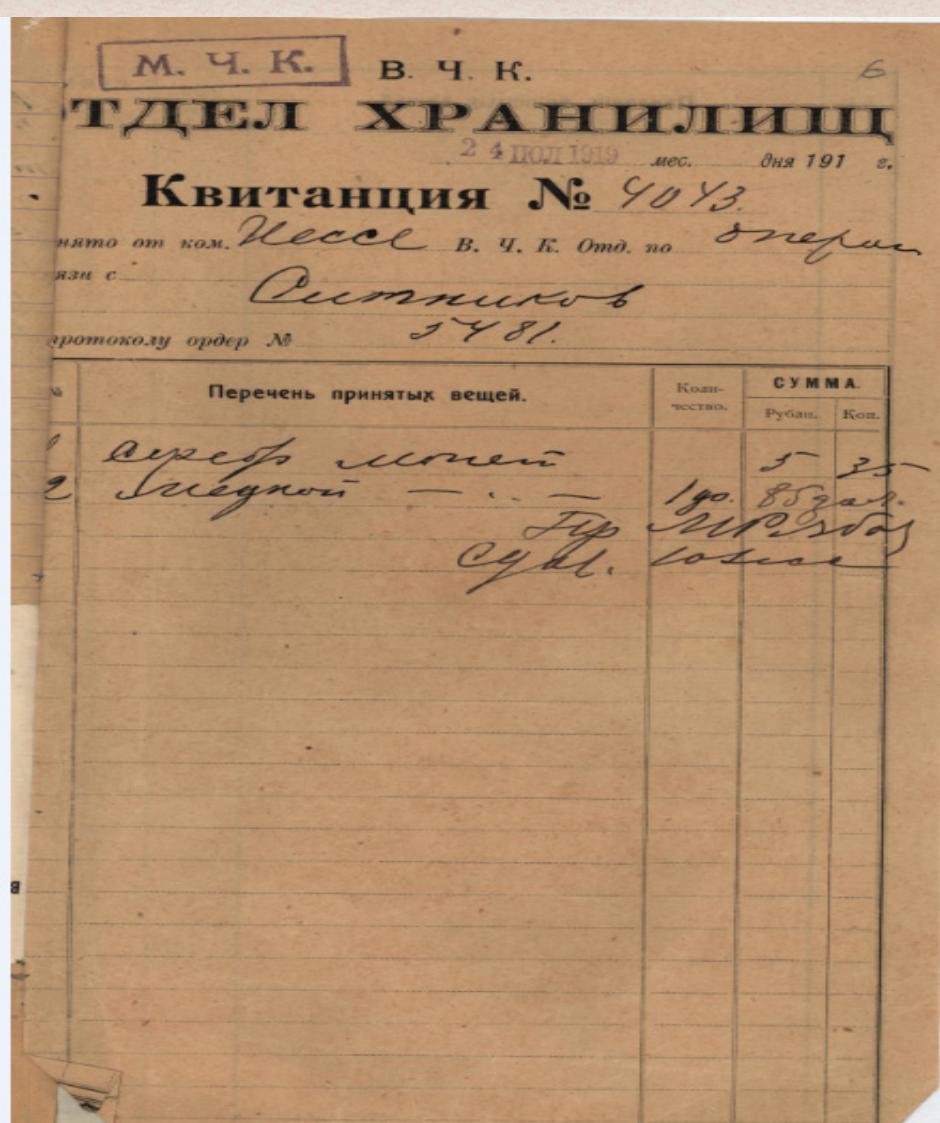

Рис. 8. Квитанция Отдела хранилищ МЧК о принятии монет, изъятых из квартиры П. А. Ситникова

Fig. 8. Receipt from the MChK Storage Department regarding the acceptance of coins confiscated from P. A. Sitnikov's apartment

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 6.
Source: GASF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 6.

К концу жизни Е. Т. Ситникова потеряла почти всех своих родных. В начале 1942 г. в блокадном Ленинграде умерла мать и все сестры М. М. Бахтина, через некоторое время (после войны?) скончалась в Москве ее мать. Елизавета Тихоновна тесно общалась с сыном Натальи Михайловны Андреем (который был вывезен из блокадного города родными отца, до 14 лет жил у них в Ленинграде, затем приехал в Москву) и его отцом Николаем Павловичем Перфильевым. Она была очень рада, когда в 1969 г. в Москву из Саранска на лечение приехали супруги Бахтины. С этого времени кузены возобновили по-родственному теплые отношения, однако виделись редко: оба были тяжело больны. В 1973 г. М. М. Бахтин в беседе с В. Д. Дувакиным говорил о Елизавете Тихоновне: «... к сожалению, она больна... у нее тяжелое заболевание: сосудистое... она даже не может выезжать, ходить и так далее, только с чужою помощью... В последний раз

я ее видел, она в больницу кремлевскую приезжала, когда мы там лежали. А теперь только по телефону сносимся с нею»³⁶. В личном архиве Бахтина сохранились письма и открытки от Ситниковой, датированные 1969–1974 гг.

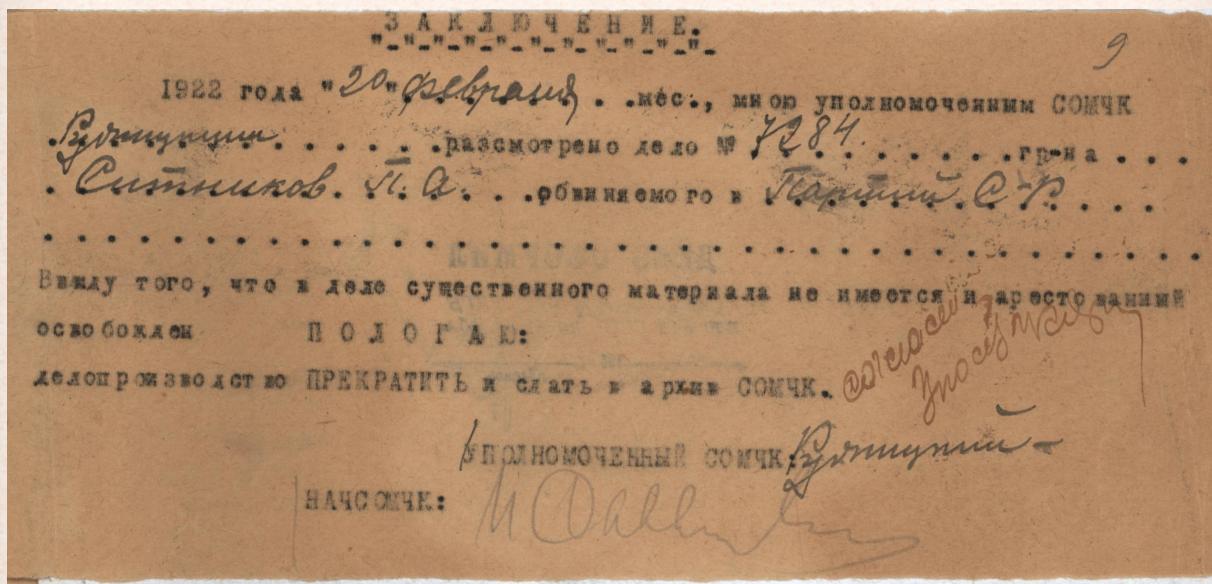

Рис. 9. Заключение по делу П. А. Ситникова. 20 февраля 1922 г.

Fig. 9. Conclusion on the case of P. A. Sitnikov. February 20, 1922

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 9.

Source: GARF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 9.

19 декабря 1969 г. Елизавета Тихоновна пишет супругам Бахтиным в кремлевскую больницу (по адресу: Москва, Центральная клиническая больница, 1-е терапевтическое отделение, палата 108): «... очень и очень хочется с Вами повидаться и поговорить. Ведь меня окружают очень хорошие люди, но они и чужие, и чуждые по духу, т[<]ак[>] ч[<]то[>] временами бывает очень трудно и тяжело... Очень хочу все знать о Вашем самочувствии и о Ваших планах. Надеюсь, что Андрюша (А. Н. Перфильев. – И. К., Л. Л.) поможет мне к Вам приехать в свои каникулы, мне ведь нужна рука, чтобы опираться <,> и самое плохое, что я потеряла уверенность в своих силах, а с кем-нибудь я могу двигаться прилично. Я очень рада, что Андрюша навещает Вас и делает это охотно и по своей инициативе. О себе ничего писать не буду, т. к. это выразится в перечисление многочисленных болезней, которые на меня навалились. Поговорим обо всем при встрече... Крепко Вас целую и желаю всем самого хорошего и доброго. Лиза»³⁷.

Судя по этому письму, от М. М. Бахтина (вероятно, через А. Н. Перфильева) Е. Т. Ситникова узнала, что уже почти два десятка лет нет в живых его старшего брата, который скончался в Бирмингеме (родные ничего не знали о его судьбе с конца 1920-х гг.): «Известие о Коле меня и порадовало, и очень огорчило. У меня в душе все жила надежда, что, может быть, хоть когда-нибудь мы увидимся или хоть получим от него письмо. Вероятно, и он вспоминал свою далекую родину и родных, которые там остались. Теперь уже с этим все кончено, я все время забываю, что человеческая жизнь имеет границы»³⁸.

³⁶ Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. С. 23.

³⁷ РГБ ОР. Ф. 913. Оп. 13. Д. 24. Л. 1.

³⁸ Там же.

ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

113184, Москва, Новокузнецкая ул., 27

β. 02.2004

№ 14-10-2004

П-58983

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр-н Ситников Павел Афанасьевич

Год и место рождения 41 год, сведений о месте рождения нет

Место жительства до ареста Москва, Цветной бульвар, 22, кв. 57

Место работы и должность (род занятой) до ареста сведений нет

Когда и каким судом осужден (репрессирован) Арестован 24.07.19 МЧК по политическим мотивам,
сведений о времени освобождения из-под стражи нет

Квалификация содеянного, мера наказания (основная и дополнительная), дата ареста 20.02.22
СО МЧК уголовное дело прекращено без указания оснований

На основании ст. 3 п. д и ст. 5 п. Закона РФ «О реабилитации жертв политических

репрессий» от 18 октября 1991 года гр-н Ситников П.А. реабилитирован(а).

Прокурор города

А.И. Зуев

Рис. 10. Справка о реабилитации П. А. Ситникова от 13 февраля 2004 г.
Fig. 10. Certificate of rehabilitation of P. A. Sitnikov, dated February 13, 2004

Источник: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58983. Л. 11.
Source: GARF. F. 10035. Op. 1. D. P-58983. L. 11.

Р и с. 11. Наталья Михайловна Перфильева (Бахтина) и Елизавета Тихоновна Ситникова.
Москва, вторая половина 1930-х гг.

F i g. 11. Natalia Mikhailovna Perfil'yeva (Bakhtina) and Elizaveta Tikhonovna Sitnikova.
Moscow, the second half of the 1930s

Источник: РГБ ОР. Ф. 913. Оп. 55. Д. 39.
Source: RSL MD. F. 913. Op. 55. D. 39.

Е. Т. Ситникова регулярно поздравляет Бахтиных со всеми основными праздниками советского времени (Новым годом, 1 Мая и даже с октябрьскими торжествами), а также с днем рождения и днем именин Михаила Михайловича. Так, 14 ноября 1970 г. она пишет в Климовск (Серпуховская ул., д. 1, комната бывш. 16): «Дорогой Миша! Сердечно поздравляю тебя со днем твоего рождения и со днем именин и желаю хорошего здоровья. Леночку поздравляю с дорогим именинником и тоже шлю свои наилучшие пожелания»³⁹. Она искренне беспокоится о состоянии здоровья Бахтиных: «... Желаю здоровья, здоровья и здоровья. Я часто о Вас спрашиваюсь по телефону и передаю Вам приветы, доходят ли они до Вас? Очень огорчаюсь, что Леночка стала хуже себя чувствовать, очень прошу Вас, дорогие, хорошенъко отлежаться, мне это очень помогает. Прямо лежите, не вставая несколько дней. Крепко Вас целую...», – говорится в ее письме от 5 ноября 1970 г.⁴⁰.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 8.

Е. Т. Ситникова дважды в год навещала все могилы своих родных на Введенском кладбище. Нередко ее сопровождал Н. П. Перфильев: «Я заказывал такси, я приезжал, и мы с ней вдвоем ездили. В последнее время Лизе было очень трудно ходить, поэтому мое присутствие было почти обязательным. Плохо ходила и мы с ней путешествовали. Все могилы обошли», – говорил он⁴¹.

В посланиях к М. М. Бахтину, отправленных после смерти его жены, которую похоронили также на Введенском кладбище, Е. Т. Ситникова часто говорит о посещении могил своих и его родных. Так, 20 января 1972 г. она пишет: «Дорогой Миша! Сегодня я воспользовалась любезностью моих соседей и ездила на кладбище, это традиционный день и я всегда посещаю своих любимых умерших. Всем отнесла по пучку елки и по пучку сосенки. Конечно, была на могилке Леночки и ей тоже положила таких же два пучка. У нее могилка в порядке, все венки с лентами целы и <вероятно> недавно у нее кто-то был, т. к. лежат свежие лиловые цветочки, я не знаю название этих цветов, но они очень приятно смотрятся, особенно в такое время года. Леночка лежит на одной тропинке с моей мамой, т<ак> ч<то> я хожу к маме всегда мимо Леночки. Сегодня дивный весенний (так в тексте. – И. К., Л. Л.) день, я думаю, что скоро будешь выходить гулять, на улице очень хорошо. Желаю тебе здоровья... Целую тебя. Лиза»⁴². 26 апреля того же года она сообщает: «Дорогой Миша! В последний день Пасхи мне удалось побывать на кладбище. Обычно своих родных я посещаю в первые дни Пасхи... Возила меня туда моя приятельница, мы почистили все могилки и у всех посеяли траву, взойдет или нет, я не знаю, всем положили вербу и яички. У Леночки на могилке делать было нечего, она хорошо ухожена, т<ак> ч<то> положила только розовое яичко. Могилка хорошо украшена и кругом посыпан песочек, т<ак> ч<то> смотрится она очень хорошо. Только все-таки начинается оседание земли, могилка стала низенькая и около нее появились впадины в земле. Очевидно, скоро надо будет заказывать или обкладку дерном или цветничок бетонный, это будет и прочно, и красиво... Целую. Лиза»⁴³.

30 апреля 1974 г. Е. Т. Ситникова рассказывает: «На Пасху отец Андрея (Н. П. Перфильев. – И. К., Л. Л.) возил меня на кладбище, всем положила яички, у Леночки всегда полный порядок и было одно яичко. Я положила еще одно»⁴⁴.

Елизавета Тихоновна интересовалась творчеством своего брата. 4 марта 1974 г., получив от него поздравление с праздниками (вероятно, с днем 8 Марта), она пишет: «Дорогой Миша! Благодарю тебя за поздравление с праздниками... У меня все, как и раньше, не лучше. Буду очень рада, если ты вспомнишь и пришлешь мне свою книгу о Достоевском... Целую тебя. Лиза»⁴⁵.

Через некоторое время, получив от него книгу и его фотопортреты, она отвечает: «Дорогой Миша! Очень была рада получить твои фотографии, ведь у меня совершенно нет твоих карточек. Маленькие снимки мне нравятся больше, чем большие. Благодарю тебя за присланную книгу и очень тронута теплой надписью, которую ты сделал. Ведь Достоевский <-> один из моих любимых писателей и мне очень интересен твой анализ его творчества. Крепко целую тебя и еще раз благодарю за все... Лиза»⁴⁶.

Н. П. Перфильев сообщил, что у Е. Т. Ситниковой хранились альбомы с большим количеством фотографий всех родственников. Вскоре после смерти М. М. Бахтина

⁴¹ Мелихова Л. С. Записи воспоминаний Н. П. Перфильева.

⁴² РГБ ОР. Ф. 913. Оп. 13. Д. 24. Л. 22.

⁴³ Там же. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 36.

⁴⁵ Там же. Л. 33.

⁴⁶ Там же. Л. 44.

(который был похоронен на Введенском кладбище – рядом со своей женой) Елизавета Тихоновна позвонила Перфильеву и рассказала, что к ней приходил какой-то человек, «пытал» ее об ученом и его родственниках: «страшно приставал и все выспрашивал»⁴⁷. Пожилая женщина была крайне напугана этим неожиданным визитом и просила Николая Павловича что-нибудь сделать, чтобы неизвестный больше к ней не приходил. Пережившая в раннем подростковом возрасте глубокий стресс, связанный с событиями революций 1917 г., гражданской войны, с бегством семьи из Орла и трагедией в Армавире, она, по словам Перфильева, «вообще всего боялась»⁴⁸. Он не знал, кто к ней приходил, но Л. С. Мелихова пришла к выводу, что это был С. С. Конкин, собиравший материал для своих исследований. Подробно расспрашивая Елизавету Тихоновну о родных, он невольно подтолкнул ее к решению уничтожить все хранившиеся у нее альбомы. Просто выбросить их она не могла: не хотела оставлять «на помойке», боялась, что кто-нибудь найдет, жалела, что у нее нет печи, где она могла бы собственно ручно сжечь бесценные документы. Ситникова оставила Андрею и Николаю Павловичу Перфильевым небольшую тетрадь – нечто вроде завещания, где, в частности, была просьба после ее смерти сжечь все альбомы: «Я одинокая женщина, со мной умирает все мое прошлое»⁴⁹. Волю сестры Бахтина выполнила дочь ее близкой приятельницы – Елены Дмитриевны Валериус: она сожгла альбомы на своей даче.

Елизавета Тихоновна Ситникова была погребена на Введенском кладбище рядом со своей матерью. Спустя много лет, в 2019 г. на этом же кладбище похоронили и последнего близкого родственника М. М. Бахтина – его племянника Андрея Николаевича Перфильева.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что, несмотря на все трагические катаклизмы, через которые пришлось пройти после революции 1917 г. Ситниковым, члены семьи стремились сохранять связь с остававшимися в живых близкими и дальними родственниками, чтить память об ушедших. Последней хранительницей этих связей и памяти была Елизавета Тихоновна. Выявленная информация позволяет понять, почему местом последнего пристанища М. М. Бахтина и его жены стало именно Введенское кладбище – там были похоронены все (или многие) его родственники, жившие в Москве.

Статья вносит вклад в исследование истории семьи Бахтиных и их ближайших родственников Ситниковых, углубляет представления об их окружении. Введенные в научный оборот ранее не известные архивные материалы существенно пополняют источниковую базу бахтиноведения. Материалы статьи могут быть полезны бахтиноведам, а также исследователям истории г. Орла и орловского купечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Осовский О. Е. О некоторых подходах к реконструкции биографии М. М. Бахтина: литературность, документальность и малое время в биографии литературоведа // Михаил Михайлович Бахтин: Проблемы изучения биографии и научного наследия : моногр. Вып. 1. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 5–26.
2. Васильев Н. Л. К биографии М. М. Бахтина и его родных в ленинградский период их жизни // Невельский сборник. Вып. 25. СПб. : Лема, 2019. С. 36–52.

⁴⁷ Мелихова Л. С. Записи воспоминаний Н. П. Перфильева.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

3. Clark K., Holquist M. *Mikhail Bakhtin: [A biography]*. Cambridge, Mass.; London : Belknap press of Harvard Univ. press, 1984. 398 p.
4. Кожинов В., Конкин С. Михаил Михайлович Бахтин: краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы (сборник статей). Саранск [Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева], 1973. С. 5–19.
5. Конкин С. С. О родословной Михаила Бахтина (новые архивные материалы) // Невельский сборник. Вып. 2., СПб. : Акрополь, 1997. С. 93–100.
6. Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.
7. Лаптун В. И. Михаил Бахтин: Саранск – Москва – Савёлово... и вновь Саранск (1937–1945) // Центр и периферия. 2015. № 4. С. 75–86. URL: <https://niign.ru/centrandperifiryia/4-2015.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).
8. Осовский О. Е., Киржаева В. П. Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья первая // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 4 (69). С. 89–101. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.011>
9. Осовский О. Е., Киржаева В. П. Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья вторая // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 90–102. <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.010>
10. Паньков Н. А. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.
11. Титов А. Ю. Родовая фамилия «Бахтины» (к научной биографии М. М. Бахтина). Реконструкция родословной семьи Бахтиных // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9, № 4. С. 160–171. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-5>
12. Грибанов А. Б. Н. М. Бахтин в начале 1930-х годов (к творческой биографии) // Шестые Тыняновские чтения : Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига : Зинатне ; М. : Импринт, 1992. С. 256–269.
13. Егоров Б. Ф. Общее и индивидуальное: братья Бахтины // Невельский сборник. Статьи и воспоминания. Вып. 1. СПб. : Акрополь, 1996. С. 22–27.
14. Осовский О. Е. Неслышный диалог: Биографические и научные созвучия в судьбах Николая и Михаила Бахтиных // М. Бахтин и философская культура XX в. : Проблемы бахтинологии. СПб., 1991. Вып. 1. Ч. 2. С. 43–51.
15. Клюева И. В. Елена Александровна Бахтина: опыт верификации биографической информации (к проблеме создания научной биографии М. М. Бахтина) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23, № 4 (64). С. 433–448. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.064.023.202304.433-448>
16. Клюева И. В., Лисунова Л. М. Елена Александровна Бахтина в воспоминаниях жителей Саранска // Бахтинский вестник. 2023. № 1 (9). URL: <https://bakhtiniada.ru/2658-5480/issue/view/16975> (дата обращения: 01.08. 2023).

REFERENCES

1. Osovsky O.E. On Some Approaches to the Reconstruction of the Biography of M.M. Bakhtin: Literary Nature, Documentary Nature, and the Short Time in the Biography of the Literary Scholar. In: [Mikhail Mikhailovich Bakhtin: Problems of Studying Biography and Scientific Heritage: Monograph]. Iss. 1. Saransk; 2010. p. 5–26. (In Russ.)
2. Vasiliev N.L. [On the Biography of M.M. Bakhtin and his Relatives in the Leningrad Period of their Life]. *Nevelsky sbornik*. Vol. 25. St. Petersburg: Lema; 2019. p. 36–52. (In Russ.)
3. Clark K., Holquist M. *Mikhail Bakhtin: [A biography]*. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard Univ. press; 1984. 398 p.
4. Kozhinov V., Konkin S. [Mikhail Mikhailovich Bakhtin: A Brief Essay on His Life and Work]. In: [Problems of Poetics and History of Literature (collection of articles)]. Saransk [N.P. Ogarev Mordovia State University]; 1973. p. 5–19. p. (In Russ.)
5. Konkin S.S. [On the Genealogy of Mikhail Bakhtin (New Archival Materials)]. *Nevelsky sbornik*. Vol. 2. St. Petersburg: Acropol; 1997. p. 93–100. (In Russ.)
6. Konkin S.S., Konkina L.S. [Mikhail Bakhtin: (Pages of Life and Work)]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo; 1993. (In Russ.)

7. Laptun V.I. Mikhail Bakhtin: Saransk – Moscow – Savyolovo... and Saransk again (1937–1945). *Center and Periphery*. 2015;(4):75–86. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/centrandperifiryja/4-2015.pdf> (accessed 20.01.2025).
8. Osovsky O.E., Kirzhaeva V.P. Mikhail Mikhaylovich Bakhtin: reconstructing a scholarly biography. Part 1. *Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2020;(4):89–101. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.011>
9. Osovsky O.E., Kirzhaeva V.P. Mikhail Mikhaylovich Bakhtin: reconstructing a scholarly biography. Part 2. *Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2021;(1):90–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.010>
10. Pankov N.A. [Issues of the Biography and Scientific Work of M.M. Bakhtin]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2009. (In Russ.)
11. Titov A.Yu. The Bakhtin Family Name: Scientific Biography of M. M. Bakhtin. Reconstruction of the Bakhtin Family Genealogy. *Research Result. Social Studies and Humanities*. 2023;9(4):160–171. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-5>
12. Gribanov A.B. [N.M. Bakhtin in the Early 1930s (Towards a Creative Biography)]. In: [6th Tynyanov Readings: Abstracts of Reports and Materials for Discussion]. Riga: Zinatne; Moscow: Imprint; 1992. p. 256–269. (In Russ.)
13. Egorov B.F. [General and Individual : The Bakhtin Brothers]. *Nevelsky sbornik*. Vol. 1. St. Petersburg: Acropol; 1996. p. 22–27. (In Russ.)
14. Osovsky O.E. Inaudible Dialogue: Biographical and Scientific Consonances in the Fates of Nikolai and Mikhail Bakhtin. In: [M. Bakhtin and the Philosophical Culture of the 20th Century: Problems of Bakhtinology]. St. Petersburg; 1991. Iss. 1. Part 2. p. 43–51. (In Russ.)
15. Klyueva I.V. Elena Aleksandrovna Bakhtina: An Attempt to Verify Biographical Information (On the Problem of Creating a Scientific Biography of M.M. Bakhtin). *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*. 2023;23(4):433–448. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2078-9823.064.023.202304.433-448>
16. Klyueva I.V., Lisunova L.M. Elena Aleksandrovna Bakhtina in the Memories of Saransk Residents. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2023;(1). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://bakhtiniada.ru/2658-5480/issue/view/16975> (accessed 24.04.2024).

Об авторах

Клюева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,
SPIN-код: 7205-8697,
e-mail: klyueva_irina@mail.ru

Лисунова Людмила Михайловна, кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь (Российская Федерация, г. Саранск),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2582-1186>,
SPIN-код: 6549-5265,
e-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru

Вклад авторов

И. В. Клюева – разработка концепции; развитие методологии; сбор данных и анализ литературы; написание текста.

Л. М. Лисунова – сбор данных; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.08.2025; одобрена после рецензирования 19.09.2025; принятая к публикации 23.09.2025.

About the authors

Irina V. Klyueva, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, analyst in M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,

SPIN-code: 7205-8697,

e-mail: klyueva_irina@mail.ru

Lyudmila M. Lisunova, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Inpendent Researcher (Saransk, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2582-1186>,

SPIN-code: 6549-5265,

e-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru

Authors' contribution

I. V. Klyueva – concept development; methodology development; data collection and literature analysis; text writing and scientific editing.

L. M. Lisunova – data collection; critical analysis and text revision.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 04.08.2025; revised 19.09.2025; accepted 23.09.2025.

ХРОНИКА / CRONICLE

<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.218-229>
EDN: <https://elibrary.ru/xrpxld>
УДК / UDC 82.09Бахтин

130-тилетие со дня рождения М. М. Бахтина

19 сентября 2025 г. в Центре М. М. Бахтина состоялся круглый стол, посвященный юбилейным датам: 120-летию со дня рождения Ивана Дмитриевича Воронина и 80-летию со дня возвращения (второго приезда) Михаила Михайловича Бахтина в Саранск.

Первая часть заседания – «“М. М. Бахтину с глубокой благодарностью...”: к 120-летию И. Д. Воронина» – была посвящена выдающемуся ученому – культурологу и литературоведу, основоположнику научного краеведения Мордовии Ивану Дмитриевичу Воронину (1905–1983) (рис. 1). Его труды о Саранске, литературных деятелях и достопримечательностях края заложили основы современного краеведения республики. О своем отце рассказала директор Центра М. М. Бахтина профессор **Н. И. Воронина**. Она подчеркнула, что ученого отличали невероятная отзывчивость, умение объединять людей и увлечь

Рис. 1. Выступление Н. И. Ворониной на заседании круглого стола
Fig. 1. Speech delivered by N. I. Voronina at the Academic Roundtable

Источник: все фотографии, использованные в данной статье, сделаны Р. Резеповым. 2025 г.
Source: all photos in this article are by R. Rezepov, 2025.

их общим делом. Участники круглого стола говорили о диалоге М. М. Бахтина и И. Д. Воронина, увидели книги, подаренные учеными друг другу.

Вторая часть мероприятия была посвящена 80-летию со дня второго приезда Михаила Михайловича Бахтина в Саранск. Ее лейтмотивом стала известная фраза мыслителя: «В Саранске мне было хорошо...». В начале октября 1945 г. Бахтин вернулся в город, который покинул летом 1937 г. Аналитик Центра, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов **И. В. Клюева** рассказала об особенностях послевоенной жизни главного вуза Мордовии, о роли Бахтина в воспитании нескольких поколений интеллигенции республики и о его влиянии на гуманитарное сообщество. Во второй период своего пребывания в Саранске ученый получил возможность подготовить к изданию свои книги о Достоевском и Рабле, известные сегодня во всем мире.

В заседании приняли активное участие сотрудники Центра М. М. Бахтина, преподаватели и студенты (2-го и 3-го курсов) филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Это был живой, заинтересованный разговор, который в очередной раз показал: история идей – это, прежде всего, история людей, их творческого взаимодействия.

20–21 сентября 2025 г. в Институте гуманитарных и естественных наук Китайско-го нефтяного университета (КНР, Пекин – Карамай) состоялась Международная научная конференция «Бахтин в Большом Времени: диалог цивилизаций и сообщество единой судьбы человечества», приуроченная к 130-летию со дня рождения М. М. Бахтина.

Организаторами конференции выступили Бахтинское исследовательское отделение Китайского общества китайского и зарубежного литературоведения, Научно-исследовательский институт «Тяньшань» Пекинского университета иностранных языков, Институт гуманитарных и естественных наук Китайского нефтяного университета, редакция журнала «Иностранный литературный теория и сравнительная поэтика».

Диалог в Большом Времени объединил ученых из разных стран мира. С приветственными словами к участникам конференции обратились секретарь партийного комитета и ректор Китайского нефтяного университета **Ли Цзюнь**; директор Института гуманитарных и естественных наук **Инь Вэнь**, председатель Бахтинского исследовательского отделения Китайского общества китайского и зарубежного литературоведения, профессор **Чжоу Цичао**.

Свое поздравление участникам конференции направил почетный член Китайской академии социальных наук, президент-основатель Китайского общества китайского и зарубежного литературоведения, главный редактор Собрания сочинений М. М. Бахтина, профессор **Цянь Чжуинвэнь**.

Работа форума проходила по нескольким направлениям: анализ достижений бахтиноведения в Китае (**Чжоу Цичао, Чжан Цзинь, Лю Мяовэнь, Дяо Кэли, Лин Имин**), проблемы рецепции наследия М. М. Бахтина (**В. Н. Захаров, С. А. Кибальник, Ван Цзясин, Сунь Е., Хун Синь** и др.), создание научной биографии мыслителя (**С. А. Дубровская, И. Л. Попова, Г. Тиханов**) и вызовы искусственного интеллекта (**В. И. Тюпа**). Отдельное внимание было уделено новому изданию «Собрания сочинений М. М. Бахтина» (2024).

Мордовский государственный университет на конференции представила заместитель директора Центра М. М. Бахтина профессор кафедры русского языка как иностранного **С. А. Дубровская** (рис. 2). Она выступила с докладом «Издания с маргиналиями М. М. Бахтина как новый источник для создания научной биографии мыслителя».

Рис. 2. С. А. Дубровская выступает онлайн на конференции в Китае

Fig. 2. S. A. Dubrovskaya speaks online at the conference in China

10 октября 2025 г. состоялась Третья Всероссийская научно-практическая лаборатория «Бахтин», приуроченная к 130-летию со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина и посвященная вопросам профессиональной идентичности актера российского уличного театра. В работе лаборатории приняли участие исследователи биографии и научного наследия М. М. Бахтина, литературоведы, филологи, культурологи, искусствоведы, теоретики и практики российской уличной театральной культуры. Лаборатория объединила участников из Москвы, Саранска, Архангельска, Тольятти, Кустаная и Орла.

Лаборатория открылась докладом **С. А. Дубровской** «Первые десять лет Центра М. М. Бахтина в Саранске». В нем была представлена история создания бахтинского мемориала в Саранске – от идеи Дома Бахтина до ее реализации как научно-образовательного (с мемориальной составляющей) Центра М. М. Бахтина в Мордовском государственном университете. Дубровская познакомила участников с результатами деятельности Бахтинского центра, направленными на обобщение опыта изучения наследия Бахтина и создание научной биографии мыслителя (проект «Бахтинская энциклопедия», проект «Маргинации М. М. Бахтина на изданиях из личной библиотеки ученого и других книгохранилищ: опыт публикации, комментария и реконструкции контекстов»).

14–16 октября в Москве состоялась Международная научная конференция «“Большое время” Михаила Бахтина. К 130-летию со дня рождения мыслителя».

Форум собрал исследователей из России и других стран мира: Беларуси, Бразилии, Израиля, Китая, Турции. В течение трех дней на четырех московских площадках философы и филологи, психологи и педагоги, культурологи и историки, социологи и политологи делились открытиями, вступали в диалог, дискутировали.

Открывая форум, председатель оргкомитета конференции, доктор философских наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, руководитель сектора философии культуры Института философии РАН **Н. А. Касавина** подчеркнула особую роль Центра

М. М. Бахтина в сохранении наследия мыслителя и объединении ученых в «большом времени» науки и культуры.

С приветствиями к участникам обратились: **А. В. Смирнов**, доктор философских наук, академик РАН, член-корреспондент РАН, ВРИО Первого заместителя директора по научной работе Института философии РАН, Президент Российского философского общества; **А. Г. Асмолов**, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, научный руководитель Московского института психоанализа, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, научный руководитель Школы антропологии будущего РАНХиГС; **С. А. Дубровская**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора по научной работе Центра М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева; **Д. П. Бак**, кандидат филологических наук, директор ФГБУК «Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля», член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, заведующий кафедрой истории русской литературы новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета.

Открытие конференции в Институте философии РАН сопровождалось выставкой изданий «Слово и бытие: Бахтин и русская философия культуры» и выставкой материалов саранского Центра М. М. Бахтина.

Магистральное направление пяти пленарных заседаний конференции – М. М. Бахтин в истории мысли – подтвердило непреходящее значение наследия мыслителя, его идей и концепций для всего комплекса наук о человеке.

Секционные заседания были посвящены проблемам изучения методологии гуманитарных наук М. М. Бахтина, поэтики русской литературы, философии сознания, поступка и ответственности, а также применению бахтинских идей диалога, хронотопа и полифонии в анализе художественного и культурного пространства.

На секциях выступили ученые из Саранска. Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва представили **И. В. Клюева**, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М. М. Бахтина («Проблема интермедиальности в творческом сознании М. М. Бахтина»); **Е. А. Коваль**, доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения («Другой vs искусственный Другой в архитектонике поступка»); **А. Н. Сомкина**, соискатель кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения («Диалог как социальная ценность в творчестве Михаила Бахтина»); **А. А. Сомкин**, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой теории речи и перевода («Идеи М. М. Бахтина и их роль в формировании новой парадигмы современных гуманитарных наук»).

С докладом на конференции также выступил **О. Е. Осовский**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсеевьева («Полвека без Бахтина: освоение наследия мыслителя как вызов для современной гуманитаристики»)¹.

13 ноября 2025 г. в Центре М. М. Бахтина состоялось очередное заседание проекта «Эрьзя-Бахтинский ридинг: текст, образ, искусство сегодня». Проект реализуется с 2022 г. совместно с Мордовским республиканским музеем изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи. Модераторами регулярно проводимых мероприятий проекта являются аналитик Центра М. М. Бахтина **И. В. Клюева** и заведующий научно-исследовательским отделом МРМИИ им. С. Д. Эрьзи **В. Б. Махаев**. Заседание было посвящено

¹ Представление работы конференции с фотографиями см. здесь: <https://dzen.ru/a/aQH0XmPBVChkTv1Z>.

книге М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», юбилей которой (60 лет со дня издания) отмечается в 2025 г. Как известно, мыслитель начал работать над этой темой в 1930-х гг., подготовив первый вариант рукописи (для защиты в качестве диссертации) в 1940 г. На заседании рассматривались две концепции телесного низа, сформированные в первой половине XX в. и нашедшие выражение в текстах Бахтина о народной смеховой культуре и в скульптурной пластике стиля модерн, ярким представителем которой явился Эрьзя. Участники анализировали соотношение народной и элитарной культур в творчестве скульптора, в частности, в его трактовке обнаженной натуры. Образ человеческого тела занимает одно из ключевых мест в наследии Эрьзи. Широко известны его произведения «Отдых» (1915), «Страсть» (1917), «Ева» (1919), «Женская фигура. Утро» (1926), «Лeda и Лебедь» (1922, 1929), «Танец» (1929), «Обнаженная» (1930), «Спящая мать» (1937) и др. В искусстве модерна тело человека неразрывно связано с чувственной страстью, сексуальным соблазном. Для Эрьзи страсть – это порожденная языческим культом жизненная стихия, вырастающая до вселенского экстаза. Его целомудренно-соблазнительные образы отличаются эротической смелостью, в целом нехарактерной для отечественной скульптуры. В заседании приняли участие студенты Института научных технологий и новых материалов (рис. 3).

Р и с. 3. Модераторы И. В. Клюева и В. Б. Махаев
среди участников заседания ридинга

F i g. 3. Moderators I. V. Klyueva and V. B. Makhaev among
the participants of the reading session

17 ноября 2025 г., в день 130-летия со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина, торжества начались у памятника мыслителю, где собрались преподаватели и студенты Мордовского университета им. Н. П. Огарёва. Ректор Д. Е. Глушко в своей

речи отметил значимость СЛОВА БАХТИНА для всего мира, подчеркнув, что является свидетелем изучения трудов мыслителя и включения их в образовательные программы в вузах Китая, Индии, Киргизии. Он также указал, что современную мировую науку и культуру невозможно представить без бахтиноведения, в развитии которого весомый вклад принадлежит и саранским исследователям. Закончилась церемония возложением цветов к памятнику (рис. 4).

Рис. 4. Ректор Д. Е. Глушкин возлагает цветы
к памятнику М. М. Бахтина

Fig. 4. Rector D. E. Glushko lays flowers
at the monument to M. M. Bakhtin

VII Международный научный семинар «Бахтин в мире слова», посвященный 130-летию со дня рождения М. М. Бахтина и 60-летию книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса».

В течение двух дней ученые из России, Беларуси, Бразилии, Израиля, Китая и Узбекистана вели диалог со словом Бахтина, делились открытиями, размышляли о «большом времени» его идей и фактах «малого времени» жизни мыслителя (рис. 5, 6).

На первом заседании были представлены новые переводы книги М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» на английский (Сергей Сандлер) и португальский (Шейла Грилло, Екатерина Волкова Америко) языки. Прозвучали доклады, проясняющие эпизоды личных и научных встреч и диалогов мыслителя с современниками.

Рис. 5. Саранские участники семинара в Центре М. М. Бахтина
Fig. 5. Saransk participants of the seminar at M. M. Bakhtin Center

Проблемы, вынесенные на второе заседание семинара, могут быть охарактеризованы как «испытание Бахтиным». Были представлены доклады, посвященные современному состоянию бахтиноведения в России и мире, восстановлению его культурно-исторического и идеологического контекстов его творчества, а также педагогическому потенциалу идей мыслителя.

На семинаре выступили сотрудники Центра М. М. Бахтина. С. А. Дубровская представила доклад «Возможно, что-то изменилось даже в Романе Михайловиче»: комментарий к “темным местам” диалога М. М. Бахтина и Р. М. Самарина» (в соавторстве с О. Е. Осовским). И. В. Клюева выступила с докладом «Как создавался “Рабле”: московско-савеловский период биографии М. М. Бахтина» (в соавторстве с Л. М. Лисуновой).

Рис. 6. Начало работы семинара в режиме онлайн. Участники: ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета Д. Е. Глушко, ученые из Саранска, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Беэр-Шева (Израиль), Сан-Паулу (Бразилия)

Fig. 6. The online seminar begins. Participants: Rector of the National Research Mordovia State University D. E. Glushko, and scientists from Saransk, Moscow, Novosibirsk, St. Petersburg, Be'er Sheva (Israel), and São Paulo (Brazil)

Был также проведен круглый стол «Маргиналии М. М. Бахтина на изданиях из личной библиотеки ученого и других книгохранилищ: опыт публикации, комментария и реконструкции контекстов», посвященный результатам работы в рамках реализации научного проекта (грант РНФ № 24-28-00061). Доклады руководителя проекта С. А. Дубровской и членов научного коллектива (М. А. Бабушкиной, А. Д. Владимировой, О. О. Осовского) представили издания с маргиналиями М. М. Бахтина, обнаруженные в его личном архиве и в фондах Научной библиотеки им. М. М. Бахтина Мордовского государственного университета. Участники продемонстрировали сохранившиеся на изданиях карандашные пометы мыслителя и проанализировали степень его внимания и характер осмыслиения к конкретным фрагментам. Диалог с Бахтиным в БОЛЬШОМ времени вновь подтвердил непреходящее значение его наследия для современного гуманитарного знания.

17 ноября Государственный русский драматический театр Республики Мордовия к 130-летию М. М. Бахтина представил премьеру спектакля о жизни М. М. Бахтина в Саранске «Человек БОЛЬШОГО времени».

20–21 ноября 2025 г. на родине М. М. Бахтина, в Орле, на базе философского факультета Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева состоялась **Всероссийская научно-практическая конференция «Творческое наследие М. Бахтина и современность (к 130-летию со дня рождения)»**.

В форуме приняли участие ученые и молодые исследователи из Белгорода, Орла, Москвы, Ростова-на-Дону и Вены (Австрия). В рамках конференции прошло несколько мероприятий: секции «Философское наследие М. М. Бахтина», «Образ будущего как диалог прошлого и настоящего», молодежная секция «Вопросы культуры и политики в оценках молодых исследователей», Круглый стол: «Кому на Руси жить хорошо?! Кто виноват?! Что делать?!», межвузовский философский семинар «Медленное чтение текстов М. М. Бахтина». На пленарном заседании конференции выступили сотрудники саранского Центра М. М. Бахтина С. А. Дубровская (с докладом «Бахтин, Пинский и Рабле: диалоги в “большом” и “малом” времени») и И. В. Клюева (с докладом «Михаил Николаевич и Павел Николаевич Бахтины: факты из биографии отца и дяди мыслителя»).

21–22 ноября 2025 г. в Санкт-Петербурге прошла II-я Международная научная конференция и круглый стол «У истоков культурологии: предтечи и основоположники». Организаторами конференции стали кафедра теории и истории культуры Российской государственной педагогической университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский центр культурологии на базе РГПУ им. А. И. Герцена, кафедра теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры в партнерстве с Центром фундаментальных исследований в сфере культуры Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (в рамках научного и просветительского цикла «Генезис культурологии»). Мероприятие было приурочено к 145-летию со дня рождения Андрея Белого и Освальда Шпенглера, 130-летию М. М. Бахтина, 125-летию Л. Э. Уайта, 110-летию А. И. Арнольдова, 95-летию Э. С. Маркаряна и С. Н. Иконниковой, 75-летию А. Я. Флиера.

В форуме приняли участие известные ученые и молодые исследователи из Петербурга, а также гости северной столицы из городов России (Гатчина, Иваново, Казань, Калининград, Кемерово, Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Саранск, Ставрополь, Сыктывкар, Челябинск, Якутск и др.) и других стран: Армении (Ереван), Республики Беларусь (Минск), Ирана (Тегеран), Словакии (Банска Бистрица) и др. Саранск и Национальный исследовательский Мордовский государственный университет на конференции представляли доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М. М. Бахтина И. В. Клюева и доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов О. В. Рубчинская.

Новые поступления в Центр М. М. Бахтина

Виталий Львович Махлин – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) подарил Центру новое монографическое исследование: «Я и Другой: к истории диалогического принципа в философии XX века» (М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 258 с. (Серия «Древо смыслов») (рис. 7). Книга посвящена малоизученному направлению в истории философии XX в. – «диалогическому мышлению». На материале работ инициаторов этого направления в Западной Европе (М. Бубер, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер) и в России (М. М. Бахтин) ставится историко-философская и научно-гуманитарная проблема, имеющая два взаимосвязанных методологических решения, которые позволяют реконструировать истоки и творческий путь упомянутых мыслителей и рассмотреть диалогизм в общественно-историческом опыте мира жизни – области гуманитарных наук и «исторической философии».

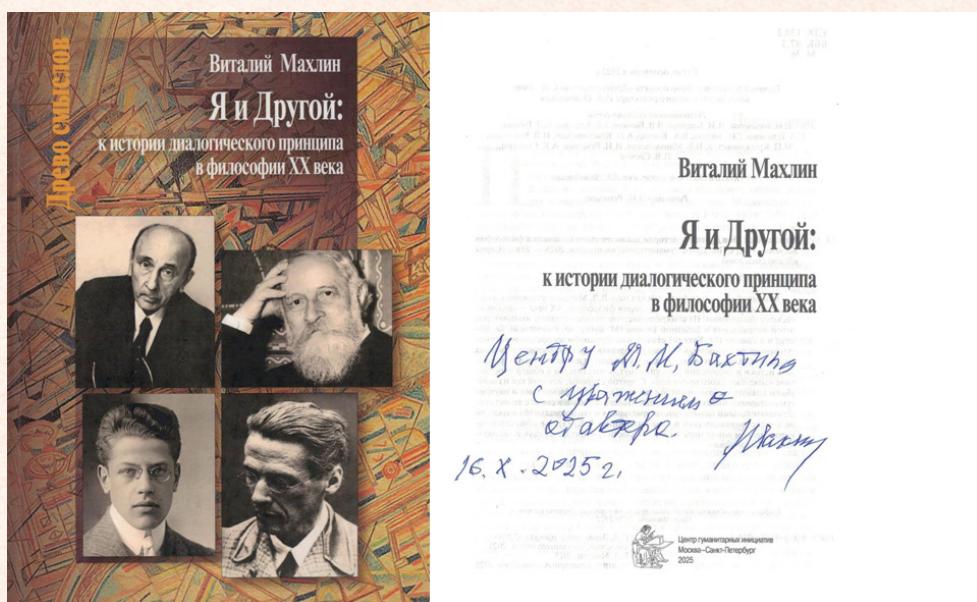

Рис. 7. Книга В. Л. Махлина с дарственной надписью

Fig. 7. The book by V. L. Makhlin with a dedicatory inscription

Анатолий Андреевич Дуров – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и библиотековедения Ставропольского государственного университета, режиссер Театра-лаборатории «Пятый этаж», актер Ставропольского драматического театра им. М. Ю. Лермонтова подарил Центру две свои книги.

В сборнике статей и эссе «Народная культура и проблема становления творческой личности в “минуты роковые”» (Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 224 с.) (рис. 8) можно наблюдать процесс становления творческой личности: формирование тела и души, рождение духа, воспитание человека умелого, «возвращение домой» и др. Автор обращается к произведениям М. А. Булгакова, Ю. П. Кузнецова, Л. М. Леонова, М. Ю. Лермонтова, В. В. Набокова, В. М. Шукшина. Подвергая «трансляции» не только проблемы нравственной культуры и ее составляющих, он выводит галерею типологических образов как в народном творчестве, так и в художественной литературе: «ритуал», «Правда/Истина», «Свобода», «Сила», «праздник со слезами на глазах», «игра с огнем» и др. Привлекают в данной работе «субъективные авторские размышления. Подобная субъективность, выражая разные умонастроения и импульсы, – это

художественное выражение интереса к всевозможным сдвигам во внутренней жизни человека, к глубинным пластам его личности» – подчеркивает редактор книги Анна Дудченко.

Монография «Трансляция народной культуры в русской прозе второй половины XX века (в свете концепции М. М. Бахтина)» (М.: Изд-во «Альпен-Принт», 2024. 464 с.) (рис. 9) представляет собой, как пишет автор, «первое в отечественной науке исследование взаимодействия народной культуры и литературы в аспекте субъектно-субъектных, диалогических отношений».

Рис. 8. Сборник статей и эссе А. А. Дурова с дарственной надписью
Fig. 8. The collection of articles and essays by A. A. Durov with a dedicatory inscription

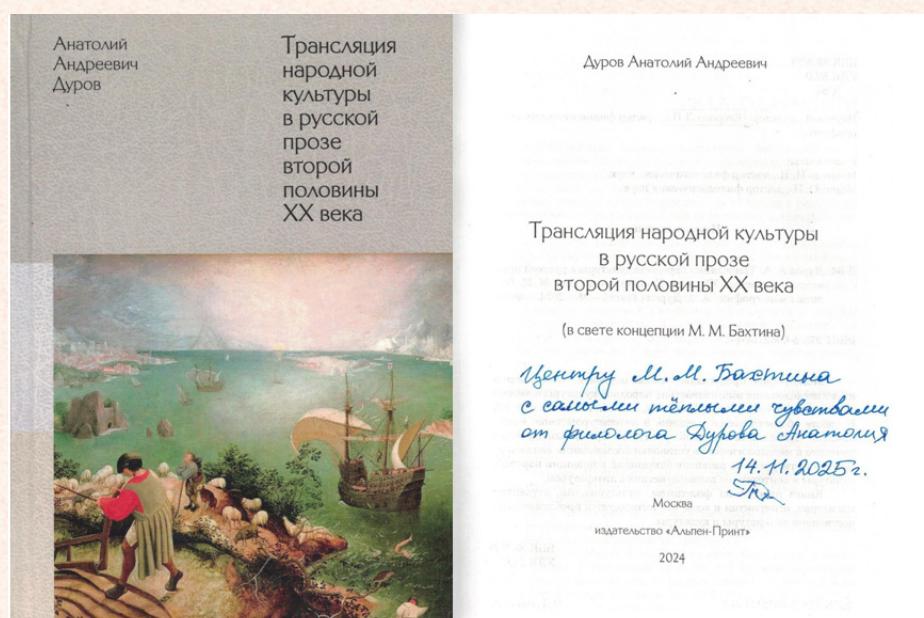

Рис. 9. Монография А. А. Дурова с дарственной надписью
Fig. 9. Monograph by A. A. Durov with a dedicatory inscription

В работе обосновывается введение в литературоведение нового понятия “трансляция народной культуры”, что явилось результатом творческого развития бахтинской концепции народной культуры в контексте ее взаимодействия с литературой». В исследовании широко представлены методологические и теоретические проблемы трансляции народной культуры в литературе, смысловые формы трансляции в прозе второй половины XX в. на уровне картины мира, моделей мира, моделей универсумов, а также рассматриваются «предельные ценности» народной культуры: «Правда-Истина», «традиционный образ дурака», «народная метафизика зла».

Безусловно, все эти издания будут востребованы читателями и исследователями.

18 декабря среди студентов 3-го курса Института наукоемких технологий и новых материалов (направление подготовки «Радиоэлектронные системы и комплексы», профиль «Радиосистемы и комплексы управления») в рамках курса «Культурология» был проведен конкурс на лучшую экскурсию «Мой Бахтин». Под руководством доцента **И. В. Ключевой** участники конкурса подробно рассмотрели два саранских периода биографии М. М. Бахтина и разработали собственные маршруты виртуальной экскурсии по Саранску, рассказывающие о городских достопримечательностях, связанных с именем мыслителя. Лучшей была признана работа, подготовленная **Львом Авдюшкиным и Никитой Ведяйкиным** (рис. 10).

Рис. 10. Студенты Л. Авдюшкин и Н. Ведяйкин представляют свою экскурсию

Fig. 10. Students L. Avdyushkin and N. Vedyakin present their excursion

Завершившийся Год М. М. Бахтина в Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарёва стал временем не только подведения определенных итогов в области бахтиноведения, но и открытия новых исследовательских горизонтов. Значительную роль в этом сыграли ученые Саранска, в первую очередь – сотрудники

университетского Центра М. М. Бахтина. Они приняли активное участие в организации и проведении мероприятий, описанных в данном и предыдущем номерах «Бахтинского вестника», а также опубликовали в юбилейный год в отечественных научных журналах целый ряд статей, открывающих неизвестные страницы научной деятельности и жизненного пути мыслителя.

Об авторах

Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, директор Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>,
SPIN-код: 1783-1554,
e-mail: kafkmgu@mail.ru

Клюева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,
SPIN-код: 7205-8697,
e-mail: klyueva_irina@mail.ru

Поступила в редакцию 25.11.2025; принята к публикации 28.11.2025.

About the authors

Natalya I. Voronina, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, Director of M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>,
SPIN-code: 1783-1554,
e-mail: kafkmgu@mail.ru

Irina V. Klyueva, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, analyst in M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,
SPIN-code: 7205-8697,
e-mail: klyueva_irina@mail.ru

Submitted 25.11.2025; accepted 28.11.2025.

РЕЦЕНЗИЯ / REVIEW

<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.230-233>

EDN: <https://elibrary.ru/wbubgm>

УДК / UDC 002:82.09(049.32)

**Новая книга по теории литературы. Рецензия на книгу:
Ефименко А. Е. Фигура аналепсиса и система ее мотивировок.
М. : Издательский дом ЯСК, 2025. 360 с. (Studia philologica.)**

С. А. Дубровская

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация
s.dubrovskaya@bk.ru

**A New Book on Literary Theory. Review of the Book:
Efimenko A.E. The Figure of Analepsis and the System of Its Motivations.
Moscow: YASK; 2025. 360 p. (Studia philologica.)**

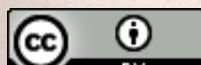
S. A. Dubrovskaya

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
s.dubrovskaya@bk.ru

«Бахтинский вестник» уже анонсировал выход монографии по теории литературы работающего в Китае российского исследователя, кандидата филологических наук Александра Евгеньевича Ефименко «Фигура аналепсиса и система ее мотивировок»¹. Книга, подготовленная под научным руководством одного из основателей отечественной нарратологии профессора Российского государственного гуманитарного университета В. И. Тюпы, является первым опытом в области порождающей нарратологии.

Как подчеркивается в предисловии, основное внимание в книге уделено «описанию различных типов мотивировок как нарративного механизма, вызывающего в нарратории аналепсис» (с. 13). Свои задачи А. Е. Ефименко видит в том, чтобы «показать перспективность понимания аналепсиса как фигуры порождения нарратории»; «предложить новую концепцию нарративных мотивировок»; «доказать закономерность порождения или непорождения аналепсиса в нарратории»; «показать порождающий потенциал аналепсиса» (с. 17). Сразу отмечу, что в книге не только решены

¹ Воронина Н. И., Дубровская С. А., Клюева И. В. Хроника // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 104–111. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.104-111>

поставленные задачи, но и намечены перспективы дальнейшего исследования проблемы с аргументированным выбором направлений и художественного материала.

В изучении фигуры аналепсиса в порождающем аспекте автор опирается на идеи и концепции классической, а не постклассической нарратологии, предпочитает структуралистские, а не постструктураллистские подходы, убедительно обосновывая свою позицию и в предисловии к книге, и в процессе разворачивающегося исследовательского сюжета.

Книга состоит из трех глав. Первая глава – «Аналепсис, его типы и функции» – представляет своего рода концептуально-теоретическое обоснование научного подхода. В главе проведена реконструкция истории становления теории аналепсиса. Автор, аналитически рассматривая базовые установки нарратологии, анализируя концепции и представляя уровни нарратива, подчеркивает важнейшие для его исследования различия «между уровнем нарративной истории и уровнем нарратории, а также между их единицами: событием и эпизодом» (с. 110). Представленный в первой главе комплексный анализ типов аналепсиса, различающихся по ряду семантических и нарративных признаков, выявление и описание нарративно-семантических особенностей аналепсиса подготавливают читателя к восприятию закономерностей появления аналепсиса в нарративе. Этому посвящены вторая и третья главы монографии.

Во второй главе автор представляет детально разработанную систему нарративных мотивировок аналепсиса. Открывается глава исследованием вопроса о категории мотивировки как таковой и ее типологии. Рассматривая историю изучения теории мотивировки (от работ В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума и Б. В. Томашевского до А. П. Чудакова, В. Шмида и Х. Фэрнлёфа), автор приходит к выводу о недостаточном и крайне одностороннем исследовании этой категории. Выход из создавшейся ситуации автору видится в обращении к истокам – «к подлинным идеям всех создателей категории мотивировки, к которым относятся как русские формалисты, так и те немногие структуралисты, которые смогли найти проявления не только “реальной”, или диегетической, мотивировки, но и “художественной” мотивировки» (с. 132).

Переходя к описанию частного случая мотивировки – мотивировки аналепсиса, А. Е. Ефименко стремится показать, что «фигура аналепсиса реализуется на основе употребления некоторого вполне обозримого набора мотивировок для выполнения в нарратории определенных функций, которые необходимо выявить» (с. 148).

Следующие два подраздела главы посвящены описанию всех типов и подтипов системы диегетических и медиальных мотивировок аналепсиса с указанием их функций.

В первом параграфе третьей главы автор обращается к нарративам, анализ которых «позволяет наиболее ясно показать закономерности как употребления, так и неупотребления в них аналепсисов» (с. 282). Второй параграф главы на основе разбора повести Ю. В. Трифонова «Предварительные итоги» призван показать действие разнотипных аналепсисов на порождение нарратории (с. 289–305). Проведенный анализ позволяет автору прийти к обоснованному выводу: «Аналепсис <...> – сильное нарративопорождающее устройство. С семантической точки зрения, аналепсис – это один из когнитивных механизмов нарративопорождения» (с. 305).

В целом рецензируемая книга позволяет «перезапустить» категорию нарративной мотивации, ранее принадлежавшую теоретической поэтике, и ввести ее в современную российскую теоретическую нарратологию.

Термины, составляющие заглавие книги: «фигура аналепсиса» (то, что более традиционно называют ретроспекцией) и «мотивировки», – вполне очевидно отсылают соответственно к концепциям французского нарратолога Жерара Женетта и русских формалистов В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского.

Однако и многие идеи М. М. Бахтина (нередко в преломлении В. И. Тюпы) нашли в ней свое применение.

Для читателей «Бахтинского вестника» особый интерес представляет «бахтинский инструментарий» книги. Одна из важнейших для автора монографии идей М. М. Бахтина – разграничение в любом произведении словесности, или нарративе, «рассказываемого события» и «события рассказывания». Опираясь на изложение этой идеи в «Формах времени и хронотопа в романе», А. Е. Ефименко подчеркивает, что указанное разграничение должно лежать в основе всех без исключения нарративных исследований. Предложенная им книга со всей очевидностью подтверждает этот тезис. Именно эту бахтинскую концепцию автор монографии называет в числе первых идей, необходимых для изучения аналепсиса (с. 15), а также и любого другого объекта нарратологии. Бахтинское разграничение «рассказываемого события» и «события рассказывания» Ефименко определяет как ключевую идею нарратологии.

Поскольку основной интерес работы А. Е. Ефименко лежит в области теории литературы и даже – теории художественного дискурса, то ее автор придает очень большое значение точности используемой в работе терминологии. Так, обсуждая объект своего исследования, он сразу отказывается от использования термина *текст* в качестве базового, следя в этом вопросе за М. М. Бахтиным, показывающим, что «термин *текст* совершенно не отвечает существу целого высказывания» (с. 19). В то же время речь не идет о полном отказе от термина *текст*, автору важна уместность его использования. Так, например, термин уместен в осмыслиении феномена начала и конца текста и в понимании этих сегментов как сильных позиций текста. Ефименко указывает на то, что эти аспекты термина *текст* впервые были обозначены именно Бахтиным в «Проблеме речевых жанров».

Основополагающей категорией исследования стала категория художественного времени. Анализируя ее, А. Е. Ефименко опирается на бахтинское понятие хронотопа (с. 70–71). Базовые понятия нарратологии – «рассказываемое событие» и «событие рассказывания» – коррелируют в книге с другим разграничением, предложенным одним из духовных учеников Бахтина профессором В. И. Тюпой. Это разграничение диегетического времени и медиального времени. Вслед за ним Ефименко выделяет «три граммемы “художественного времени”»: 1) «процессуальное физическое время» произведения; 2) диегетическое время излагаемых событий (по М. М. Бахтину, время «рассказываемого события»; по Ж. Женетту, «момент истории»); 3) медиальное время, время рассказывания и чтения (по М. М. Бахтину, время «события рассказывания»; по Ж. Женетту, «момент наррации»), оно же – физическое время вербализации наррации» (с. 88). Таким образом, автор монографии убедителен в своем намерении соединить три концепции: Бахтина, Женетту и Тюпы, чтобы на их основе вести «нarrатологический» анализ нарратива.

Совершенно закономерно, что основной массив бахтинских категорий и понятий содержится в первой, концептуально-теоретической, части книги. Не менее закономерно появление имени М. М. Бахтина на последних страницах монографии, где ее автор выражает сожаление, что у него не было возможности выявить жанровый аспект аналепсиса. Подчеркивая, «что эта проблема нуждается в последующем более детальном изучении» (с. 310), А. Е. Ефименко вновь обращается к бахтинским работам, соглашаясь с мыслителем в том, что «для писателя-ремесленника жанр служит внешним шаблоном, большой же художник пробуждает заложенные в нем смысловые возможности» (с. 310).

В заключение подчеркнем, что монография А. Е. Ефименко является далеко не рядовым явлением современной филологической науки – она вносит вклад в развитие генеративного подхода в нарратологии, выявляя его недооцененный потенциал.

Опираясь на русскую, западноевропейскую и американскую словесность XIX–XX вв., автор использует междисциплинарный подход в исследовании фигуры аналепсиса и системы ее мотивировок. Книга будет интересна историкам и теоретикам литературы, а также практикующим филологам, в частности преподавателям новой прикладной дисциплины «Творческое письмо» (Creative Writing).

Об авторе

Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>,

Scopus ID: 57197733308,

Researcher ID: AAW-9694-2020,

e-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Поступила в редакцию 24.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

About the author

Svetlana A. Dubrovskaya, Dr.Sci. (Philol.), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevikskaia St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>,

Scopus ID: 57197733308,

Researcher ID: AAW-9694-2020,

e-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Submitted 24.10.2025; accepted 30.10.2025.

Научный редактор *И. В. Клюева*

Редактор *И. В. Клюева*

Корректор *А. Н. Харитонов*

Компьютерная верстка *Е. А. Климкиной*

Перевод на английский язык *И. В. Клюевой, С. В. Голованова*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Реестровая запись ЭЛ № ФС77-74424 от 23.11.2018.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Номер подписан и опубликован 24.12.2025
Объем 32,7 МБ

Редакция журнала «Бахтинский вестник».
430005, Российской Федерации, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

<https://bakhtiniada.ru/>

Scientific Editor *I. V. Klyueva*

Editor *I. V. Klyueva*

Proofreader *A. N. Kharitonov*

Desktop publishing *E. A. Klimkina*

Translation in English *I. V. Klyueva, S. V. Golovanov*

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision – of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registry Entry ЭЛ №. ФС77-74424 23.11.2018.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

The issue was signed and published on 24.12.2025
The volume: 32,7 Mb

Editorial office:
68 Bolshevikskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation,

<https://bakhtiniada.ru/>